

Андрей Олегович Белянин Иван Иванов Марина Урусова
Анджей Пилипник Александр Рудазов Франтишка
Вербенска Анна Шохова Владимир Городов Эва
Бялоленьская Олег Шелонин Виктор Баженов Галина
Черная
Ангел быстрого реагирования

«Ангел быстрого реагирования»: Альфа-книга; Москва; 2009
ISBN 978-5-9922-0374-5

Аннотация

Вот и новая встреча с братьями-славянами на запутанных тропах фантастики. По счету уже четвертая. Андрей Белянин продолжает свой подвижнический труд собирания разрозненных временем и обстоятельствами писателей «одной крови». «Ох и трудная это работа!» — преодолевать сложившиеся за годы недоверия «Советам» стереотипы мышления, медленно расширяется круг авторов, однако процесс идет, уже готовятся к печати отдельные книги писателей из белянинских сборников, и радость встречи читателей с романами и повестями Анджея Пилипика и Эвы Бялоленской, Франтишки Вербенски и Анны Шоховой, Христо Поштакова и других будет лучшей наградой Андрею за его работу. В этом ряду и российские авторы, как известные, так и начинающие свой путь в литературе: Александр Рудазов, дуэт Олега Шрелонина и Виктора Бажейрува, Марина Урузцова, Владимир Городов, Иван Иванов... Можно не сомневаться: раз Белянин кого-то пригласил в свои сборники, они того стоят - значит, качество текстов превосходное.

Ангел срочного реагирования Андрей Белянин

От составителя

Спасибо! Вот, ей-богу, первое, что мне бы хотелось сегодня сказать, это именно — спасибо! В принципе мог бы набрать это слово и большими буквами, для пущей помпезности и важности, но надеюсь, меня и так все поймут правильно.

За что спасибо? А за то, что в серию поверили, стали присыпать свои рассказы отовсюду, и теперь мы имеем возможность собирать больше одного сборника в год. А это хорошая перспектива...

Спасибо за то, что к нам повернулись лицом и наши братья-славяне. Сначала они давали мне свои рассказы исключительно из уважения к нашим личным дружеским отношениям. Им же вбивают в головы, что Россия — дикая, тоталитарная страна, с ней культурный обмен невозможен и, более того, зачастую опасен. Украдут рассказ, опубликуют под чужим именем, не заплатят гонорар, переведут в переводе, хоть в чём-то да обманут, стопроцентно! Увы, увы, увы...

Анджей и Эва как поляки сильно рисковали уже тем, что их не понимали товарищи по перу. А как могли чешки Франтишка и Анна после стольких лет советской «оккупации» поверить в то, что мы всерьёз интересуемся их легендами? А Христо и Пламен, искренне сетующие на то, что «братушки» знают болгарское вино, но не знают и близко современных болгарских писателей?!

Спору нет, они все и сами хороши, но... Если Россия по-прежнему великая страна, а русский народ — старший брат, то надо держать марку. Мы и держим. Теперь уже болгары приглашают за свой счёт (!) на литературные конвенты. Теперь поляки ждут всех русских фантастов на встречи в Краков и Гданьск. Теперь чехи просят разрешения переводить и издавать тех, с кем познакомились под одной обложкой. Мои друзья из разных стран приняли друг друга и активно рвутся к личному общению! Думаю, по большому счёту, ради этой дружбы и затевался весь проект...

Итак, наш четвёртый сборник получился довольно разнообразным как по тематике, так и по количеству авторов. Дорогой моему сердцу Анджей Пилипик представил всего один рассказ, но для нашего издательства уже готовятся переводы его отдельных книг. И про Вендеровича, и про Княженку, и про Распутина... В последний мой приезд мы с ним даже порубились на польских саблях, он из тех фантастов, что умеют держать в руках клинок!

А вот Эва Бялоленская взяла реванш. В прошлом сборнике её не было, зато в этом она постаралась на славу. Мы также готовим её отдельные книги, так как поклонники творчества талантливой польки теперь есть и у нас в стране.

Франтишку Вербенску вы уже знаете, она продолжает дарить нам древние легенды из старых чешских архивов времён короля Рудольфа. Теперь её мечта — приехать к нам в Россию... Тонкая и интеллигентная проза другой чешской писательницы, Анны Шоховой, уводит нас в мир литературной сказки. Работая примерно с теми же материалами, что и Франтишка, она тем не менее создаёт свой собственный мир, и читать её не менее интересно.

Болгар на это раз нет. Подвели. Ну с кем не бывает, в следующем сборнике вернут своё. Братушки слово держат...

А вот наши россияне порадовали новыми и уже известными именами. Сначала о новичках, об Иване Иванове к примеру. Он адвокат, выпустил две чисто юридические книги и очень яркий роман-фэнтези «Адвокат загробного мира». Я с удовольствием публикую его шутливую пародию на Христо Поштакова. По-моему, это тот редкий случай, когда пародия становится конкурентом...

Критик и филолог Марина Урусова подарила приятный и шутливый рассказ о философском камне. Владимир Городов, ранее публиковавшийся в АСТ, написал довольно большую сказку о детях и взрослых в некоем мире, параллельном Древней Руси. Думаю, со временем этот рассказ станет большим романом.

Александр Рудазов давно не новичок, он вновь выступил с блистательным развёрнутым полотном, продолжение всё той же дивной истории про магов. Когда автор уже состоялся, перехвалить его трудно, ведь читателей становится всё больше, а значит, критерии оценки текста всё более высоки. Приятно знать, что лауреаты премии «Меч Без Имени» по-прежнему не снижают планку. К тому же я сам выбираю авторов, а значит, ни за что не рекомендовал бы вам то, что не нравится самому...

Олег Шелонин и Виктор Баженов — тоже имена знаковые. Их творческий союз выдаёт не просто интересные вещи, но ещё и завидно переиздающиеся. Их рассказ совмещает в себе строгую научную фантастику, юмористическое фэнтези, да еще лихо приправлен религиозным подтекстом. Думаю, что поклонники этого популярного tandemа не будут разочарованы. А всех остальных прошу знакомиться!

Теперь опять самое сложное: что-то о себе. Как и обещалось, мой рассказ будет в каждом сборнике. Большой-маленький, один-пять, никогда не известно заранее. Сейчас мне оказалось интересно продолжить приключения супружеской пары демонов Абиасдона и Азиэллы. Говорят, противоположности притягиваются. Возможно, поэтому в их судьбе появился новый герой — Альберт, ангел быстрого реагирования. Но ангел и демон — гремучая дружба, вы же знаете... А ещё мы с Галиной написали новую вещицу про наших «оборотней». Про то, что Аркенстон продолжает оставаться одной из самых крупных драгоценостей в мире и, значит, рано или поздно усыпальницу Торина навестят некие подозрительные личности. Вот только понравится ли это духу великого гнома? На наш взгляд, добной традицией сборника становится вспоминать тех, кто полюбился читателю, хотя бы самой короткой историей...

Ну вот вроде бы и всё. Уверен, что наши труды не пропадут даром. Ведь хорошо, что каждый из нас, работая над собственным большим произведением, всё-таки находит время отложить крупную форму ради того, чтобы собраться в одной книге. Мы очень разные, но у нас одна кровь — она называется «творчество».

А потому — до встречи! Прощаемся, надеюсь, ненадолго...

Андрей Белянин

P.S. Кажется, я всё же научился писать предисловия!

Андрей Белянин "Ангел быстрого реагирования"

...В тот день я заявился с работы, украшенный здоровущим синяком вполлица. В своём человеческом обличье, разумеется, причинить мне вред как демону куда более проблемно.

Но не невозможно тоже, увы...

— Милый, что это?! Ты опять сидел в баре с Альбертом?

— Нет, дорогая, мы встретились с ним после работы,— вынужденно признал я.— В смысле когда моя работа была уже почти закончена, а его... его только начиналась.

— Задница Вельзевулова! — яростно выругалась Азиэлла.— И ты всё ещё называешь этого ангела своим другом?!

— У меня не много друзей, а Альбера я хотя бы знаю не одно тысячелетие...

— Дай мне его номер телефона!

— Не надо, милая...

— Дай, я тебе говорю! Мне очень хочется поговорить с его женой! Пусть скажет мне, приятно ли, когда твой муж возвращается с работы в синяках, в то время когда ты в положении?!!

Мне оставалось лишь виновато пожать плечами и бочком проскользнуть в комнату, пока она бушевала в прихожей. Цепь с крючьями я успел снять чисто автоматически. День действительно выдался сложный. Сейчас объясню... Только спрячусь в ванной. Когда ваша жена на первом месяце, её беременность ещё никак не бросается в глаза внешне, но заметно отражается на характере.

Для нас, демонов, время течёт иначе, я, честно говоря, даже не знаю, как она намерена выносить этого ребёнка, не переходя в человеческое тело. Но эта капля, эта невероятная искра жизни уже поселилась у неё внутри, сделав одновременно и более нежной, и более раздражительной. Как говорится, на что нарвёшься, мужики меня поймут...

Но и мне сегодня надо было хотя бы несколько минут отлежаться в серной ванне. Азиэлла ласково скреблась у дверей, царапая косяки орлиными когтями, но я дополнительно опустил стальную решётку, о которую она уже не раз ломала зубы, и спокойно выдохнул...

...Всё начиналось буднично. Я пришёл в офис, увернулся от поцелуя шефа, позволил секретарше ущипнуть себя за задницу (женщины от этого млеют!) и получил разнарядку на очередного грешника. Мужика надо было брать в сауне, тёпленьком, буквально вырвав из компании пьяных друзей и продажных подруг. Разрушения, мистика и всяческая демонстрация силы только приветствовались. Профилактические запугивания потенциальных клиентов всегда в нашей компетенции, хотя вроде бы льют воду на другую мельницу...

Дело привычное, обычно проходит как по топлёному жиру на сковороде, человеческому, естественно. Проблем не возникало никогда и никаких, всё тривиально, нажимаешь кнопку звонка — дверь в сауну гостеприимно распахивается. Я прилично одет, строгий костюм, элегантные туфли, зеркальные очки, борсетка. Bay! Джентльмен пришёл лично заказать номер на послезавтра. Бойкая тётенка охотно предлагает войти. Легко!

Шаг второй — улыбнуться тётенке, сняв очки. Шикарные клыки, чёрный язык, в глотке бездна ада, а в глазницах отблески пламени неугасимого пекла! Полторы секунды она в обмороке, удачно упав на диванчик.

И третий, заключительный штрих:

— Холодное пиво!

— Заходи! — радостно отзвались изнутри, и я честно вошёл, потому что был приглашён, и теперь моя очередь развлекаться. На меня улыбчиво уставились трое мужиков и две незакомплексованные девицы в сползающих простынях. Мило, незатейливо, без особых фантазий, но по существу. Россия не меняется, а ведь я на этом объекте едва ли не со времён князя Владимира...

— Николай Степанович, я за вами,— вежливо поклонился я. Самый толстый из мужчин недоуменно переглянулся с остальными.

— Чё за мн... кто его, ваще, мн... пустил? Ты инспектор, мн... чё ли?!

— Нет, я по работе.

— Ах по работе, мн!..— облегчённо вздохнули все, девчонки зашебетали, их кавалеры

расслабились, а мой клиент шумно высыпался в простыню соседа.

— Ты это, мн... по работе?! Вот в приёмную ко мне придёшь, запишешься там, мн... чтоб всё, как у людей. Вопросы — рассмотрим, дела — порешаем, контакты есть — всё чики-пуки! А щас, мн...

Я даже не стал тратить время на ответы или отповеди... Депутатский корпус — это золотая жила наших наполнителей. И брать их следует непременно со спецэффектами! Мне понадобилось меньше полминуты, чтобы, раздевшись до пояса, предстать перед ними во всей красе — могучий торс, рельеф без анаболиков, изумрудно-зелёная кожа, кое-где змеиная чешуя (иногда можно...), сиреневые глаза без зрачков, чуть искривлённые рога и струйка пламени, вылетающая меж зубов при каждом слове.

— Трепещите, смертные! Ибо имя моё — Абиасдон, и я пришёл за вашими смертными душами. Кто первым заглянет в ужасающие глубины сердца ада?!

Дальше всё по логике вещей — шум, визг, суматоха, попытки звонить братве и в милицию, слёзы, икота плюс многоступенчатый мат. О, как же без него! Без мата в этой стране ничего не делается, ни хорошего дела, ни плохого. Возможно, именно поэтому мы тут так надёжно и держимся...

— Изыди, изыди, сатана! — наконец вопит кто-то, тыча в мою сторону здоровенным нательным крестом, на полкило драгметалла, не считая каменьев. Нет слов, всё освящено в церкви, но понятие хотя бы элементарного вкуса, хоть в какой-то мере, должно быть у человека? И чего мне крест показывать, если коснуться им меня все равно никто не посмеет. Чуют, что у самих рыльце в пушку, а значит, и в крест не верят по-настоящему. Я молча, не отвлекаясь, протянул руку к верещащей жертве и напомнил:

— За две победы подряд при выборах в краевую Думу ты прилюдно клялся заложить душу. Залог был принят. Мы определили тебе три года, без пролонгации и права расторжения договора. Устная форма давно принята к исполнению, как и просто мысль озвученная. Классические договора с печатями и подписью кровью уходят в прошлое. Собирайся, грешник...

Все практически окаменели. Я отчётливо слышал, как их сердца стараются биться потише и пореже. Ага, кроме животного ужаса, оказывается, и совесть хоть у кого-то осталась. Плохо мы ещё работаем с населением, раз совесть ещё встречается... Абсолютно бесполезное и бессмысленное чувство, раньше его называли страх Божий. Имеешь его в душе, значит, не можешь поступить плохо. Всё изменилось и, в большинстве своём, в выгодную нам сторону, но...

— Матерь Божья, Царица Небесная, заступись и помилуй! — неожиданно тонким фальцетом взвыл резко сдувшийся депутат, буквально на моих глазах худея на два, а то и три килограмма.

— Поздно.— Я протянул руку и крепко сграбастал его за загривок.— Молитвы уже не помогут...

— Господи... Иисусе Христе... — едва дыша, бормотал он, даже не пытаясь вырваться. Это правильно, вырываться из моих когтей — себе дороже, но самое обидное, что именно в этот момент пика свершения правосудия его молитва была услышана...

— Отпусти его, нечестивый дух! — раздался за моей спиной густой медоточивый голос.

Описать саму музыку, тон, вибрации и эманации этого голоса не смог бы никто. В нём было всё — сила, нежность, мощь, нега, власть, забота, полнозвучие и совершенно невероятный мурлыкающий тембр, западающий в сердце раз и навсегда. Голос ангела!

— Отпусти его, Абиасдон!

— Отвали, Альберт, он мой,— всё ещё беззлобно огрызнулся я, даже не поворачивая головы. Я не был бы демоном, если б не узнал своего крылатого друга по одной манере построения речи. Только бы он действительно отвалил... Но это же Альберт!

От тяжёлого пинка коленом в зад я пролетел через всё помещение, выпустил из рук грешника, пробил головой стену и рухнул в бассейн, умудрившись расколотить рогами

кафельные плиты на дне... Бы-ды-мсь!

Больно... и обидно. Даже трудно сказать, чего больше. Наверное, всё-таки обиды. Потому что, по большому счёту, демон всегда проигрывает ангелу. Нас так и планировали, ещё при создании, а то дурацкое восстание на небесах лишь подтвердило эту аксиому. Я снова и снова прокручивал старые кадры в отупелом мозгу, когда полчаса спустя сидел в угловом баре, накачиваясь русской водкой, в полной уверенности, что он сюда придёт.

Мой светлый друг заявился, чуть усталый, в свободном пиджаке и джинсах с вышивкой. Внешне Альберт напоминает отпетого культуриста, ночующего в спортзале, сидящего на протеиновых батончиках и умывающегося коллагеном. Глаза голубые, волосы светлые, бобриком, само лицо скорее даже женственное, но это обманчивое впечатление. Он служит в отделе Быстрого Реагирования или Последнего Спасения. То есть в тех редких случаях, когда Господь, по своей личной неисповедимой воле, даёт грешнику ещё один шанс на искупление. Вот тогда и появляются такие, как Альберт, чтобы при всех показательно отпинать таких, как я...

— Извини.

— Пошёл вон, подонок...

— Извини, Абиасдон.— Он виновато пожал огромными плечами, и бармен привычно поставил перед ним бокал грейпфрутового фреша.— Ты сам понимаешь, у нас такая работа...

— Да пошёл ты с этой работой! Почему я никогда не пытаюсь отбить у тебя праведника?!

Альберт не ответил, этот гигант вообще немногословен. На моём человеческом лице сияли ссадины, синяки и мелкие порезы, я выглядел молдавским рабочим, из любопытства сунувшим голову в бетономешалку.

— Ему решили дать последний шанс. Он спонсировал ремонт двух храмов. "

— Из своего кармана, что ли? — уже куда более вяло продолжал ворчать я.— Ты сколько столетий на земле, ещё не привык к тому, что все депутаты — гады?! Это наш контингент, наше стадо... В конце концов, этим мы тоже исполняем ЕГО Божественную волю!

— Не все гады...

— О да! Но это как раз тот случай, когда исключение подтверждает правило. Вот скажи мне честно, положа руку на сердце, или что там у вас ещё, ты сам понимаешь, что он — мой?

Альберт кивнул. Бармен, сочтя его кивок одобрением, тут же выставил второй стакан фреша. Мне оставалось тупо глотать водку и пристально рассматривать ползущую по столу муху. Самое подходящее интеллектуальное занятие для побитого демона...

Он прав. И я тоже прав. Но он прав больше, потому что его начальство выше, приказы не обсуждаются, Свет побеждает Тьму, и если самый закоренелый грешник в последний момент, уже умирая на кресте, за один миг сочувствия попадает в рай, то не мне и не Альберту рассуждать о депутатской неприкословенности...

— Он же проколется... Не перестанет грешить. Нет, я не к тому, на чьей стороне справедливость, просто... обидно...

— Понимаю.

— И, кстати, что, без рукоприкладства тоже никак нельзя?! Ты бы мог просто приказать мне, и я всё равно бы ушёл. Зачем вся эта показуха с драками, разрушениями, игрой на публику...

— Абиасдон,— мой друг печально посмотрел мне в глаза,— ты сам всё знаешь. Это происходит не в первый раз. Мне очень жаль. Хочешь, позвоню твоей жене?

— Нет, пожалуй, её не стоит тревожить в таком состоянии...

— В каком?

Короче, я был слегка расстроен, чуточку выпивши, поэтому рассказал ему всё. Абсолютно всё! Начиная от любвеобильного типа в многоэтажке, его советов и моих результативных действий до того, что Азриэлла уже месяц, скорее всего, как беременна, и самое весёлое, что у нас может родиться человеческий детёныш. И назовём мы его — Маугли! Тыфу, клинит меня сегодня, причём по всем направлениям...

— У вас будет ребёнок?!? — на непередаваемо тихой ноте истерии и восторга одновременно выдал Альберт, махом заглатывая содержимое моей рюмки с водкой. Обычно они не пьют. И не потому, что «Догма» запрещает. Просто алкоголь — наше изобретение, а ангелы дьявольские штучки не особо жалуют.

— Ты счастливейший из демонов, Абиасдон! Несказанно рад за тебя! Если бы я ещё умел завидовать...

Тоже верно. Завидовать мой друг совершенно не умеет, это чувство у него не запрограммировано при создании. С нашим Владыкой, как вы помните, произошёл сбой. Он завидовать умел, с чего всё и началось...

— Теперь я понимаю, как виноват перед тобой.— Альберт торжественно встал, выпрямляясь во весь свой немаленький рост, его голубые глаза горели, как блуждающие огни святого Эльма.— Азриэлле нельзя волноваться, ты должен беречь и лелеять ее, всегда возвращаясь в дом победителем и героем!

— Хорош герой с таким синюшным бланшем вполлица.— Я осторожно потрогал саднящий синяк, но ангел продолжил.

— Мне нужна ровно минута.— Он достал из пиджака новенький смартфон, что-то проверил и быстро кивнул мне: — Собирайся, идём!

— Депутат сорвался? — не сразу поверил я. Это же мой клиент, мой!

— Да,— лучезарно улыбнулся Альберт. Мы выбежали из заведения, едва ли не держась за руки, как две счастливые школьницы. Не забыв, разумеется, оставить смятую тысячу на столе. Деньги — зло, а поэтому демоны всегда платят по счетам! Ангелам это необязательно, их и так все любят...

Мой видавший виды джип стоял рядышком, за углом, но Альберт широким жестом пригласил в свой роскошный «бентли». Он может себе такое позволить, «служба спасения грешников» никогда особо не бедствовала. А, ладно, это я из зависти, не слушайте... Мой друг хоть и ангел, но машину водит как бог!

Мы буквально летели, едва касаясь колёсами асфальта, дорога вела к мосту, потом за переезд, в сторону «городка нищих». Во многих местах бескрайней России именно так называют уголки, где строят сногшибательные коттеджи новые хозяева жизни. Угадайте, кто чаще навещает их обитателей, я или Альберт? Вопрос риторический...

— На чём спалился?

— На девчонке.

— Решил отпраздновать «чудесное избавление» и переувлёкся,— злорадно хихикнул я.— Держу пари, дурочке нет пятнадцати, решила посмотреть красивую жизнь, родители не в курсе, й у ваших на неё свои, далеко идущие, планы.

Ангел молча кивнул. Я с трудом удерживал спокойное выражение лица, хотя внутри едва не лопался от восторга. Охота! Самое сладкое, самое желанное, первобытное чувство, заставляющее вскипать кровь,— охота за человеком! За той добычей, что у меня уже вырвали из когтей, но она оказалась настолько глупа, что сама даёт мне второй шанс. А я второго шанса не дам...

Мы кинематографично развернулись у высоких металлических ворот. Вышли, разминяя руки, как перед спаррингом в боях без правил. Альберт ухоженным пальчиком нажал кнопку звонка...

— Кто? — хрюпло раздалось из динамиков.

— Доложите Николаю Степановичу, прибыл тот самый ангел, что оказал ему услугу. Пропустите.

— А второй?

— Это со мной.

Ангелы никогда не врут. Если бы охранник правильно задавал вопросы, мне бы вовек туда не попасть. Но уже через минуту ворота открылись без скрипа. Добро пожаловать... Быкообразный мальчик с недоверчивым выражением так называемого лица (слово «рыло» подошло бы больше) остановил на мне взгляд и жестом потребовал поднять руки.

— Оружие есть?

— Есть! — Я показал ему оттопыренный мизинец, мгновением позже тем же мизинцем впечатав идиота в кирпичный забор на противоположном конце двора. Мы, демоны, все такие крутые! Альберт даже не обернулся. Он и так знает, что при желании может повторить подобный трюк со мной. Ангелы, они такие...

На шум из дверей дома выбежали ещё двое коротко стриженных индивидуумов с пистолетами под мышкой. В кого это они собирались стрелять, в ангела и демона?!

— Стоять! Стоять, это частная территория!

Один упал на колено, другой стрелял, вытянув руки и отключив задницу, как полицейские в американском кино. Палили одновременно и слаженно, чувствовались суровые часы тренировок на стрельбище и в тире. Лично я от пуль попросту уворачивался, это несложно. Альберт их вообще не замечал. То есть пули от него даже не отскакивали, а как-то странно вязли в воздухе за пару миллиметров до его одежд и вяло падали наземь. Врукопашную охранники разумно не пошли, а ещё говорят, что у «горилл» нет мозгов!

В прихожей нас никто не встретил, в гостиной пьянилась смешанная группа разных слоёв населения, демонстрируя истинные ценности российской демократии — ухоженные бандюки и именитые бизнесмены тискали дешёвых уличных девок. На большом жидкокристаллическом экране ревились красотки классических фильмов Тинто Брасса. В одной серии, кстати, снималась и моя Азриэлла. Помните, там ещё была большая газетная шумиха, когда трое актёров умерли от оргазма во время съёмок? А, неважно...

— Абибасдон... — Ангел укоризненно покачал головой.

Я снова молча подёргал его за рукав, просительно заглядывая в глаза. Они же всё равно грешники, а у меня сегодня явный стресс из-за недостатка положительных эмоций. Ангел посмотрел на часы, подумал и чуть заметно улыбнулся:

— У тебя ровно три минуты.

Ха! Да это почти половина вечности! За указанное время я успел разбить все стёкла, оборвать обои, залить полы, обгадить потолок, обрить девиц, раздеть мужиков, спрыснуть всех пивом, облепить мукой и сахаром, да ещё срочно вызвать милицию, ОМОН, «скорую» и врача-ветеринара на дом. Убивать никого не стал, не за этим пришёл. В конце концов, даже если все мои шалости выглядели скорее проделками беса, чем демона, зато я отвёл душу! Причём чётко уложившись в отведённый мне лимит времени — три минуты.

— Ты настоящий друг, Альберт!

Он церемонно поклонился, и мы прошли на второй этаж. Крики внизу набирали мощь, переходя в неконтролируемые вопли по мере осознания народом всего, что с ними только что произошло. Надеюсь, все вызванные службы тоже прибудут вовремя, иначе неинтересно...

Нужную дверь нашли сразу. Вошли без стука. То есть ангел просто нажал на дверь плечом, и она выпала внутрь комнаты вместе с замком и петлями.

— Я очень огорчён, Николай Степанович...

В пошлo-розовой спальне горели ночники, на бессмысленно широкой кровати, в углу, скорчилась под одеялом взлохмаченная черноволосая девчонка, наш депутат в банном халате замер с бутылкой шампанского и двумя фужерами. В его глазах попеременно мелькали страх, похоть, гнев, раздражение и недоуменная обида на столь бесцеремонное вторжение.

— Извините, что не вовремя, — счёл возможным вмешаться я. — Но мы с вами в прошлый раз не договорили. Час уплаты пробил...

— Я не... ничего не было! — Спрятав на фальцет, отпетый грешник попытался откашляться и вновь овладеть голосом. — Я не понимаю, на каком основании этот тип смеет сюда вламываться? Я не потерплю здесь присутствия нечистого! И вы как ангел обязаны сию же минуту...

— Она девственница, — величаво кивнул Альберт, указывая взглядом на девочку.

— К тому же несовершеннолетняя, — добавил я. — А это уже полновесная статья плюс попытка споить алкоголем вкупе с лживыми обещаниями помочь её родителям с вос-

становлением на работе, её сестре с поступлением в институт, а ей самой с карьерой актрисы и главной ролью в кадетско-ранетском сериальчике. Ничего не упустил?

— Я её не тронул!

— Но собирались.— В глазах ангела сверкнул отблеск меча архистратига Михаила.— Ваше недостойное желание смешило стрелку весов. Он твой, Абиасдон...

— Не-э-эт! — Депутат грохнулся на колени, вытащил дорогоущий крестик на массивной цепи, истерично вопя: — Господи, иже еси на небес...си, я каюсь... я... же... блин! Короче, двести тысяч баксов на храм! И ещё в детский дом! Ну куда ещё... хотите, просто вам?! Вот, прямо здесь, сейчас, два брюля по хрен знает скока каратов! А вы их на благое дело... это ж не взятка! А я... я...

Мне пришлось заткнуть ему рот углом одеяла. Альберт вывел всхлипывающую девочку из комнаты. За окном слышались далёкие гудки спешащих милицейских сирен. Надо уходить...

— Добро пожаловать в ад, смертный!

...Вот, собственно, и всё. Когда я вышел из ванной, освежившийся, отдохнувший, захватив палку и плеть, моя жена тихонечко всхлипывала на кухне. На чёрной скатерти лежал огромный букет белоснежных роз. На нежных лепестках ещё вздрагивали капли влаги, аромат царил просто божественный. Как ни верти, но иначе не скажешь...

— Только что передали, контрабандой. Сверху.— Азиэлла всхлипнула и вытерла нос кончиком хвоста.— Это твой Альберт, да?

— Да,— уверенно кивнул я, на всякий случай держась подальше.— В аду такого не достать. Я сегодня... в общем, я рассказал ему о тебе. Ангелы не могут иметь детей, но он искренне рад за нас. Если хочешь, я это выброшу...

— Нет...— Она осторожно коснулась толстого стебля кончиком когтя, задумчиво сорвала и прожевала один бутон.— Восхитительно! Как думаешь, если мы решим крестить ребёнка, то у него будет двойная защита сил Света и Тьмы?

— Возможно. Зато я точно знаю, кто будет самым лучшим крёстным...

P. S. Угадайте, как воспринял это Альберт? Не угадали... Да он меня чуть не задушил!

P. P. S. От радости...

Марина Урусова "Философский камень"

Полдень. Скучно. Ни одного посетителя задень. Хозяин кабинета устал от безделья.

В дверь робко заглянул невысокий сухонький Старичок в фуфайке, валенках и еврейской шапочке-кипе.

— Проходите, гражданин! Присаживайтесь.— Следователь, развалившись в кресле, указал на стул.

Старичок присел на самый краешек, по-девичьи сведя колени. Жилистые руки сдёрнули и нервно затеребили шапочку.

— Итак, с чем пришли? — лениво и барственno проце-дил Следователь.

— С повинной,— смиленно ответил посетитель. Следователь подобрался, достал лист бумаги, но отвлёкся на телефонный звонок, успев, то ли попросить, то ли приказать:

— Представьте всё в письменном виде. По порядку, с подробностями.

Через полчаса перед Следователем лежала «явка с по-винной» на полстраницы, а Старичок покорно ждал приго-вора.

Служитель закона просмотрел документ, помотал голо-вой, словно отмахиваясь от наваждения.

— Подождите, что вы тут написали? Вы утверждаете, что являетесь Леонардо да Винчи?

Старичок гордо выпрямился и выпятил грудь колесом:

— Это был расцвет моего творчества! Золотой век!

— И в то же время вы — Иероним Босх?

Посетитель сконфуженно развёл руками:

— Период психологической депрессии.

— И вы же — Сальвадор Дали?

Старичок воинственно упёр руки в бока:

— Ну поэкспериментировал немного! С кем не бывает!

— Хорошо. Но вы ещё и Казимир Малевич!

Старичок горестно вздохнул и бросил шапочку на пол:

— Творческий кризис!

Следователь расслабил узел галстука, махом, как водку, выпил стакан воды и зачитал вслух:

— «Последние семьдесят лет прожил в шкуре Зураба Церетели»! Как это понимать?

Дед язвительно изогнул бровь и процедил:

— Конъюнктура, мать её!

— Хорошо, но как же вас тогда зовут в действительностии?

— Известно как — Николас Фламель! Вы что, «Гарри Поттер и философский камень» не читали? Зря. Познавательная книжечка. Обо мне там, правда, маловато сказано.

Следователь вытер платочком лоб, подозревая неладное, но продолжил чтение:

— «В XVI веке изобрёл философский камень, который использовал в личных корыстных целях, скрываясь от инквизиции и НКВД». Как вам это удалось? Особенно от последней инстанции?

Старичок, видя искренний интерес со стороны Следователя, охотно пояснил:

— Ну с инквизицией, известное дело, было проще. На пишешь чай-нибудь портрет и ждешь, когда оригинал умрет. А потом объявляешься под видом эксперта и говоришь, что это автопортрет великого художника. Фотографию и дактилоскопию тогда ещё не изобрели, Интернета и баз данных не завели. Так что всё просто. Как знакомые начинают стареть, переселяясь в другой город под новым именем. Если кто из старых знакомых тебя и увидит, сделаешь каменное лицо: обознался, мол. Так и жил. А вот от НКВД-то пришлось побегать. Научился гримироваться. Потом, когда медицина дошла до пластических операций, снова полегчало. Хочешь — под грузина, хочешь — под испанца, а то и под араба обработают. Лишь бы здоровье позволило. Только на криминале каком-нибудь не засветиться, и всё будет в порядке.

Беседа вошла в мирное русло. Следователь немного успокоился, решив, что перед ним мирный сумасшедший.

— А почему же вы не сообщили о своём изобретении в органы? Может, не пришлось бы скрываться? Гении нужны любой власти.

Дедок скептически хмыкнул:

— Как не сообщил? Сообщил! Потом еле ноги унёс. Один из опытных образцов так в инквизиции и остался. Только неправильно они его использовали. Не тем людям жизнь продляли.

— Если ваши показания правдивы, назовите лиц, использовавших философский камень. Имена, адреса, явки, пароли. Судя по всему, речь идёт о разветвлённой тайной организации.

— Ну почему же тайной? И не разветвлённая она вовсе! Один я остался!

— Как же так? Если кто-то ещё пользовался камнем, он должен жить вечно. Ну или несколько столетий и оставить след в истории.

— Так они и остались. А сами ушли. Судите сами. Александр Македонский...

— Гражданин Македонский умер в древности, а камень вы синтезировали в шестнадцатом веке!

— А я и не говорю, что он пользовался. Он и мечтать не мог о том, чего достиг Меншиков. Почитай, две Отечественные войны Россия на его плечах вынесла. Был Меншиков — был шведов, стал Кутузов — был французов, как Жуковым объявился, так

немцам конец пришёл! А Малюта Скуратов, например, и в шкуре Берии столько жизней уграбил, что и сосчитать страшно! Наполеон дослужился до Гитлера. А вы думаете, почему фюрер так подражал Бонарту? Просто делал работу над ошибками. Тот же русский вариант, но в другом исполнении. Гитлер-то лучше был подготовлен.

— Подождите, но о каждом, кроме Малюты и Меншикова, столько книг издано, биографии чуть ли не поминутно расписаны. Как же они так «перевоплощались», что у них в каждой эпохе находились друзья детства?

Старичок посмотрел на Следователя как на слабоумного:

— А как у тебя на каждое дело свидетели находятся? Вот так и у них находились. Кто перепутал, кто примазаться к славе захотел, а кого и вовсе журналисты придумали!

— Ну хорошо, а почему же они всё-таки умерли?

— Так все когда-то умирают. Камень продляет жизнь, но не даёт бессмертия. А от насильственной смерти никто не застрахован. Даже если всё время камень при себе иметь. Так кто ж им такое позволил бы. Передрались они из-за него. Ну и начали уничтожать соперников понемногу. Один я и остался, потому как у меня личный образец.

— Почему же вы решили прийти ко мне с повинной? Вы — единственный человек, проживший пятьсот лет. Прямо Кошечкой Бессмертный какой-то!

— Звали меня и так. Надоело мне прятаться. Жизнь хороща, пока молод. До такой степени надоело бездарные памятники ваять! А слышать дифирамбы в свой адрес и знать, что всё самое лучшее ты сделал более пятисот лет назад, думаете, легко? Я пережил свою славу! А каково жён, детей да внуков хоронить! — Старик всхлипнул. — Помер вчера сынок-то последний. Пора и мне уходить.

— А камень зачем хотите сдать? Вы же говорите, что в первый раз его использовали бездарно. Такие ужасы рассказываете: Малюта Скуратов — Берия, Наполеон — Гитлер! Зло растёт в геометрической прогрессии! Ну, Меншиков — Кутузов — Жуков — куда ни шло! А другие положительные примеры были? Кто-то стал лучше?

Старичок вздохнул:

— Нет, не стал. Только хуже. Все начинали думать, что они — почти боги. Плохо от них людям было. Только Меншиков-то и исправился. Не знаю я, зачем принёс тебе камень. Наверное, хочу, чтобы ещё какое-то время про меня говорили, помнили. Пусть хоть проклинают, но помнят.

Следователю показалось, что Старичок полез в карман за носовым платком, но тот положил на стол обломок кирпича. Служитель закона понял, что над ним открыто издаются. Он был уже готов вызвать охрану, чтобы определить этого старого «шутника» на пятнадцать суток за хулиганство, но в дверь заглянул Доктор, знаками показывая, что хотел бы забрать своего пациента, но так, чтобы тот ничего не понял. Следователь кивнул.

— Ну что ж. Вина ваша велика. Придётся немного посидеть у нас в КПЗ — до выяснения обстоятельств. Понимаете, мне нужно кое-что уточнить, проверить.

Громко, чтобы слышно было в коридоре, Следователь скомандовал:

— Уведите гражданина! Поместите его в камеру. Только без грубости. Раскрой-Харя, тебя это в первую очередь касается! Чтобы кулаки при себе придержал. А то постоянно оформляем арестантов в лазарет, после «несчастных случаев».

Раскрой-Харя вместе с напарником «упаковали» Старичка в наручники и вывели в коридор. После непродолжительного шума за дверью в кабинет вошёл Доктор.

Следователь приподнялся в кресле, здороваясь. Врач расшаркался перед хозяином кабинета.

— Что, он действительно болен? — поинтересовался Следователь, предложив Доктору присесть.

— Увы, безнадёжно! Достался мне в наследство от предшественника. Ума не приложу, как ему удаётся убегать от санитаров. Вы уже пятый представитель власти, к которому он обратился, — улыбнулся медик. — Подбирает где-то кирпичи и несёт сдавать.

Пока он чиновникам голову морочит, мы успеваем его найти. Ну посудите сами, разве этот кирпич похож на философский камень?

Доктор говорил мягко, улыбаясь. Весь он светился добродушием. Но когда рука медицинского работника протянулась, чтобы взять обломок кирпича, Следователь неожиданно для себя в последний момент выхватил его.

— Извините, гражданин. Это — вещественное доказательство. Руками трогать не рекомендуется.

Следователь встал и, повернувшись к гостю спиной, открыл сейф, намереваясь спрятать туда камень. Он не увидел, как Доктор достал шприц, и через несколько секунд отключился, получив приличную дозу снотворного в мягкое место.

Доктор приоткрыл дверцу сейфа и осторожно взял с верхней полочки обломок кирпича.

Выходя из кабинета, обернулся к лежащему на полу Следователю:

— Извини, амиго! У меня не было другого выхода. Революция в опасности! Фиделю нужна новая жизнь.

Анджей Пилипик
"Загадки воды"
(перевод с польского Маргариты Бобровской)

Что-то стягнуло, определённо. Якуб Вендерович своим шестым чувством безошибочно определил неладное. По телам отдыхающих, которые грелись под солнышком на пляже, усыпанном грязным гравием, муравьями пробежал электрический разряд. Люди приподняли головы, а некоторые из них даже поднялись и направились в сторону кафетерия. Экзорцист остался сидеть на месте. Он приехал в санаторий отдохнуть! Врачи ему так прописали. А ещё они прописали ему много солнца и мало нервов. Легко сказать! Этот «пионерлагерь» ему был явно не по душе. Всё здесь раздражало Якуба: бетонные ограждения, отделявшие друг от друга одинаковые двух- и трёхэтажные бетонные блочные постройки, асфальтовые дорожки с бетонными урнами около лавок, бетонная пристань, к которой пришвартовались с десяток лодок, которые, к счастью, были сделаны не из бетона. Да, деревянными ещё были упомянутые лавки и бар с названием «Стёклышко» или как-то в этом роде. В центре пансионата возвышалось уродливое здание времён Союза учителей Польской Народной Республики, которое каждый сезон без изменений заселяли целые стада кошмарных мамочек с такими же кошмарными, разбалованными оболтусами, а через некоторое время — подросшие оболтусы со своими чадами, и так, казалось, будет до бесконечности. Да, был ещё один магазинчик на самой окраине пансионата, в котором можно было стоять в очереди до посинения, а когда приходил твой черёд, то на прилавках уже ничего не оставалось. Но самой страшной бедой для Якуба было то, что врачи строго-настрого запретили ему пить. Спиртное, разумеется. Ну и ещё эта проклятая диета...

— Эх, мне бы сейчас в Войславицы, да в пшеничное поле. Раз в десять бы легче стало, — тяжело вздохнул Якуб в пространство.

Санаторный пленник не спеша встал и поправил немногие помятые от лежания на гравии джинсы. Посмотрел на них с нескрываемым отвращением. Лучше всего Вендерович чувствовал себя в трофеиных штанах от советского мундира и в эсэсовской куртке, но ему было бы стыдно показываться в таком виде перед культурными городскими жителями... Якуб хмуро всматривался в зеркальную гладь залива. Поверхность воды время от времени сморщивалась от порывов северного ветра. Где-то там, на глубине, стояли развалины домов. Вендерович знал об этом.

— Холера, нельзя им было этого делать... — сказал он сам себе.

А потом замолчал. Во-первых, кто-нибудь мог подслушать. Во-вторых, разговоры с самим собой в таких кругах считались проявлением психической болезни. Об этом постоянно твердил друг Якуба, ксёндз Вильковский. Кстати, путёвка в санаторий — это его

работа.

Толпа зевак на краю пляжа росла.

— Вот так всегда. Любит наш народ поглазеть на чужие несчастья.— Вендерович снова заговорил сам с собой.

Нелегко искоренять в себе старые привычки. Вот и Якуб, как бы против воли, не спеша потопал в ту же сторону. В свое оправдание он мог бы сказать, что ноги сами повели его туда. Толпа зевак собралась как раз за кафетерием. За тем самым кафетерием, где продавали тошнотворное мороженое, которое прилипало к языку и оставляло на нём жирный след красителя. Абсолютно безвкусное, но зато — холодное. В нескольких метрах от берега, напротив отдыхающих, плавали лебеди, попрошайничая у зевак и прохожих кусочки хлеба.

Якуб по привычке сунул было руку в карман, но, к большому сожалению, не обнаружил там хорошо знакомой ему велосипедной цепи. Добрую минуту старый браконьер стоял и с тоскливой завистью наблюдал за стаей откормленных птиц.

— Скажите спасибо, что здесь столько народу собралось,— с ненавистью прошипел он десятиграммовым тушкам, покачивающимся на волнах,— иначе с каждого из вас вышел бы неплохой бульон, а по кому-то и печка плачет на День благодарения. Начинить бы вас теми яблочками, что растут за моим забором на заброшенном дворе Михаила, вот был бы пир на всю улицу! И ещё чуточку самогончику...

Но потом Якуб вспомнил, что Семён Панченко давно уже перестал гнать самогон на своём чердаке. В деревне, правда, остались и другие экспериментаторы, но их первачок был слишком уж слабый, да и гнали его из каких-то подозрительных ингредиентов. Разве что на Тростянце били ещё несколько родничков недорогой и смачной горилки производства настоящих мастеров, но и те пересыхали бесследно.

— Эх, времена упадка... — пожаловался Вендерович птицам.

Лебедям явно не нравился этот старик. Неправильный он какой-то, только и знает, что болтать, а им даже крохи в воду не бросил. Стая дружно дала понять, что таким гостям она не рада, и начала прогонять Якуба шипением. Тот, в свою очередь, показал им фигу и пошёл дальше. К этому времени народу, собравшемуся на берегу, значительно прибавилось. В толпе Якуб узнал одного старичка, которого время от времени видел в парке возле санатория. Нормальный человек, хотя и учёный. Как же его звали? Михал... Михал Рабинович! Только не из тех Рабиновичей, о которых придумали столько анекдотов — Якуб уже спрашивал его об этом. Михал работал учителем в техникуме, а сейчас отдыхал на пенсии.

— Что дают? — поинтересовался экзорцист. Старичок оглянулся.

— Ах это вы, пан Вендерович,— обрадовался он собеседнику.— Да вот, знаете ли, утопился один из этих оболтусов. Его только что выловили полицейские водолазы. Какая трагедия! Скажу пану по секрету, здесь творится что-то страшное. Вся шея у мальчишки синяя, словно его кто-то душил. А к тем синякам прилип какой-то зелёный шлейф, но не водоросль. Гадость невероятная! Труп уже запаковали в мешок и сейчас, по-видимому, ждут моторную лодку. Говорят, что его повезут в Сероцк делать вскрытие в морге.

— Зелёный шлейф, говоришь? На желе похожий? — серьёзно спросил Якуб.

— Вы перехватили у меня это сравнение прямо из рта! Мерзость полнейшая.

Якуб зажмурил глаза. Что-то всплывало из глубокого колодца его памяти. Воспоминание было окутано туманом, но всё же он кое-что увидел: еще ребёнком Якуб сидел в Войславицах на берегу реки и слушал истории старожилов-рыбаков. Те рассказывали о чём-то похожем, отпугивая байками проворных мальчуганов от своих удочек. Но о чём конкретно они рассказывали тогда, вспомнить пока не удавалось. Якуб, который в санатории был обречён на жизнь в обществе интеллигентов, сам того не замечая, иногда вёл себя культурно. Он вынул из кармана огрызок простого карандаша, наслоняя его и на обложке медицинской карточки каракулями записал перечень улик, чтобы ночью, на свежую голову, обо всём поразмыслить. Всё равно по ночам его мучила бессонница. Хотя зачем дожидаться ночи? И Якуб, почувствовав себя Шерлоком Холмсом, направился в

сторону пристани. Он удобно устроился на бетонных ступеньках, разулся и опустил ноги в прохладную воду. Воспоминания посвежели. Та-ак, нечто подобное уже случалось однажды. В Уханях это было, а может, и в Войславицах, да, скорее всего, в Войславицах. Дело было у ручья, что возле замка. Ручей ещё называли Чёрной бездной. Вроде бы и небольшой был на вид, но глубокий и слишком уж мрачноватый. Но что именно там произошло, новоявленный сыщик припомнить пока не мог. «Да,— подумал он с горечью,— глоточек из моей фляги — для восстановления памяти — был бы сейчас очень кстати». От тяжких раздумий его отвлёк диалог двоих, проплывавших мимо на лодке.

— А я говорю вам, что это дело рук психопата. И ведь, заметьте, это уже не первый случай.

— Да вроде как седьмой за три года.— Голос принадлежал женщине среднего возраста и телосложения. «Наверное, учительница», — подумал Якуб. Учительница в широкой шляпе продолжала своим эффектным голосом: — Я здесь уже не первый год, знаете ли, отдыхаю. И всегда, всегда топились только детишки. И всегда их находили с этими жуткими и огромными синяками на шее. Ну прямо как от удушья.

— И все они были вымазаны той зелёной гадостью,— добавил кто-то третий.

— Поговаривают, что чаще всего люди гибли после захода солнца.— Это снова был первый голос— Но никогда в их крови не обнаруживали алкоголь. Ну я бы ещё могла понять, если какой-то пьяница сдуру влез в воду, поскользнулся, а выплыть уже не смог. Но как вы объясните мне тот факт, что в прошлом году утонул парень из яхт-клуба? Ведь никто не станет убеждать меня в том, что он не умел плавать.

— А тот скаут, помните? Вошёл по пояс в воду, а потом внезапно пропал, как будто в яму провалился. Только в этом месте слишком мелко, да и дно ровное.

— Говоришь, что люди это видели? Значит, свидетели-то были!

— Ага, половина их отряда, или как там они себя называют. На окончание смены хотели голышом в полнолуние искупаться. Так первый и доплавался. А следы — те же.

— Только не говорите мне, что это акула-людоед заплыла в пресные воды!

— Акула, может быть, и не заплыла, а вот псих или извращенец с ластами, в подводной маске и с кислородным баллоном за спиной — так очень может быть.

— Если бы это был извращенец, то... хм... того... следы были бы другие.

— Ага, как же, так тебе полиция всё и расскажет. Знаешь, как это бы статистику им подпортило? Меня лично в этой истории интересует сюжет с тем зелёным шлейфом.

— И что тут интересного? — опять подключилась к разговору женщина в большой шляпе.— Наверняка это какой-то осадок со дна.

— Ну что вы такое говорите? Какой ещё осадок?! В жизни не видал зелёного ила.

— А может, это неизученная разновидность водорослей?

— В таком, извините меня, болоте? Скорее всего, дело в том, что соседняя фабрика сбрасывает сюда производственные отходы. Пошла химическая реакция и...

— А вдруг из-за этих отходов водоросли одичали?

— Ну это уж слишком! Не станете же вы убеждать меня в том, что водоросли душат людей?

Якуб посмотрел на свои часы и немного испугался. До начала обеда оставалось меньше пятнадцати минут, а ему ещё надо было переодеться. С большим сожалением он оторвался от подслушивания разговора и бегом направился в сторону домиков. Еле успел. В столовой все продолжали комментировать недавнее происшествие, но из этих разговоров Якуб не выловил для себя ничего нового. Сразу же после обеда на пороге столовой Вендерович наткнулся на своего лечащего врача. Терапевт с дивной фамилией Мешков затащил его в свой кабинет.

— Ну? — спросил он приветливо.

— Что — ну? — так же приветливо ответил вопросом на вопрос Якуб.

— Как самочувствие? — уточнил врач.

— Моё самочувствие вмиг улучшится, если меня отпустят домой,— нахмурился Якуб.

Врач добродушно улыбнулся:

— И чего пану здесь не хватает?

— Мучаете вы меня. Каждое утро эта дурацкая гимнастика! Что вы говорите? Для поддержания формы? Согласен, я махаю ногами и не возникаю. Скажите только, зачем мне всё это? Зачем?! Допустим, что за год-два я состарюсь до такой степени, что буду нуждаться в помощи. Ну тогда и пропишите мне ковылять с палочкой! Такое с каждым рано или поздно может случиться. Но на этот случай у меня есть конь и мотоцикл. И если мне надо будет сделать покупки в магазине, я оседлаю свою клячу и поеду. Сам!

— Поверьте мне, Вендерович, придёт такой день, когда пан не сможет уже сесть на свою лошадку. И что тогда? Согласен, у себя перед домом вы ещё сможете приставить к ней лестницу, чтобы на неё взобраться, но кто вам подставит ту же лестницу возле магазина, чтобы вы могли слезть? Неужели будете просить помощи у знакомых?

— Доктор, у вас все дома? Неужели Якуб Вендерович... потомок казаков... на коня и с лестницей?! Как свистну, так моя кляча передо мной на колени и опустится. Как сяду в седло, свистну два раза, она и встанет. А иначе я и подавно сам пешком ходил бы и без ваших пророчеств. Ноги мои ещё, гэ-гэй, гляди, послужат! Правда, силы уже не те, что раньше, когда я в партизанке фрицев в зад пинал до тех пор, пока они дух не испускали, но, слава богу, найдётся ещё порох в пороховницах!

— Ну давайте я пану хотя бы давление измерю,— немножко опешил доктор.

— А меряй, Склифосовский, мне не жалко. Только я предупреждаю, у меня давление поднимается от одной только мысли о нём. Мнительный я, понимаете ли.

— Скажите, пожалуйста, только честно. Пан не любит врачей?

— А чего ж вас не любить? Люди как люди. Одни точно ангелы людям служат, а других вешать надо за халатность и взятки.

Доктор сделал вид, что не услышал последнее замечание, и продолжил:

— Скажите, вы нервничаете по поводу сегодняшнего происшествия?

— Вы насчёт того мальчика, что утопился? А как же. Жалко ребёнка. Из него мог вырасти порядочный человек.

— Интересный у вас подход к жизни. А вот если бы он вырос и стал бандитом?

— Не исключаю и такой возможности. Но, по данным статистики, люди, в большинстве своём, добрые. Хотя не скрою, что меня очень заинтересовало то зелёное вокруг его шеи.

— Что зелёное?

— Ну такое, похожее на шарф из водорослей. Но это не водоросли, а как бы желе...

— Хорошо. Я обязательно обращу на это внимание.

— А что, пан будет делать вскрытие? А можно будет посмотреть?

— Нет, не я. Меня пригласили на консилиум. Это только для врачей.

— Я знаю, что такое консилиум. Хотя и не знал, что его созывают и для «жмуриков».

— Бывают исключения. Как вы понимаете, такое количество похожих случаев в одном месте не может не вызвать подозрений. Если это дело рук психопата, его надо обязательно поймать. Но это уже не забота пана. Вам надо отдохнуть, а работой займутся врачи и полиция. Это не ваши проблемы. Если только... Если только пан не войдёт ночью в воду, а он на вас не нападёт.

— Не-э. Я уже лет десять как не плаваю. Но если вы одолжите мне катамаран, я сплавлю на другой конец залива, где в камышах сладко спят откормленные лебеди. Я и для вас могу поймать, если хотите жаркого или бульончика,— неожиданно вылезла из подсознания охотничья жилка.

— Напоминаю, что пан находится на диете, а лебеди охраняются государством,— повысил голос доктор.

— Эх, да я об этом не забываю ни на минуту, вы уж мне поверьте. Просто я никак не могу дождаться, когда опять вернусь в свой Старый Майдан. Возьму тогда штык, пойду в лес, заколю молоденького вепря и приглашу всех друзей на пир. И пану кусочек вышлю в

подарок.

— Огромное на том спасибо!

— Ну и как там моё давление, Склифосовский?

— В норме. И перестаньте меня так называть!

— А что, Мешков, думаете, лучше звучит? Ха-ха... Ладно, доктор, не обижайся на старого.

— Так вы хотите отсюда поскорее выписаться? Пожалуйста! Пану нельзя нервничать, а также употреблять спиртное. Соблюдайте правила, и всё будет хо-ро-шо. А если пана мучают лебеди, то советую обходить ту часть залива, где они пасутся, стороной. Чего сердце не видит, того глаза не хотят.— Доктор даже не заметил, что перепутал слова поговорки.

* * *

Той ночью Якуба, как всегда, мучила бессонница. Но на этот раз он не остался лежать в кровати, размышая о глобальных проблемах человечества. Перед ним, им же самим, добровольно и осознанно было поставлено задание: во имя спокойствия отдыхающих граждан раскрыть тайну воды. Экзорцист вылез через окно и спустился по громоотводу. Да, года были уже не те. Якуб устал, но препятствие в виде бетонного забора, ограждающего его от познания тайны, преодолел. По дороге Вендерович прихватил с противопожарного стенда топор.

Над поверхностью воды никого не было. В бледном свете луны, которая время от времени показывалась сквозь проплывавшие по небу тучи, залив казался очень странным. Неестественный блеск воды явно не понравился Якубу. Он вошёл на пристань, стараясь ступать тихо, на случай, если при этих пришвартованных лодках спит сторож. Вскоре он дошёл до края пристани, где было абсолютно пусто. Экзорцист подошёл к перилам и посмотрел в воду. Над заливом парил туман. Якуб вынул из-за пазухи флягу и отпил глоточек самогону для подкрепления старческой памяти. Остановись, мгновенье, ты — прекрасно! Спасибо другу Йосипу за передачу, лихо он сегодня постарался, даже санитары не заметили, когда проверяли.

— Белая вода! — сразу вспомнил Якуб. Целый день он ломал над этим голову!

Но после минутного триумфа Вендерович посерёзнее и взялся за дело. Он вынул из кармана небольшой театральный бинокль и начал осматривать озеро. Вскоре Якуб заметил на воде светящееся пятно.

— Есть,— подтвердил он луне.— Всё сходится. Всё, как надо!

Пятно увеличивалось в размерах прямо на глазах. Вода стала подобной молоку, она вся переливалась и манила к себе. Якуб не спеша обвязал себя цепью вокруг пояса, которой когда-то привязывал свою скотину на выпасе, чтоб не убежала. Потом привязал два конца цепи по обеим сторонам перил, а сам сел на причале и окунул в воду левую ногу. Белое пятно не заставило себя долго ждать. ОНО приближалось, разрастаясь и как бы размазываясь поверху озера. Экзорцист перекрестился и сильнее сжал в ладони древко топора.

Так в сосредоточенном напряжении прошло несколько минут. Однако нападения со стороны озера не последовало. Якуб уже думал, что напрасно он всё это затеял, и только собрался идти назад, как ЧТО-ТО крепко уцепилось за его ногу и с невероятной силой потащило на глубину. Цепь натянулась как струна, но выдержала. ТО, что было в воде, не желало так просто упускать свою жертву. Оно рвануло опять. Якуб взвыл от боли. Он ощутил, как чьи-то костлявые пальцы с силой впились в его ногу и чуть не содрали с неё кожу. По воде пошли пузыри. За долю секунды перед третьей атакой существа Якуб со всей мочи приложил его топором. Остриё вонзилось во что-то твёрдое и застряло там, а в следующий миг древко раскололось от мощного рывка. Но существо разжало смертельные тиски вокруг ноги Якуба и отступило в глубину.

Старичок встал, отвязал цепи, отряхнулся и быстрым шагом, немного прихрамывая на

левую ногу, направился к берегу. Никто его не преследовал. Когда Якуб почувствовал под ногами гравий пляжа, он облегчённо выдохнул. Зажёг на минуту фонарик и осмотрел предполагаемую рану на ноге. К своему удивлению, нога была цела, хотя и украшал её огромный синяк. Якуб, конечно, ожидал увидеть зелёную желейную гадость, но её было настолько много, что Вендеровичу стало не по себе. Он собрал немного этой слизи в баночку и омыл ногу в ближайшей луже. Дорога домой оказалась неожиданно утомительной, но наш герой справился и с этим. Оставшиеся часы той ночи Якуб спал как ребёнок.

Утром, когда сосед по комнате вышел в туалет, Якуб вынул из-под кровати баночку и, подставив под лучи солнца, с интересом присмотрелся к её содержанию. В банке была та самая зелёная слизь. Сыщик открыл крышку и понюхал улику. Слизь воняла самым обыкновенным илом, но с примесью ещё чего-то. Чего-то знакомого. Якуб хитро улыбнулся и выставил открытую банку на подоконник.

После обеда он вернулся к эксперименту. Вода выпарилась полностью. На дне банки остался только тонкий слой зелёной гадости. Якуб хорошенко обнюхал её.

— Так это же зелёная плесень! — торжественно огласил результат Якуб, после чего удалился на поиски доктора Мешкова.

Доктор сидел в своём кабинете и что-то разглядывал в микроскоп.

— Ах это вы,— обрадовался Мешков Вендеровичу.

— Ага, это я. Ну и что пан открыл на том консилиуме?

— Мы проверили эту зелёную слизь. И знаете, чем она оказалась? Самой обыкновенной зелёной плесенью, только немного размокшей. Кроме того, у меня для пана есть ещё одна хорошая новость. Только попрошу пока эту информацию не распространять.

— Как в могиле, шеф.

— Нашли того аквалангиста. - Хм?

— Ну убийцу, который плавал с аквалангом и топил детишек. Но на этот раз не повезло подонку. Не знаем как, но у него повредился кислородный шланг, и мужчина утонул сам. Сегодня утром его выловили.

— А у него случайно голова не была расколота топором?

— Нет. А почему вы об этом спросили?

— Да так, просто подумал, что ему кто-нибудь мог помочь утопиться... Неважно.

Вечерело. Якуб решил пройтись. Он неторопливо расхаживал по пристани взад-вперёд и задумчиво всматривался в залив. Лебеди с опаской шипели в адрес старика, но он даже не обращал на них внимания. Почти. Так он встретился со своим знакомым Михалом.

— Приветствую вас, пан Вендерович. Что же привело вас сюда вечером?

— И вам здравствуйте. А так, гуляю себе, пока могу.

— А слышал ли пан об извращенце, которого выловили под Сероцком?

— Слыхал уже.

— Ну слава богу, что ему ногу свело. А то я уж начал верить, что во всей этой истории не обошлось без нечистой силы.

— Нечистой силы?

— Да. Знаете, когда я начинал свою педагогическую карьеру, ещё в военные годы, то попал в одно глухое село на Полесье. Там за несколько лет до моего визита случилась беда — страшное наводнение. Оно смыло тогда часть военных захоронений. Ну а после этого случая и начала детвора по ночам пропадать. А старики знай всё нечистую силу вспоминают: мол, это утопленники бушуют. А я как здесь увидел того мальчишку с зелёной водорослью вокруг шеи, то мне аж дурно стало. Вспомнил, что тела жертв в том селе имели точно такие же признаки. А уже потом, когда я оттуда выехал, начали ходить слухи по всему району, что местные мужики выловили из озера какую-то тварь и порубили её на части. Поговаривали, что это был *утопец*. Даже следствие по тому делу проводилось.

— А не знаете, когда утопился тот аквалангист?

— Должно быть, в тот самый день, когда парнишку выловили, когда мы с вами в толпе встретились. Говорят, что уже два дня в воде пролежал.

— Тогда это не убийца.

— Что пан этим хочет сказать?

— Рабинович, я могу вам доверить одну тайну?

— Конечно, как швейцарскому банку.

Якуб закатал левую штанину джинсов и снял носок. На коже синяком отпечатались следы костлявых пальцев, которые вцепились в него с силой клещей.

— О боже! Откуда это у пана?

— Этой ночью я был здесь. Опустил ногу в воду, и ОНО меня схватило.

— Пан не шутит?

— Не-а. В виде доказательства я держу в банке немного того зелёного вещества, что снял с собственной ноги.

— И что же это, позвольте спросить?

— Размокшая зелёная плесень.

Пенсионер-учитель глубоко задумался и с нескрываемым волнением спросил:

— Вы уверены, что это был не аквалангист?

— Я ударил того сукина сына топором со всей силы. Если это был человек, то у него должна была остаться огромная дыра в черепе. Да и чтобы тянуть меня с такой силой, человек должен быть сам крепко привязан ко дну.

— Напоминаю, что мы живём в двадцатом веке.

Якуб припомнил, как он снимал порчу ведьмы, как боролся в тёмных, мрачных лесах со жрецами Световида, как в подземельях Мавзолея вбивал осиновый кол в сердце Ленина, причём дважды. Да, жизнь в двадцатом веке была роскошью, которую не каждый мог себе позволить. Роскоши в жизни Якуба не было, но он жил полноценной жизнью, жил, а не существовал.

— Вы мне не верите?

— Не обижайтесь, но, честно говоря, не очень.

— Что ж. У меня нет возможности предоставить сейчас пану больше доказательств, подтверждающих мою правоту. Хотя... Может, встретимся сегодняшней ночью?

— Хм... Я согласен. Где и когда?

— Возле кафетерия. Ровно в одиннадцать.

— В двадцать три ноль-ноль? Хорошо. И что же мы будем делать?

— А мы пойдём к тому самому месту и опять попробуем окунуть ножки.

— А позвольте вас спросить, кто из нас будет рисковать жизнью?

— Я. Или вы. Может пан принести с собой багор?

— Ну я вообще-то не вожу с собой на курорты багор, да и дома не держу ничего подобного, кроме огнетушителя.

— Эх, интеллигенция... Знаете, Рабинович, вам невероятно повезло! Один такой багор как раз висит на противопожарном стенде при главном учительском корпусе в самом центре санатория.

— Но ведь, позвольте заметить, это же... это же будет самая настоящая кража.

— Спокойно! Перед рассветом вернётся, если всё будет хорошо.

— А если будет не хорошо?

— Тогда этот багор и операция по его возвращению станут головной болью наших наследников. Вы, надеюсь, уже написали завещание?

Бывший учитель насмешливо улыбнулся, но кивнул в знак согласия.

* * *

Рабинович немного опоздал. Что ж, кража пожарного багра, если у тебя нет соответствующей практики, дело непростое.

— Ну а я уже начал было сомневаться, что пан придёт,— сказал Якуб.— Но я

действительно рад, что вы сейчас рядом со мной. Чувствую себя, как во времена партизанки.

— А почему это я должен был не прийти?

— Ну мало ли как бывает. Страх мог бы вас парализовать. Ну ладно. Пойдём, я всё уже подготовил.

Вендерович с рюкзаком и Рабинович с багром, как неустрашимые сыщики Шерлок Холмс и доктор Ватсон, вышли на причал. На самом краю причала стоял раскуроченный сигнальный фонарь. Из него торчали, вывалившись, словно кишкы, провода и кабели.

— Якуб, ты только посмотри на это! И какие вандалы... — не успел договорить Михал.

— Да... вандалы. Вы, Михал, надевайте калоши.

— А нельзя ли мне мочить ноги без калош? Как-то неэстетично получается.

— Можно, но не сегодня. Якуб вынул из рюкзака цепь.

— Осмелюсь спросить,— Рабинович немного побледнел,— пан случайно не собирается меня топить?

— Ну как вы могли такое подумать! Я соратников не топлю и в обиду не даю. Вы всего лишь послужите приманкой.

Опытный браконьер обвязал товарища вокруг пояса цепью и усадил его на краю причала.

— И что, теперь надо только сидеть и ждать? — спросил Рабинович.— А откуда такая уверенность, что ОНО приплывёт?

— Это просто. *Утопец*, он же как зомби. У него вместо мозгов — вода. Он всегда атакует, как только почуяет жертву.

— Понятно. Ещё один маленький вопрос. Откуда может взяться здесь *утопец*, если это водохранилище построили коммунисты?

— А вы разве не знали, что все коммунисты после смерти превращаются в зомби? А если серьёзно, то они, к сожалению, как всегда, построили что-то на святом месте. Затопили долину, где, по-видимому, было кладбище. Многое не надо. Достаточно того, что вода с грязью смывает освящённую при погребении святой водой и знаком креста печать с гробов. Десакрализация это называется. Вот они и восстали из могил...

— Якуб...

— Ну чего ещё?

— ОНО схватило меня...

Действительно, в воде мелькнула бледная тень, и поверхность озера вокруг пошла пузырями. Что-то сильно дернуло за ногу бывшего учителя. Цепь натянулась и впилась ему в живот. Якуб злорадно улыбнулся и столкнул в воду своим резиновым сапогом оголённый провод. Затрещало, по воде пробежали молнии, и искры фейерверком осветили ночное небо. Существо затрепетало в агонии.

— Отпустил, слава тебе господи,— выдохнул Рабинович, вынимая ногу из воды.

Якуб посветил фонариком. Сначала в лицо товарищу — тот был бледен как мел, но, по большому счёту, отделался лёгким испугом. А вот ТО, что было в воде, явно чувствовало себя гораздо хуже. Вендерович облокотился на перила и метким ударом багра сначала подцепил, а потом вытянул на пристань странное СУЩЕСТВО.

— Бегом на берег, подальше от воды!

Два раза повторять не пришлось. Учитель сбросил калоши и что было духу помчался на берег. Якуб пустился за ним вдогонку, волоча за собой добычу. И только оказавшись в кустах, метрах в тридцати от воды, два старика смогли отдохнуть и перевести дух. Они включили два фонарика и стали внимательно рассматривать неподвижный трофей. То, что они вытащили из воды, больше всего походило на египетскую мумию, только без бинтов. Существо периодически дергалось в конвульсиях.

— Якуб, беж-жи-и-им отсю-у-уда,— взмолился Рабинович, разглядев утопленника.

— Не-а. Спокойно. Пока что эта тварюга оглушена током. И нам надо, пользуясь моментом, довести дело до конца. За сараем моторных лодок, что при кафетерии, я припрятал одолженную канистру с бензином. Принесите-ка её, будьте добры, а я эту тварь

посторожу.

Якубу опять пришлось немного подождать, пока его знакомый не вернётся с украденной канистрой бензина. Две кражи за одну ночь! К этому времени утопец уже пришёл в себя и неистово извивался, привязанный цепью к дереву.

— Не сорвётся? — забеспокоился Рабинович, ставя канистру на землю.

— Куда там. Я ему все пальцы переломал.

Якуб щедро облил монстра бензином. *Утопец* злобно заскрипел зубами, да так, что стариков пробрала дрожь. Чуя неминуемую гибель, монстр максимально вытянул своё тело, пытаясь дотянуться до обидчиков своими костлявыми пальцами.

— Огонь есть? — спросил Якуб. -Да.

— Ну тогда *аста ля виста, бэйб*, — сказал Якуб подслушанную из культового фильма фразу и бросил горящий свиток газеты на тело *утопца*.

Жёлтое пламя вспыхнуло мгновенно. Прошло добрых десять минут, прежде чем его языки окончательно справились со своей трапезой. И монстр, прямо на глазах поглощаемый геенной огненной, превратился в кучу угольков. Якуб растоптал сапогом остатки пепла и смешал их с землёй.

— Ну и что теперь будет с вашим неверием в потусторонние силы? — спросил, не скрывая улыбки, Вендерович.

— Раны Господни! Это было... невероятно... но — факт.

— На.— Якуб сунул в руки учителя флягу со спиртом.— Время спать. Идите уже к себе в комнату. А я здесь только кабель отключу и приберу немного. Да, и верните на место багор.

— А что, если в воде будет ещё один из них? Может, лучше не выходить на пристань...

— Кто не рискует, тот не пьёт горилки. Удаляющаяся фигура учителя медленно расплылась во

мгле. Якуб пошёл на пристань. Снял резиновые сапоги, связал их и положил рядом с собой. Он присел на корточки и начал раскручивать провода, которые тянулись от фонаря. Именно в тот момент, когда Якуб пытался разобраться, какой именно провод несёт плюсовый заряд, а какой минус, он услышал за своей спиной грозный голос:

— Что, током рыбки захотелось половить? А ну-ка предъявите документы!

Якуб обернулся. Их было двое. Здоровых, как гориллы, и злых, как собаки, полицейских. Ему предъявили обвинение в краже канистры бензина и пожарного топора со взломом сарай моторных лодок, а также в нанесении вреда казенному имуществу, поджоге курортной зоны и браконьерстве. По-другому его ночное сидение на пристани с оголённым проводом никто истолковать не мог.

К счастью, лечащий врач Вендеровича оказался нормальным человеком: в своих показаниях он списал все проделки пациента на старческий склероз и симптомы лунатизма. К тому же проверка отпечатков пальцев с канистрой показала, что они принадлежат кому-то другому. Часть обвинений была снята, а приговор смягчён, что позволило восстановить его доброе имя. От остальных обвинений Якуб отбрехался сам — не впервые было. О браконьерстве также не могло быть и речи: постоянные отдыхающие подтвердили, что в заливе давненько не видывали никакой рыбы.

Прошло пять месяцев, прежде чем Якуб вспомнил одну очень важную вещь: на голове утопца, сожжённого той памятной ночью, не было никаких следов удара топором...

Александр Рудазов "Шахшанор"

Онагры остановились у огромных ворот. Креол сошёл с колесницы и с хрустом потянулся, расправляя затёкшие плечи. Ему никогда не нравилось ездить в повозках.

Со второй колесницы сошёл Шамшуддин.

— Пошли,— махнул рукой Креол.

— А онагры?

— Это дело рабов.

У ворот, почтительно склонив голову, гостей встречали два раба — дряхлый старец и мальчишка лет восьми. По исстари заведённой традиции в привратниках всегда состоят самый старый и самый молодой рабы.

— Мир тебе, молодой хозяин,— надтреснутым голосом произнёс старик, низко кланяясь Креолу. — Добро пожаловать домой, в благословенный богами Шахшанор.

— Кимульгу? — окинул его безразличным взглядом Креол. — Ты теперь здесь стоишь?

— Ничтожному рабу очень лестно, что молодой хозяин помнит такой малозначительный вздор, как моё имя,— поклонился ещё ниже Кимульгу. — Возвращаясь к вопросу молодого хозяина, презренный должен с печалью ответить, что старый Кимульгу действительно теперь не годен ни на что большее, кроме как заменять привратный столб.

— А это кто такой? — посмотрел на мальчика-раба Креол. — Как тебя зовут, крысёнок?

Раб сглотнул, с ужасом таращась в серые глаза ученика мага. Колени несчастного мальчика превратились в воду, из головы вылетели все наставления старших рабов. Креол недовольно нахмурился.

— Его зовут Ше-Кемша, если то угодно моему господину,— поспешил на помощь старик Кимульгу. — Дитя одной из рабынь твоего батюшки, да согреет его Шамаш и да улыбнётся ему. Он только в прошлом месяце вошёл в подобающий возраст и...

— Да мне наплевать,— отмахнулся Креол. — Отец дома?

— Господин наш Креол пребывает в своих покоях, молодой хозяин. Я буду счастлив лично препроводить тебя...

— Молчать, раб,— раздражённо поморщился Креол. — Твои велеречивые бредни меня утомляют.

— Как будет угодно моему господину. Выделить ли мне раба-проводатого, или же...

— Я прожил тут пятнадцать лет. Я знаю тут каждый закоулок. По-твоему, я не найду дороги?

Кимульгу поклонился в последний раз, уже не произнося ни слова. Уголки губ старого раба чуть заметно приподнялись. Креол-младший и в самом деле ничуть не изменился за время своего отсутствия. Его не было почти три года — он вырос, возмужал, стал шире в плечах, но характер остался в точности таким же.

На второго гостя Кимульгу лишь бросил быстрый взгляд. Молодой хозяин не счёл нужным представлять своего спутника, а рабу не следует проявлять досужее любопытство. Хотя Кимульгу охотно бы спросил, кто этот юноша-кушит с безволосой, как у жреца, головой. Рослый, широкоплечий, того же возраста, что и Креол-младший... скорее всего, просто раб. Друзей у молодого хозяина никогда не было.

Креол и Шамшуддин прошли через длинную тёмную галерею, разделяющую внешние и внутренние ворота. Крепостная стена Шахшанора так толста, что по ней могут проехать в ряд три колесницы. Жизнь мага опасна, у него много могущественных врагов — нельзя пренебрегать средствами обороны. Кто знает, что случится завтра?

Войдя в сени, Креол едва не споткнулся о толстую белую кошку. Та даже не шевельнулась — лишь раздражённо дернула хвостом и окинула Креола презрительным взглядом.

Другому подобный взгляд обошёлся бы дорого, но кошки — священные животные. Им прощаются гораздо больше, чем людям.

Омыв в прохладных сенях ноги, Креол и Шамшуддин вновь оказались под открытым небом, на большом дворе, усаженном цветами. Слева и справа хозяйственное постройки — конюшня, амбар, мукомольня. В центре — искусственное озеро, а рядом мраморная статуя богини, льющая воду из сосуда на плече.

Но главное — конечно же сам дворец. При виде этого чуда глаза Шамшуддина округлились, в них засветилось искреннее восхищение.

— Так это и есть ваш родовой дворец? — присвистнул он, задирая голову.

— Да, его дедушка построил,— с деланным равнодушием ответил Креол. Он и сам ужасно гордился этим дворцом. Дворцом, который однажды достанется ему.

Шахшанор, о Шахшанор! Дивный дворец старинного рода магов! Увидевший тебя хоть единожды может считать себя счастливцем, а не видевший ни разу пусть посыпает голову пеплом, ибо он напрасно прожил свою жизнь. Величественное здание в форме усечённой пирамиды вздымается на двенадцать человеческих ростов, каменные стены украшены искусной резьбой, а верхние этажи облицованы сверкающим на солнце золотом и орихалком, испускающим огнистое блиставание. Сразу видно, сколь богат хозяин этого дворца.

Этот Шахшанор был построен сорок лет назад — архимагом Алкеалолом. А до него на этом месте стояли другие дворцы, другие Шахшаноры. Здания славного Шумера прекрасны и величественны, но — увы! — недолговечны. Глиняные блоки и сырцовый кирпич — вот основные стройматериалы. Стены всегда очень толстые, и подтачиваемый влагой фундамент под их тяжестью быстро начинает проседать. Обычный дом выдерживает полвека, дворец или храм — сто или даже сто пятьдесят лет. Но в конце концов любое строение так ветшает, что его проще разрушить и выстроить заново, чем без конца ремонтировать.

Рабыни, стирающие белье, низко поклонились молодому господину. Креол растянул губы в довольной улыбке. В доме старого Халаи рабы не выказывают никакого почтения — прекрасно знают, что их хозяин ценит своих учеников дешевле медного сикля. Дряхлый демонолог только порадуется, видя, что раб дерзит Креолу или Шамшуддину.

Но дом учителя остался далеко на севере, в Симурруме. Сейчас они рядом с Уром, в великом дворце Шахшанор. Халай Джи Беш отоспал всех своих учеников — Эхтанта к родителям в Кассию, Креола к отцу, а Шамшуддина... Шамшуддина он собирался отослать к деду, но Липит-Даган наотрез отказался принимать ненавистного внука. Да и сам внук не выказал большой радости по этому поводу.

Вот Креол и предложил Шамшуддину отправиться с ним. Десять дней пути — сначала на речной барже вниз по Тигру, затем на колесницах, запряжённых онаграми,— и вот они уже здесь, в Шахшаноре.

Война с куклусами началась почти три года назад. Но первые два года её никто не принимал всерьёз. Маги решили, что это просто новый вид нечисти, явившийся из пустыни. Император послал немного солдат, Гильдия выделила пару подмастерьев — только и всего. Они без труда разыскали тварей-душесосов и вырезали всех до одного. В народе ходили слухи, что за этим стоит нечто большее, чем просто несколько случайных чудищ, но им не придавали значения.

Однако со временем стало ясно, что слухи — не просто слухи. Не отнесясь к проблеме с должным вниманием, великий Шумер совершил страшную ошибку. Несколько месяцев назад куклусы наконец заявили о себе в полный голос. Они в огромном количестве перешли границу, управляемые пустынными некромантами и архимагом-отступником Ку-Клусом. Именно тогда эта нечисть и получила свое название.

Сейчас Шумер охвачен войной. И положение не радует. Уже девять городов разрушены до основания, а их жители обратились в куклусов, пополнив вражескую армию. Погибли свыше шестидесяти магов — среди них три магистра и архимаг. Во главе кошмарного войска встал сам Дагон Тёмный, каким-то образом сумевший вырваться из Лэнга.

Чтобы справиться с бедой, император Энмеркар мобилизовал все силы. Гильдия магов в полном составе выступила на бой. Во все концы Шумера ринулись гонцы, созывая всех обученных чародеев. Явились они и в Симуррум, за старым демонологом Халаем Джи Беш. Злобный стариакша не меньше часа брызгал слюной, поливая бранью куклусов, Лэнг, императора, Гильдию магов и небеса со всеми их богами. Но ему пришлось подчиниться приказу. Торопливо собрав пожитки, Халай отправился на юго-запад, к месту боевых действий.

Но учеников он с собой не взял. Императорский приказ о мобилизации касается лишь

полноценных магов. Великий Энмеркар ещё не настолько отчаялся, чтобы ставить в строй необученных мальчишек. Совершенно не желая оставлять дом на попечение ненавистных учеников, Халай приказал Креолу и Шамшуддину отправляться на все четыре стороны.

— А твоего отца почему не призывали? — спросил Шамшуддин, переступая порог.

— Не успели ещё, наверное, — пожал плечами Креол. — Я слышал, что в первую очередь призывают демонологов. Вот дедушка уже давно там.

Шамшуддин покивал. О том, что мудрый Алкеалол сражается с куклусами на передовой, они с Креолом узнали ещё три месяца назад. Великий демонолог отдавал все силы сдерживанию ненавистных тварей — и пока что преуспевал в этом.

Во всяком случае, его всё ещё не убили.

— Тревожишься за него, брат? — спросил Шамшуддин.

— Дедушка — архимаг, — фыркнул Креол. — Чего мне за него тревожиться? Пусть враги тревожатся.

— Я слышал, враги там сильные...

— Уж точно не сильнее дедушки, — безапелляционно заявил Креол. — И вообще, радуйся лучше, что его нету дома. У дедушки на редкость тяжёлый характер... И палкой он любит драться не меньше Халая... Говорят, я весь в нем, но ты не верь.

— Досужие языки всегда болтают всякие глупости, — согласился Шамшуддин. — Куда нам?

Креол на секунду задумался, переводя взгляд с левого коридора на центральный, с центрального на правый, с правого — снова на левый. Хоть он и сказал старику Кимульгу, что знает в Шахшаноре каждый закоулок, три года отсутствия всё-таки слегка затуманили память. Креол никогда не стремился держать в голове такие бесполезные знания, как расположение комнат и коридоров.

— Так... — наморщил лоб ученик мага. — Налево — уборные, большая купальня, пиршественная зала, помещение стражи, комната евнухов и... и гарем.

— Наложниц много? — деловито осведомился Шамшуддин.

— Сейчас — не знаю. Но когда я уезжал, было шестеро, и все старые — лет по тридцать и даже больше. Дедушка уже очень давно не брал новых.

— Жаль... — погрустнел Шамшуддин.

Креол недовольно дернул щекой. В отличие от этого плешилого кушита, к своим восемнадцати годам успевшего прослыть прекрасным любовником, Креол противоположным полом интересовался мало. Он пару раз составлял Шамшуддину компанию в общине харимту, но сколько бы священные блудницы Инанны ни старались развеселить гостей, Креол все равно оставался мрачным, как сама ночь. Подобные забавы не радовали его и не прельщали.

— Направо — кухня, кладовые, помещения для рабов и комната управляющего, — махнул рукой он. — А прямо — сад, священный дворик и лестница наверх и вниз. Внизу подвал, туда лучше неходить.

— Почему?

— А помнишь, что в подвале у Халая? У нас там тоже есть... всякое.

— Например? Креол смущился.

— Брат, только не говори, что ты и сам этого не знаешь, — сверкнул белоснежными зубами Шамшуддин.

— Знаю! — повысил голос Креол. — Знаю. Там... погреб для продуктов...

— Да, туда точно лучше неходить.

— Не зли меня! Там... там не только погреб. Ещё там холодная камера для трупов... наша дворцовая темница и... и тюрьма для демонов. И вот туда точноходить не нужно! Я слышал, что дедушка держит там двух шедимов и Безголового.

— Это не так страшно, — пожал плечами Шамшуддин. — Гала хуже.

— Говорят, что ещё там есть адский дух!

— А вот здесь ты уже привираешь, брат, — рассудительно произнёс Шамшуддин. —

Ещё ни одному демонологу не удавалось долго удерживать взаперти адского духа. Он либо раздуется и разнесёт темницу вдребезги, либо захахнет и погаснет, как остывший уголёк.

— Может быть, и не адского духа. Может быть, Жреца Древних или Двурогого,— проворчал Креол.— Я точно не знаю. Слышал только, что это какая-то опасная тварь из Лэнга.

— Может, просто зуннабьян?

— Не хочешь — не верь... — отмахнулся Креол.— Но лезть туда не вздумай, слышишь?

— Слышу, брат, слышу. Я рад, что ты в кой-то веки решил проявить благоразумие.

Креол ничего не ответил. На самом деле он однажды уже пробовал забраться в этот потайной подвал. Но его тогда поймали. Дедушка Алкеалол долго смотрел на хлюпающего носом мальчишку, а потом холодно произнёс, что ему не нужен столь глупый наследник. Креола вывели за ворота и обратно не пустили. А когда он начал кричать и плакать, с крепостной стены начали стрелять из луков.

Почти целый месяц семилетний мальчик был предоставлен самому себе. Он бродил по зловонным трущобам Ура, питался обедками, был покусан бродячими собаками, чуть не утонул в сточной канаве и лишь чудом избежал лап работников. Но в конце концов дедушка смилиостивился и позволил внуку вернуться домой.

С тех пор Креол ни разу не спускался в подвал. Он не был уверен, что сделает грозный Алкеалол, буде непутёвый внук провинится вновь, но проверять ему совершенно не хотелось.

Несмотря на всю огромность прекрасного Шахшанора, этажей в нем только лишь два. Особенно высоки потолки на первом. Восемь взрослых мужчин могут встать друг другу на плечи — и то не дотянутся.

Поднявшись по устланной мрамором лестнице, Креол и Шамшуддин оказались в длинном кольцевом коридоре. Полы покрыты толстым слоем штука¹, стены облицованы глиняной обмазкой, побелены и покрыты цветной росписью. Геометрические узоры, строки из священных текстов, изображения растений, животных и людей... Скромному жилищу Халая Джи Беш и не снилось великолепие этого дворца. Множество масляных светильников заливает коридор ярким светом, вдоль стен стоят постаменты, удерживающие дорогие статуи и вазы. Вся утварь — золотая и серебряная, не видно ни следа презренной меди или керамики.

Шамшуддин шагал неторопливо, с любопытством оглядываясь по сторонам. Он ещё никогда не был во дворце архимага. Дважды по дороге попались рабы — при виде Креола они сразу замирали неподвижными статуями, не смея отвлечь господина.

— Эта дверь ведёт в умывальную,— рассеянно комментировал Креол по ходу движения.— Здесь комната свитков. Здесь лаборатория. Здесь мастерская. Здесь комната ритуалов. Здесь дедушкины покои. Здесь гостевые комнаты.

— А это кто? — спросил Шамшуддин, указывая на портрет седовласого старца с густыми бровями.

— А это дедушка Алкеалол.

Шамшуддин задумчиво прищурился, переводя взгляд с портрета на Креола. С первого взгляда видно, что эти двое — близкая родня. Усыпь Креолу волосы сединой, добавь бровям гущины, осветли немного кожу, усыпь её морщинами — и будет точная копия архимага Алкеалола. Судя по портрету, ни бороды, ни усов почтенный старец не носит.

— Да, дедушка не любит волос на лице,— подтвердил Креол, когда Шамшуддин об этом спросил.— Уж не знаю почему, но подбородок он всегда бреет.

Ученики мага остановились у большой двустворчатой двери, сплошь усеянной самоцветами. Шамшуддин замялся, невольно отступая побратиму за спину. Он ещё ни разу не встречался с живым архимагом.

¹ Высший сорт штукатурки с примесью алебастра и толчёного мрамора.

Креол же без колебаний толкнул дверь и вошёл в просторную комнату. В лицо ему ударили порыв ветра — за окном стоит полуденная жара, но здесь царит прохлада и даже дует ветер. Этим необычность помещения не заканчивается — пол покрыт толстым слоем земли, а по стенам стекают потоки воды кристальной прозрачности.

Шамшуддин нерешительно вошёл следом, с любопытством оглядываясь по сторонам. Судя по всему, эта комната служит Креолу-старшему и спальней, и рабочим помещением. Слева каменное возвышение с расстеленной циновкой, в углу стоит человеческий скелет, а на стенах висят глиняные таблички, различные артефакты и черепа животных. В дальнем конце, у окна, забранного решёткой, стоит стол с расстеленным пергаментом.

А за столом сидит мужчина лет пятидесяти. Борода завита в мелкие кудряшки, длинные волосы заплетены в косы, брови и ресницы вычернены. Именно так должен выглядеть образцовый шумерский подданный.

— Папа! — шагнул вперёд Креол. Креол-старший неохотно поднял глаза от пергамента.

Похоже, он только теперь заметил, что у него посетители.

— Кто бы ты ни был — выйди, войди снова и поздоровайся, как положено,— сухо произнёс архимаг, не прекращая писать.

Креол плотно сжал губы и на секунду замер неподвижно. Потом он резко повернулся и вышел из комнаты. Шамшуддин поспешил следом.

Постояв за дверью с полминуты, Креол постучался и, дождавшись разрешения, вошёл вновь. На сей раз — медленно и чинно, наклонив голову так, что подбородок коснулся груди.

— Мир тебе, отец,— отчеканил Креол, не поднимая глаз.— Я вернулся домой.

Креол-старший смерил его долгим взглядом. В светло-серых глазах отразилось явное сомнение. Архимаг пожевал губами и спросил:

— А кто ты вообще такой?

— Я... я твой сын, Креол! — возмущённо выпалил юноша.— Ты что, опять про меня забыл, маскимов старик?!

— У меня есть сын? — недоверчиво переспросил Креол-старший.

— Конечно! И это я!

— Да, припоминаю, у меня был сын... или дочь?.. Нет, всё-таки сын, точно. Но ты не он. Кто ты такой, наглый самозванец?

— Да это же я, Креол!

— Нет, Креол — это я. Ты мог бы выдумать ложь и поубедительнее.

— И я тоже Креол! Мы оба Креолы! Ты мой отец, я твой сын!

— Ты просто лжец. Мой сын был гораздо ниже ростом и уже в плечах. Я отлично его помню.

— Папа, меня не было три года. Я вырос.

— Да?.. Правда, что ли?.. И сколько же тебе сейчас лет?

— Восемнадцать.

Архимаг поднялся из-за стола и внимательно осмотрел сына со всех сторон. Лоб Креола-старшего пошёл морщинами, в глазах понемногу забрезжило узнавание.

А Креол-младший едва удерживался, чтобы не топнуть со всей силы ногой. Он всегда знал, что безразличен отцу, но раньше не понимал, до какой степени. Они не виделись всего три года — а родитель полностью забыл о самом его существовании!

— Хорошо, я согласен признать в тебе своего сына,— всё ещё с толикой сомнения произнёс Креол-старший.— Но как я припоминаю, ты должен сейчас находиться в городе Симурруме, постигать премудрости Искусства у... у...

— У магистра Халаля Джи Беш.

— Вполне возможно. Мне нет дела до его имени. В любом случае ты должен сейчас находиться там. Зачем ты явился сюда? У тебя должна быть по-настоящему веская причина, если ты посчитал возможным отвлечь меня от работы.

— Началась война,— пожал плечами Креол.— Халая призвали в армию. Он отослал нас домой.

— Кого это «нас»?

— Меня и Шамшуддина,— мотнул головой в сторону друга Креол.

— У меня что — два сына? — недоуменно моргнул Креол-старший.— Нет, не может быть... или?..

— Он мой побратим,— неохотно произнёс Креол.— Мы смешали кровь... случайно, правда...

— В подробностях можешь не рассказывать,— остановил его отец.— Мне нет до этого никакого дела.

Воцарилось неловкое молчание. Креол-старший прошёлся по комнате, с явным недовольством поглядывая на назойливую молодёжь. Поразмышляв с полминуты, он кашлянул и спросил:

— Так, значит, вы намереваетесь какое-то время жить здесь?

— Да. Это ведь и мой дом тоже.

— Верно, верно... Ну что ж, хорошо, можете оставаться здесь сколько пожелаете. Но вам придётся усвоить три правила.

— Помню я твои правила...— устало отмахнулся Креол.

— Возможно. А твоему побратиму они тоже известны?

— Я внимательно слушаю тебя, почтенный абгалъ,—
тихо произнёс Шамшуддин.

— Твой побратим воспитан гораздо лучше тебя,— неодобрительно посмотрел на сына Креол-старший.— Такое впечатление, что ты воспитывался в гипару², а не во дворце нашего рода.

Креол растянул губы в кривой улыбке, но ничего не сказал. Отец несколько секунд пристально разглядывал отприска, а потом произнёс:

— Итак, первое: никакого шума. Если я услышу шум, я уничтожу его источник, не разбираясь, что это такое. Второе: о своей кормёжке заботьтесь сами. О всех прочих потребностях — тоже. У меня нет никакого желания возиться с несмышлёными отроками. Третье: в мои покой без крайней нужды не заходить. Я не люблю, когда меня беспокоят во время работы.

— Позволено ли мне будет спросить, какая может быть крайняя нужда? —
почтительно спросил Шамшуддин.

— Пробуждение Ктулху. Если он начнёт ломать крепостную стену, тогда можете войти. Только постучаться не забудьте. Вы поняли?

— Поняли, поняли...

— Мы поняли, почтенный абгалъ.

— Тогда проваливайте отсюда и не докучайте мне больше. Я занят.

Дверь за Креолом и Шамшуддином ещё не успела закрыться, а почтенный архимаг уже выкинул их из головы. Перо вновь забегало по пергаменту, выписывая маленькие значки-клинышки. Сегодня утром Креол-старший ухватил за хвост воистину потрясающую идею — нужно успеть оформить её подобающим образом, пока не улетучилась. Если всё получится, он наконец-то сможет преобразовывать металлы один в другой напрямую, одним лишь... как лучше назвать этот процесс? Пожалуй, вернее всего подойдёт слово «убеждение». Ещё немного предварительных расчётов, и можно приступать к экспериментам.

— Отец — элементарист до мозга костей,— ворчливо произнёс Креол-младший, шагая по коридору.— Он абсолютно не интересуется живыми существами. Я вообще незнаю, как

² Загон для жертвенного скота при святилище.

он умудрился жениться и родить сына. Случайно, наверное, получилось.

Ученики мага бродили по Шахшанору довольно долго. Побывали в саду — огромном, но неухоженном, густо заросшем разнообразными растениями. Большинство из них высадил здесь дед Креола — мудрый Алкеалол. Рабы не смели даже прикасаться к его посадкам. Кто знает, что за свойства у этих растений, чем они грозят неосторожному раству?

На домашнем кладбище Креол посетил могилу матери. Он никогда её не видел — прекрасная Бирдин умерла родами. Рабы рассказывали, что это была женщина удивительной красоты — с тёмно-ореховой кожей, каштановыми волосами и изумрудными глазами. Дочь простого водоноса и кушитской рабыни, она уже в пятнадцать лет стала наложницей архимага Креола. Тот не испытывал к Бирдин никаких чувств — просто решил обзавестись наследником, пока не состарился окончательно.

И вскоре наследник у него появился.

— Она была чуть постарше, чем я сейчас, — отстранённо произнёс Креол, поливая могилу маслом.

— А сколько лет твоему отцу? — тихо спросил Шамшуддин, склонив голову в знак уважения перед покойной.

— Восемьдесят восемь.

— Правда?! — поразился Шамшуддин. — Он выглядит почти вдвое моложе!

— Он архимаг. Простому человеку до таких лет не дожить, но отец... отец — дело другое.

— А сколько же тогда лет твоему деду?

— Сто одиннадцать. Кстати, хочешь посмотреть его покой?

— Ты же говорил, что туда нельзя.

— Это в подвал нельзя. А в дедушкиных покоях я был много раз. В детстве я часто там играл, дедушка рассказывал мне сказки...

— Он — сказки? — удивился Шамшуддин,

— Да. Он их целую гибель знает. А некоторые даже специально для меня записал на таблички — чтобы я по ним учился читать. Хочешь посмотреть?

Конечно, Шамшуддин не мог отказаться от такого предложения. Опасливо озираясь, молодой кушит вошёл вслед за побратимом в просторную комнату, выстланную мягким ковром. Пол и стены, мебель и утварь — всё покрыто толстым слоем пыли. Прямо в стенах вырезаны полки со множеством свитков, глиняных табличек и различных странных предметов. Возле стола возвышается статуя загадочного животного — крылатая крыса размером с собаку.

— Это летательный артефакт, — сообщил Креол. — Дедушка над ним два года корпел.

— Эта штука летает? — удивился Шамшуддин.

— Летает, но толку от неё никакого. Это пробный вариант, маленький. Человека не поднимет. Зато потом дедушка сделал другую — величиной с лошадь.

— И где она?

— Там же, где и дедушка. Он теперь на ней ездит. Шамшуддин задумчиво кивнул и уставился на два

огромных зеркала, стоящих друг против друга. На миг показалось, будто в глубине одного что-то шевелится... но всё тут же исчезло.

— Ты туда лучше не смотри, — предостерёг его Креол. — Это не просто зеркала. И друг на друга они не просто так смотрят.

— А что в них такого особенного?

— Да не знаю я... — поморщился Креол. — Дед не рассказывал. Но близко лучше не подходить. Кстати, вон ту шкатулку тоже не трогай.

Шамшуддин внимательно посмотрел на большую каменную шкатулку, перетянутую бронзовыми цепями и густо усеянную магическими печатями. На крышке огромными красными буквами надпись: «НЕ ОТКРЫВАТЬ!»

— В этой штуке сидит могучий демон, — важно сообщил Креол. — Если её открыть, он

освободится.

— И что потом? Он исполнит любое желание?

— Размечтался! — осклабился Креол.— Он нас просто сожрёт. Это же демон.

Шамшуддин поёжился и плотно прижал ладони к бедрам — упаси боги чего-нибудь здесь коснуться! Покой великого демонолога оказались жутковатым местом.

— Я есть хочу,— заявил Креол, скучающе глядя по сторонам.— Пойдём прикажем рабам нас накормить.

Лицо Шамшуддина просветлело. Ещё одна приятная сторона — здесь, в отличие от дома гнусного Халая, их будут кормить досыта и вкусно.

Прощай, пустая ячменная похлёбка. Здравствуйте, жирное мясо и душистое вино.

* * *

Двенадцать раз над Шахшанором вставало и заходило солнце. Креол понемногу начал скучать. Во время учёбы ему не приходилось бездельничать — уж кто-то, а Халай Джи Беш знает, чем занять своих учеников. Но здесь дел для него не было. Всю работу по дому исполняют прилежные рабы, а развлечений никаких нет. Шамшуддин быстро познакомился с молоденькой рабыней-арамейкой и стал куда-то пропадать на всю ночь.

А Креол изнывал от скучи. Он читал дедовские и отцовские книги, самостоятельно практиковался в магии, заучивал новые заклинания... но ему всё равно было дико скучно. Никто не стоит за спиной с тяжёлой палкой, никто не орёт и не брызгает слюной, никто не обзывают Креола никчёмным щенком и дерьям прокажённой ослицы.

— Тоска...— вздохнул ученик мага, сворачивая пергаментный свиток.

Ну что ж, он хотя бы освоил новое заклинание. Креол сложил ладонь лодочкой, напряжённо уставился на неё и принял водить сверху другой рукой. Спустя несколько секунд оттуда послышалось тихое бульканье. В солнечных лучах блеснула прозрачная капля.

Ещё несколько секунд — и между ладонями повис крохотный водяной шарик. Креол удовлетворенно улыбнулся. Конечно, заклятие, творящее воду из воздуха, — одно из самых пустяковых, но он научился ему сам, без чьей-либо помощи. А это немалое достижение.

Шарик провисел в воздухе совсем недолго. Креол очень быстро утратил сосредоточенность, и ладонь стала мокрой. Ученик мага вздохнул, с завистью думая о Шамшуддине. Тот до сих пор не освоил ни одного заклинания, кроме движения предметов мыслью. Но уж зато в этом он проявлял редкий талант. Халай Джи Беш, первое время пытавшийся вклютить в кушита-полукровку хоть что-нибудь ещё, в конце концов, сдался и полностью сосредоточился на телекинезе.

Креол, напротив, проявлял весьма разносторонние способности, но телекинез ему совершенно не давался. А ведь это одна из самых простых ветвей Искусства. Трудно найти мага, неспособного пожонглировать веточками или остановить в воздухе стрелу. Обычно именно телекинез становится для учеников начальными тренировками, на которых учатся использовать магию как таковую.

Но у Креола с этим ничего не получалось. Поэтому старый Халай учил его зажигать силой мысли факелы и превращать воду в вино. Тем не менее, Креол не переставал завистливо поглядывать на Шамшуддина, усилием воли укладывавшего кирпичи и бросающего туда-сюда длинный кинжал. Не желая уступать побратиму, потомок архимагов также принял до изнеможения тренироваться в телекинезе — и в конце концов таки преодолел природную неспособность.

Вот только результаты пока что совсем ничтожные.

Сунув отцовский свиток за пояс, Креол зевнул и поднялся на ноги. Солнце поднялось уже высоко, на крыше становится жарковато. Будет лучше спуститься вниз — нет лучшей защиты от палящих лучей, чем толстые глиняные стены.

Уже поворачиваясь, Креол посмотрел вниз, во двор. И недоуменно замер. Сегодня там

необычно оживлённо.

Креол уже привык, что большую часть времени Шахшанор тих и пустынен. Рабы стараются не попадаться хозяевам на глаза, дворцовая стража тоже редко напоминает о себе. Да и кому она нужна в доме архимага? Воры уже много лет обходят Шахшанор десятой дорогой.

Последним, кто рискнул сюда забраться, был искуснейший мастер Ура, носящий гордое прозвище Украду-Всё. И он действительно не посрамил своей репутации, сумев похитить бесценный алмаз, наделённый магическими свойствами.

Вот только ушёл он с ним недалеко...

Конечно, кроме обычных людей Шахшанор иногда навещают и другие гости. И не все из них дружелюбны. Но в таких ситуациях дворцовая стража и вовсе не показывает носа — зачем? Как бы ни были остры зубы цепного пса, с тигром ему всё равно не совладать.

Но сегодня стража выстроилась во дворе почётным караулом. В ворота въезжает позолоченная колесница, влекомая скакуном благородных кровей. Надменный возничий облачен в пурпурную тунику, перетянутую поясом с кистями, на запястьях золотые браслеты, на голове обруч-диадема. Аристократ древнего рода.

— Мир этому дворцу! — зычно произнёс возничий, легко сходя с колесницы.

Креол уже не обращал внимания на жару. Он уселся на корточки и стал пристально разглядывать происходящее. Не каждый день Шахшанор навещают столь знатные гости... и ещё реже их встречает лично сам хозяин!

При виде отца, собственной персоной выходящего во двор, брови Креола поползли на лоб. Из ряда вон выходящее событие. Если этот возничий — не сам император Энмеркар, то уж точно один из его приближённых.

Судя по всему, Креол-старший не слишком обрадовался нежданному визиту, но вслух недовольства не высказал. Он радушно поприветствовал гостя, обменялся с ним негромкими фразами и пригласил продолжить беседу внутри.

Креол-младший тем временем замер на крыше, полностью обратившись в слух. Его засвербило нестерпимое любопытство. Кто, зачем...

— А-а!.. — вдруг хлопнул себя по лбу он.

В самом деле — как глупо было не догадаться в первый же момент. Разумеется, это императорский гонец, доставивший отцу повеление явиться к войскам. Было лишь вопросом времени, когда это произойдёт. И нет ничего удивительного в том, что к архимагу отправили не мелкую сошку, а кого-то из высшей знати.

Креол спустился по лестнице на цыпочках, дождавшись, пока в коридоре не стихнут шаги. Подкравшись к дверям отцовских покоев, он прижался к ним ухом, с трудом улавливая обрывки разговора.

— ...приказ императора, абгаль. Три остальных архимага уже там. В том числе и твой почтенный отец.

— Три? Разве их должно быть не четыре? Пятеро, считая меня.

— Было пятеро. Но архимаг Бизаль в прошлом месяце погиб. Разве ты не слышал?

— Я мало интересуюсь происходящим за этими стенами. Значит, нас осталось четверо?

— Да. Верховный Маг Шурукках, архимаг Арза, твой почтенный отец Алкеалол и ты сам.

— Разве Арза всё ещё жив?

— Он ослеп и с трудом ходит, но в битве страшен по-прежнему. Так каков твой ответ, абгаль? Когда ты выступишь?

— А когда это нужно?

— Как можно скорее.

— В таком случае я выступлю прямо сейчас. Не будем терять времени.

Креол отпрянул от двери. Ему не хотелось быть пойманым на подслушивании. Однако ни отец, ни императорский посланник даже не посмотрели в сторону юноши. Креол выждал, пока они немного отойдут, и рысью бросился следом.

Уже через несколько минут гонец взошёл обратно на колесницу. Хозяин дворца проводил гостя до ворот, а затем подозвал к себе управляющего. Отдав несколько коротких распоряжений, он повернулся к сыну.

— Я улетаю на неопределённый срок,— произнёс Креол-старший, протягивая сыну связку ключей.— Это ключи от всех помещений. Шахшанор остаётся в твоём распоряжении. Можешь пользоваться им в разумных пределах.

— В чём они заключаются?

— Вернувшись, я желаю застать всё так, как сейчас. Ты можешь разрушить дворец, если захочешь, но не забудь потом отстроить его в прежнем виде. Если умрет кто-то из рабов, изволь заменить его аналогичным. В мои покой заходить запрещаю. В этой связке есть ключи и от них, но я сразу узнаю, если кто-то переступит порог.

Креол сумрачно кивнул. Ничего другого он от отца и не ожидал.

В отличие от императорского гонца архимаг не стал запрягать колесницу. В конюшне Шахшанора множество породистых коней, онагров и даже пары молодых ламассу, но Креол-старший использует их только для торжественных выездов.

Сейчас же он лишь затрясся всем телом... и взметнулся в небо бурным вихрем. Одежда и тело вмиг растворились, сменившись плотным ветряным коконом. Черты лица ещё некоторое время виднелись в этом потоке, но потом исчезли и они.

В обличье могучего урагана архимаг помчался на северо-запад.

Сын проводил взглядом улетевшего отца и побрёл обратно во дворец.

* * *

Следующие шестнадцать дней прошли без особых событий. Креол и Шамшуддин, получив доступ к дворцовой казне, несколько раз выбирались в Ур, но война и страх наложили печать уныния на великий город. Куклусы подошли уже к Вавилону — если императорская армия падёт, страна окажется беззащитной перед этими тварями.

Однако на семнадцатый день, во время шестого приезда в город, ученики мага встретили в питейном доме собрата по ремеслу. Такого же ученика мага, только на несколько лет старше.

— Ещё раз — как тебя зовут? — переспросил Креол, когда они трое опорожнили по кружке пива.

— Мешен'Руж-ах,— лениво повторил новый знакомый, поглаживая редкую бородку.

— Дурацкое имя. Что оно значит?

— Мешен, сын Ружа. У нас в Мелуххе всех так зовут.

— Мешенами?

— Ты совсем дурак или насмехаешься? — пренебрежительно посмотрел на Креола Мешен'Руж-ах.

Креол недобро прищурился. Ему захотелось начать драку. Конечно, этот Мешен старше, опытнее и наверняка лучше владеет магией... но зато их с Шамшуддином двое.

— Предлагаю выпить ещё,— поднял кувшин Шамшуддин, заметив возникшее напряжение.— В народе говорят, что не мудр тот, кто пьёт слишком много, но не мудр и тот, кто не пьёт совсем. Истинная мудрость — в умении найти верную меру. Приблизимся же к ней, друзья!

Мешен'Руж-ах на миг задумался, а потом растянул губы в вежливой улыбке и подставил кружку. Креол что-то неразборчиво буркнул, но решил до поры проявитьдержанность, хотя новый знакомый с каждой минутой нравился ему всё меньше и меньше. Почему-то вспомнился Эхтант Ага Беш. Есть между ними какое-то неуловимое сходство...

— Расскажи же нам больше о себе, наш уважаемый собрат,— почтительно произнёс Шамшуддин, подливая ещё пива.

— Ничего особенного,— пожал плечами Мешен'Руж-ах.— Мой учитель — магистр

Дильмар, его цитадель стоит к западу отсюда, на границе с большими песками. Он дружил с моим отцом, и, когда тот скончался, учитель взял меня на воспитание. Думаю, после его смерти всё наследство достанется мне — у учителя нет ни одного родственника.

— Твой учитель, без сомнения, весьма благонравный и добросердечный человек, — произнёс Шамшуддин. — А мы...

— Да я знаю,— перебил его Мешен'Руж-ах.— Этот угрюмый наверняка сынок архимага Креола. Верно?

— Как узнал? — насторожился Креол.

— По ауре,— с ленцой ответил Мешен'Руж-ах.— Сразу видно, что вы ещё ничего толком не умеете. Я видел твоего отца, а значит, узнаю и сына.

Немного успокоившийся Креол вновь начал закипать.

— Ты прав,уважаемый собрат,— подтвердил Шамшуддин.— Мой побрратим действительно именуется Креолом, сыном Креола. Что же до меня...

— А до тебя мне вообще нет дела,— снова перебил его Мешен'Руж-ах.— Энзаг и Нинсикиль, чего ради я стану засорять память именами плешиных обезьян?

— Твои слова несколько обидны,уважаемый...— сдержанно произнёс Шамшуддин.

— Что же в них обидного? Я просто говорю как есть. Если кушит и не совсем обезьяна, то разве что из-за отсутствия хвоста. Разве это несправе... брррррхх!..

Мешен'Руж-аха прервал удар в челюсть. Креол, кипящий, как котёл на открытом огне, наконец взорвался. Молниеносный рывок — и голова одного юноши впечаталась в подбородок другого. Мешен'Руж-ах не удержал равновесия и полетел на пол, брызгая кровью из разбитой губы.

— Бей его! — взревел Креол, высказывая из-за стола.— Он нас макаками назвал!

— Только меня! — не мог не поправить Шамшуддин.

— Раз ты мой брат — значит, нас обоих! — рявкнул Креол, ударяя упавшего Мешен'Руж-аха пяткой по ребрам.

Шамшуддин после секундного колебания присоединился к расправе. Про себя он в очередной раз подивился тому лабиринту, по которому иной раз следует мысль Креола. Сам он без зазрения совести осыпает побрата оскорблениеми, но пророни бранное словцо кто другой — и Креол взбесится так, что посрамит Хумбабу.

— Ублюофки!..— послышалось сдавленное хрипение.— Вы...

От избиваемого Мешен'Руж-аха ударила тугая теплая волна. Креол и Шамшуддин отшатнулись назад, как если бы их толкнули. Их противник вскочил на ноги и зло оскалился. Похоже, он с самого начала целенаправленно нарывался на драку — только не ожидал, что Креол нападёт так резко, без всякого предупреждения.

Шамшуддин крутанул кистью — тяжёлый табурет взмыл в воздух и понёсся на Мешен'Руж-аха. Однако тот выкинул вперёд ладони, и перед ним замерцало оранжевое свечение. Табурет ударился в него — и отскочил, как от толстой подушки.

— Щит Таммуза!..— воскликнул Креол, сжимая кулаки.

Положение хуже, чем казалось. Щит Таммуза — не самое простое заклятие. Если Мешен'Руж-ах вызывает его с такой лёгкостью, он, пожалуй, может претендовать на звание подмастерья. Вероятно, его обучение уже подходит к концу.

Подавальщики и сама хозяйка питейного дома уже скрылись на кухне. Разумный человек не станет встrevать в ссору магов. Даже если закон на твоей стороне, это слабое утешение для кучки пепла.

Креол двинулся медленным шагом, начитывая заклинание, освоенное в прошлом месяце. Мешен'Руж-ах принял изгибаться всем телом, издавая глухие неразборчивые звуки. От него пошёл горячий едкий пар, воздух наполнился густым туманом. Дыхание Эрешкигаль — очень опасное заклятие, способное расплавить одежду и кости, превратив человека в дымящуюся лужицу. Однако Мешен'Руж-ах всё-таки ещё недостаточно опытен, чтобы применять такие чары в полную мощь. У Креола и Шамшуддина только заслезились глаза и зачесалась кожа.

Шамшуддин поднял в воздух несколько кружек и кувшинов с ближайших столов. Они завертелись бурным вихрем, натыкаясь на Щит Таммуза и отлетая назад. Но некоторые угодили и в Мешен'Руж-аха — в отличие от магических доспехов магические щиты защищают только с одной стороны. Тяжёлый кувшин ударил несчастного парня между лопаток — тот вскрикнул от боли, теряя концентрацию. Щит Таммуза заколебался, утрачивая стабильность.

— Х-ха!.. — выкрикнул Креол, бросаясь вперёд. Плотно сжатые пальцы засветились красным, с ладони сорвался язык пламени. Заклятие Огненного Меча.

Пылающий клинок с противным шипением прорвал нестабильный Щит Таммуза и замер у самого горла Мешен'Руж-аха. Тот скрипнул зубами, с ненавистью глядя на противника, и медленно сложил руки на груди. Так шумерские маги признают поражение.

— Вас двое, а я один, — угрюмо процедил Мешен'Руж-ах. — Так нечестно.

— Всё честно, — тяжело дыша, произнёс Креол. — Проиграл — значит, проиграл, нечего жаловаться.

Огненный Меч рассыпался искрами. Креол встряхнул пальцами, сбрасывая остаточные чары. Они с Шамшуддином висели на волоске. Маны оба могут удерживать совсем немного, заклинаний освоили тоже всего ничего. Огненный Меч Креола может существовать секунд двадцать, не дольше. Если бы Мешен'Руж-ах не поторопился сдаваться, он бы расширял противников как котят.

Хотя кто знает? Вдруг его мана тоже полностью изошла на Щит Таммуза и Дыхание Эрешкигаль? Сражения учеников вообще редко затягиваются — слишком уж быстро истощаются боеприпасы.

— Снимай тунику, — потребовал Креол, легонько толкая Мешен'Руж-аха в плечо.

— Что ты сказал? — зло сощурился тот.

— Говорю: снимай тунику. И пояс. И сандалии. Всё снимай. Твоя одежда будет платой нам за твои оскорблении.

— Вы... вы понимаете, кто я?! Вы знаете, кто мой учитель?!

— Знаем. А ты знаешь, кто мой отец? И мой дед? Ногти Мешен'Руж-аха больно впились в ладони. Бить

нечем. Магистр Дильмар — один из самых уважаемых членов Гильдии, но сравнения с архимагами Креолом и Алкеалолом он явно не выдерживает. Пожелав поиздеваться над сопляками много младше себя, Мешен'Руж-ах сам оказался унижен и опозорен.

Через минуту он стоял нагишом. Обозленный Креол не позволил оставить даже набедренной повязки. Велев хозяйке питейного дома записать в долг всё выпитое им, Мешен'Руж-ах торопливо вышел на улицу. Надо побыстрее вернуться во дворец учителя и надеяться, что по дороге не встретится никто из знакомых.

А Креол с Шамшуддином довольно ухмыльнулись и уселись обратно за стол. Рядом тут же вырос невозмутимый подавальщик с ещё одним кувшином пива.

* * *

После схватки в урском питейном доме прошло девять дней. Креол и Шамшуддин, воодушевлённые первой в своей жизни победой над другим магом, пребывали в приподнятом настроении. Конечно, Мешен'Руж-ах ещё не полноценный маг, а ученик, но ученик более сильный и опытный, чем они двое.

Есть повод отпраздновать.

— Как думаешь, брат, что сказал бы учитель, если бы узнал об этом? — спросил Шамшуддин, поглаживая ягодицы пухленькой рабыни.

— Сказал бы, что мы никчёмные выродки и нам просто невероятно повезло, — пожал плечами Креол.

— Думаю, ты прав. А что сказал бы твой почтенный отец?

— Сказал бы, что ему наплевать и у него есть дела поважнее, чем слушать наши бредни.

— Печально. А что сказал бы твой почтенный дед?

— А вот он сказал бы, что гордится мной и ожидает дальнейших свершений. Дедушка супров на расправу, но и на похвалу не скучится. Если есть за что хвалить, конечно.

Креол отправил в рот последнюю оливку и недовольно посмотрел на чашу. Кончились. И раб машет опахалом как-то медленно.

— Работай усерднее! — рявкнул ученик мага. Темнокожий верзила начал махать немного быстрее.

Креол откинулся на подушках и уставился в потолок. Шамшуддин отвлёкся от ласкания прелестей наложницы и посмотрел на побратима.

— Чем думаешь заняться сегодня, брат? — спросил он. — Опять пойдём в город? Или предпочитаешь потратить время на совершенствование в Искусстве?

— Не знаю, Шамшуддин, не знаю... — проворчал Креол.

В пиршественную залу тихо вошёл дворцовый управляющий. Такой же раб, как все прочие, но пользующийся значительными привилегиями. Управляющий вправе распоряжаться казной, покупать и продавать других рабов, отдавать приказы страже.

Конечно, часть стражи — тоже рабы, но часть — свободные наёмники. И эти две части постоянно приглядывают друг за другом. Вольные следят, чтобы рабы не взбунтовались, рабы следят, чтобы вольные не предали хозяина. Согласия между ними нет ни в чём, они постоянно враждуют.

— Молодой господин, погода портится, — встревожен — но произнёс управляющий, наклоняясь к Креолу.

— Значит, в город сегодня не пойдём, — лениво произнёс тот. — А как она портится?

— Песчаная буря, господин. С юго-запада надвигается песчаная буря.

— Разве они бывают в этом сезоне? — удивился Креол.

— Очень редко. И никогда — такой силы. Это очень странно, господин.

Креол поднялся на ноги и запустил пятерню в смоляную шевелюру. Пальцы сомкнулись, послышался тихий щелчок, и ученик мага неодобрительно уставился на крошечное пятнышко, испачкавшее ноготь.

— Вошь? — полюбопытствовал Шамшуддин.

— Она, проклятая... — пробурчал Креол. — И почему против них до сих пор не придумали никакого заклинания?

— Да что же тут можно придумать?

— Да мало ли что... Скажем, сделать кровь ядовитой. Стоит глотнуть — и сразу смерть.

— А ты сам-то не помрешь, если превратить кровь в яд?

— Можно зачаровать её так, чтобы это было ядом только для паразитов...

— Хорошо придумал, брат, — усмехнулся Шамшуддин. — Но такого заклинания вроде бы нет. Может, ты сам его и составишь?

Креол неопределённо дёрнул плечами. Теорию составления заклинаний они с Шамшуддином уже изучили, но практика... Создание новых заклинаний — это едва ли не самая сложная часть Искусства. Ученику подобное не под силу, да и подмастерью тоже. Сумей составить новое заклинание — и Гильдия вручит тебе звание мастера.

— Потом подумаем, — махнул рукой Креол. — Пошли посмотрим, что там с погодой.

— Может быть, ты один сходишь, брат? — предложил Шамшуддин. — А потом мне обо всём расскажешь.

Креол раздражённо посмотрел на рабыню, массирующую побратиму плечи. Молодой кушит жмурился, как священная кошка, греющаяся на солнце.

— Кингу с тобой, лежи дальше, — сплюнул Креол. Невозмутимый раб тут же опустился на четвереньки, вытирая хозяйствский плевок.

А снаружи и в самом деле неспокойно. Даже во внутреннем дворе, окружённом крепостными стенами, дует ветер, полный пыли и мелкого песка. А уж когда Креол прошёл

через галерею и оказался на открытом пространстве...

— Задница Нергала!.. — воскликнул ученик мага, прикрываясь руками.

Всё небо затянуто жёлтой дымкой. Горизонт почернел, с юго-запада дует непереносимо горячий ветер. Бесчисленные песчинки секут кожу, словно ядовитые насекомые.

Но это ещё только начало песчаной бури. Видимость ухудшается с каждой минутой. Горизонта уже не видно, не видно и неба — уже в двух шагах всё исчезает в клубящейся муты. Невозможно говорить, трудно даже дышать — песок заполняет всё, устремляется в любую щель. Ветер свищет так, что не слышино собственных слов.

Закутавшись в простыню, Креол поднялся на крепостную стену. Дворцовый управляющий и начальник стражи, сопровождающие его, не переставали оправдываться, объясняясь, что погода ещё вот только что была отличной. Ничто не предвещало песчаной бури, да ещё такой сильной.

— На... ве... вну!.. — донеслось до Креола сквозь рев бури.

Надо вернуться внутрь, сообразил он. Рабы правы. За дворцовыми стенами песчаная буря не страшна. Надо просто переждать.

Скинув одежду, Креол почти час провёл в купальне. Отряхивая из волос песок и нежась в прохладной воде, он не переставал думать, откуда вдруг взялась эта буря. Здесь, рядом с Уром, да ещё в это время года...

Шлётная босыми ногами, в купальне вошёл Шамшуддин. Он тоже выглянул наружу — но ему хватило нескольких секунд, чтобы вернуться обратно. Даже во внутреннем дворе стало трудно находиться, а уж что творится за крепостными стенами...

— Кажется, Агад рассердился на нас, брат, — произнёс Шамшуддин, погружаясь в бассейн.

— За что? — мрачно покосился на него Креол. — Что мы ему такого сделали?

— Кто может знать мысли богов? Быть может, мы, сами того не заметив, проявили к нему непочтительность...

— Если бы боги карали каждого, кто хоть раз проявил к ним непочтительность, весь мир давно был бы пустыней.

— Твоя правда, брат. Но мы всё-таки маги, с нас больше спрос.

— А, да прекрати ты это! — поморщился Креол. — Когда, в чём мы были непочтительны к Агаду?! Чем мы могли его так рассердить?!

— Кто знает...

— Ни при чём здесь Агад. И вообще, боги тут ни при чём. Это либо насмешка слепой стихии, либо... либо...

Креол замолчал. Его губы сомкнулись в ниточку, на лице отразился гнев.

— Шамшуддин... — медленно заговорил он. — Ты помнишь, как зовут учителя того заносчивого ублюдка?

— Какого за... а, того, с которым мы повздорили в питейном доме?

— Ну да. Мешен'Руж-ах... дурацкое всё-таки имя. Помнишь, как зовут его учителя?

— Дильмар, если мне не лжёт моя память.

— Так и есть, Дильмар. Дильмар...

— И что с того, брат?

— Магистр Дильмар — лучший погодный маг в Империи, — угрюмо произнёс Креол. — Дождь, ветер, град... никто лучше его не управляет стихиями. Это именно он трижды заставлял снег выпасть над Вавилоном, дабы порадовать его жителей необычным явлением. Дедушка рассказывал, что Дильмар даже владеет Дланью Агада!

— Дланью?! Но он же не архимаг!

— Только одной. Но это уже многое значит.

— Ты прав, брат... И ты полагаешь, что Мешен'Руж-ах...

— Почему бы и нет? Он ученик лучшего погодного мага в Империи. А буря пришла именно с той стороны, где находится его дворец.

— Даже не знаю...

— У тебя есть объяснение лучше?

— Нет. Пусть будет по-твоему, брат. Но что же нам тогда делать?

— Я вырву этому гнусному шакалу глаза! — прорычал Креол, скрючивая пальцы так, словно душил что-то невидимое.— Я оторву его достоинство и скормлю овцам! Я вскрою ему череп и вставлю туда зажжённую свечу, чтобы воск капал на его мозг!

— Это всё замечательно, но что нам делать сейчас? Мы заперты здесь и не сможем выйти наружу, пока не прекратится буря.

— Подождём. Уверен, она скоро прекратится. Шамшуддин пожал плечами, погружаясь в бассейн по

самый подбородок. Креол подозвал раба и приказал немедленно доложить, как только буря начнёт стихать.

Но она не стихала. Прошло несколько часов, наступил вечер, а затем и ночь, но ветер даже не думал ослабевать.

Не стих он и к утру. А после того как одного раба, привязанного длинной веревкой, отправили на вылазку, выяснилось, что буря заканчивается уже через сотню шагов. Шахшанор оказался словно внутри отплясывающего на одном месте самума. Безжалостный суховей, поднявший в воздух гору песка, целые сутки кружил у крепостных стен, даже не думая лететь дальше или ослабевать.

— Мы в осаде,— мрачно произнёс Креол, постукивая пальцами по столу.— Этот мерзкий скарабей запер нас, как крыс в норе.

— Раб сказал, что буря простирается не так уж далеко,— произнёс Шамшуддин.— Закутаемся поплотнее, свяжемся веревкой, чтобы не потеряться,— и выйдем на чистый воздух.

— А дальше?

— Ну...

— Был бы здесь отец, он развеял бы эту бурю щелчком пальцев. А потом залил бы Мешен'Руж-аху в глотку расплавленный свинец.

— Но твоего отца здесь нет, брат.

— Сам знаю. А раз его нет, мы должны справиться с этим сами.

— Как, брат? Мы едва закончили третий год обучения... Нам не по силам столь сложные дела...

— Мне — и не по силам?! Я Креол, сын Креола, внук Алкеалола, правнук Ур-Намена, праправнук Кируру, прапраправнук Синликенна! Шумер не знает другого такого рода! Пятеро моих предков по мужской линии были архимагами!

— А шестой?

— Шестой был горшечником. И это не имеет значения!

— Как скажешь, брат, как скажешь. Но должен напомнить, что даже шестьдесят великих предков ещё не делают великим тебя самого.

Креол задумчиво откусил кусок лепёшки. Шамшуддин прав, конечно. Халай Джи Беш успел обучить их двоих лишь начаткам Искусства. Теоретические знания, умение пользоваться простейшими инструментами и проводить несложные ритуалы да парочка самых элементарных заклинаний — вот и всё, чем Креол сейчас богат. Он может стянуть свежий порез, сдвинуть с места щепку, сотворить каплю воды и зажечь пламя — больше пока ничего. Огненный Меч — самое крупное из его достижений, да и тот держится считанные секунды.

А у Шамшуддина есть только телекинез. Правда, на очень хорошем уровне для его возраста. Но против песчаной бури это не поможет.

— Пошли,— решительно поднялся из-за стола Креол.

— Куда? — вежливо поинтересовался Шамшуддин.

— Спросим совета.

— У кого?

— У тех, кто знает больше нас.

— У старых рабов?

— Ты что, спятил? По-твоему, я опущусь так низко, что буду спрашивать совета рабов?

— Это опозорит тебя до конца жизни, брат,— кивнул Шамшуддин.

Креол смерил его подозрительным взглядом. Иногда ему казалось, что Шамшуддин над ним насмехается. Но поскольку тот всегда оставался подчёркнуто серьёзен, повода возмутиться у Креола не возникало.

Выходя из пиршественной залы, Креол направился к лестнице. За тридцать восемь последних дней они с Шамшуддином поднимались по ней не меньше сотни раз. Но сегодня Креол впервые не стал подниматься. Впервые он пошёл вниз, а не вверх.

— Брат, ты что? — забеспокоился Шамшуддин.— Ты же говорил, что в подвал ходить нельзя.

— Говорил,— угрюмо кивнул Креол.

— Тогда почему же ты туда идёшь?

— Потому что я уже не ребёнок. Если дедушка опять решит наказать меня, как в прошлый раз... ну и Кингу с ним. Ты со мной?

— Я с тобой, брат...— вздохнул Шамшуддин.— Но мне это не нравится...

В основной части подвала ничего особенного не обнаружилось. Всё то же самое, что и везде: холодный погреб, хранящий мясо, рыбу, свежие овощи, молоко и масло. Кухонные рабы захаживают сюда часто, хотя надолго и не задерживаются — вокруг царит колдовской мороз. Креол-старший хорошо потрудился над подвалом Шахшанора.

Пройдя меж рядов окороков и солёной рыбы, Креол распахнул маленькую медную дверь, густо исписанную запечатывающими заклинаниями. За ней открылся тёмный коридор с до невозможности затхлым воздухом. Откуда-то издалека слышался тонкий звук — не то вой, не то пение.

— Смотри под ноги,— распорядился Креол, поднимая повыше светильник.

Сначала ученики мага прошли мимо двух просторных ледников, заваленных человеческими трупами. Потом потянулись пустые камеры, забранные решётками. А потом... потом началось самое страшное. Камеры стали просторнее, решётки — из чистого железа или меди, а внутри — вырезанный в полу круг, исписанный заклинаниями и испускающий слабый свет. На потолке — ещё один круг, аналогичный.

Здесь держат демонов.

Правда, два первых помещения оказались пустыми. Зато в третьем Креол и Шамшуддин увидели жуткую фигуру. Рослый мускулистый детина без одежды... и головы. Перекатывающиеся буграми плечи, а над ними — ничего.

Но это не труп. Безголовый здоровяк бродит из угла в угол, словно погруженный в мысли. А при виде гостей он резко подскочил к решётке и замолотил в неё кулаками. Та затряслась, задребезжала — в этих ручищах таится недюжинная сила.

— Так вот они какие — Безголовые....— поёжился Креол.— Вот уж уродство...

— Он нам поможет? — осведомился Шамшуддин.

— Он? Чем? С Безголовым даже поговорить-то не получится... Пошли дальше, посмотрим, кто в других камерах.

В следующей камере тоже не оказалось никого полезного. Какой-то мелкий демон, похожий на покрытую слизью луковицу. На Креола и Шамшуддина он зашипел, заклокотал, но ни одного членораздельного слова не произнёс.

— Кто это, брат? — спросил Шамшуддин.

— А Кингу его знает...— почесал в затылке Креол.— Халай про таких не рассказывал...

— Неразговорчивый он какой-то,— задумчиво произнёс Шамшуддин, стараясь держаться подальше от решётки.— Пойдём дальше?

В пятой камере Креола и Шамшуддина ожидал мёртвый Злыдень. Демон-вампир Лэнга лежал на боку, скрючив руки и ноги. Ни единого шевеления, красные глаза пусты, кожа высохла, став похожей на старый пергамент.

— Похоже, дедушка морил его голодом,— хмыкнул Креол.

Шамшуддин согласно кивнул. Большинство демонов весьма и весьма живучи, но им тоже нужно чём-то питаться. Злыдень — относительно слабый демон, и продолжительная голодовка оказывается на нём не лучшим образом.

Хотя не исключено, что эту тварь ещё можно вернуть к жизни. Он всё-таки ещё и вампир. Кто знает, что произойдёт, если оросить эти зубы-иглы кровью?

Креол и Шамшуддин не стали проверять.

В шестой камере при их появлении тоже никто не шевельнулся. Посреди магического круга тихо и безжизненно стоят цельнокованые доспехи, испещрённые печатями.

— Брат, это что же — кумбха? — спросил Шамшуддин.

— Печати не стёрты. Значит, пока только оболочка для кумбхи. Интересно, зачем она дедушке?..

В седьмой камере Креол и Шамшуддин увидели шедима. Жуткая косматая тварь с птичьими лапами издала тонкий певучий звук, потянувшись к ученикам мага трясущейся шеей. Те отшатнулись — на шедима нельзя смотреть, не то будешь проклят. Пряча глаза, глядя в пол, Креол и Шамшуддин осторожно прошли мимо.

— Эй, чего мы боимся? — вдруг сообразил Креол. — Он же в магическом круге! А значит, ничего не может сделать!

— Уверен, брат? — усомнился Шамшуддин, по-прежнему не поднимая глаз.

— Как в том, что ты лысый.

— Эй, дети человечьи! Подойдите-ка сюда!

Креол и Шамшуддин вздрогнули. Эти слова донеслись из восьмой камеры, последней. Ученики мага переглянулись, а потом оставили шедима в покое и нерешительно дошли до конца коридора.

Из-за железной решётки, усеянной рунами, на них уставилась омерзительная харя. Вроде бы человек... но без единого клочка кожи. Мышцы, вены и внутренности смотрят наружу, прикрыты прозрачным переливающимся балахоном.

Эг-мумия!

— Как вас зовут, человечьи дети? — ласково поинтересовался демон, подходя вплотную к решётке.

Ответом ему стало лишь молчание. Если Креол и Шамшуддин что-то усвоили из наставлений старого Халая, так это то, что свое имя кому попало называть нельзя. Да и вообще, стоит дважды подумать, прежде чем заговаривать с демоном. Некоторые виды нечисти не могут напасть, пока с ними не заговоришь.

Правда, эг-мумии не из таких. Среди чудовищ Лэнга они вообще чуть ли не самые миролюбивые.

— Среди людей я известен под именем Креол, — решил юноша.

— Брат! — зашипел на него Шамшуддин.

— Что?! — огрызнулся Креол. — Это моё имя! Я им горжусь! И я не собираюсь скрывать ни от кого!

— Правильное решение, мальчик, правильное! — язвительно осклабился эг-мумия.

— Я тебе не мальчик, — зло посмотрел на него Креол. — Мне восемнадцать лет.

— А мне тысяча сто семь, — продолжал ухмыляться демон. — Я победил. А теперь давай узнаем, кто из нас выше ростом.

На его бескожем, безгубом лице ухмылка выглядела по-настоящему кошмарно. Скорее оскал, чем ухмылка. Шамшуддина передёрнуло.

— Как твоё имя? — спросил Креол. — Или ты нам не скажешь?

— И рад был бы скрыть, да только оно написано прямо у меня над головой, — фыркнул эг-мумия, указывая на потолок пальцем-костяшкой. — Меня зовут Мдзгрвеш, человечьи дети. Если, конечно, вы сумеете это выговорить.

— Сложновато, но я попытаюсь, — напряжённо произнёс Креол. — Мдзгрвеш... Мдзгрвеш... Именем твоим, Мдзгрвеш, отдаю тебе повеление! Ана зумрийя ла тетехха! Ана зумрийя ла текхерреба! Ана зумрийя ла тасанникха! Ниш Шамаш кабти лу таматуну! Ниш

Эа бел накхби лу таматуну! Ниш Асаллухи машмаш или лу таматуну! Ниш Гирра кхамикуну ла таматуну!

— Превосходно, превосходно,— одобрительно кивнул Мдзгрвеш, с интересом наблюдая за учеником мага.— Только ты забыл благовонные курения и печать. Да и жертвоприношение было бы неплохо.

— А, смрад Хастуровой пасти!..— ругнулся Креол.— Опять поторопился...

— Не горячись, брат, у нас предостаточно времени,— напомнил Шамшуддин.

— А чего именно вы от меня хотите? — сложил руки на животе эг-мумия.— Может быть, попробуем просто договориться?

— Договариваться — с тобой?!

— Почему бы и нет? Всё равно заставить меня подчиниться у вас не выйдет.

— Это у меня — и не выйдет?!

— Детёныш, в твоём заклинании не хватит силы даже на полуиздохшую лярву,— презрительно произнёс демон.— Не смотри на то, в каком жалком положении я сейчас. Я Мдзгрвеш, из Первой Пятёрки чиновников Элигора. До обращения я был одним из лучших магов фараона Ка, да будет он жив, цел, здрав...

— Он умер тысячу лет назад,— проворчал Креол.

— И я тоже. Мне это не мешает.

Креол и Шамшуддин уставились на омерзительную плоть эг-мумии. На вечно кровоточащие мышцы, на лишенные век глаза, на спутавшиеся кишki.

— Что-то хотите сказать, человечьи дети? — зло оскалился Мдзгрвеш.— Мне не нравятся ваши взгляды.

— Почему мой дедушка тебя тут держит? — вместо ответа спросил Креол.

— Твой де... а, так ты внук Алкеалола! — обрадовался демон.— Превосходно, превосходно. Знай же, детёныш, что мы с твоим дедом кое в чём... не сошлись во мнениях. Он призвал меня, желая поручить одну работёнку. Мы заключили устный договор — ситуация была сложная, времени не хватало сделать всё как подобает. Работу я выполнил. Но твой дед придрался к одной мелкой формальности и отказался платить по счетам! А когда я пригрозил гневом моего господина — разозлился, избил меня и запер здесь.

— Узнаю дедушку, — довольно улыбнулся Креол.— И как давно это было?

— Три года назад. Так что скажете, человечьи дети? Вам нужна моя помощь?

Креол с Шамшуддином переглянулись и, не сговариваясь, отошли назад — к камере с доспехами для будущего кумбхи.

— Я подожду вас здесь! — крикнул им вслед Мдзгрвеш.

Не обращая на него внимания, ученики мага тихо зашептались. Обоих терзали сомнения — как поступить в столь непростой ситуации?

Бессспорно, Мдзгрвеш может их выручить. Эг-мумии — отличные колдуны. А этот ещё и из Первой Пятёрки одной из Эмблем Йог-Сотхотха. Значит, в Искусстве он способен потягаться с магистром Гильдии. Но можно ли положиться на такого ненадёжного союзника? И что ещё важнее — как к подобному отнесётся дедушка Алкеалол?

— Брат, давай лучше ещё подождём,— прошептал Шамшуддин.— Уверен, буря скоро закончится сама собой.

— А если не кончится? Помнишь кровавый дождь, что Ку-Клус устроил над Кальху? Тогда тоже думали, что он закончится сам собой!

— Ку-Клус был архимагом, брат.

— Безумным архимагом.

— Тогда он ещё не был безумен. С ума он сошёл уже потом.

— А по мне, он уже тогда был безумным. Посуди сам: станет ли кто устраивать кровавый дождь над большим городом, если только он не последний безумец?

— Возможно, ты прав,— решил не начинать спора Шамшуддин.— Но даже если он был безумным — что с того? Разве сейчас безумие ему мешает? Вся императорская армия и четыре архимага Гильдии не могут с ним справиться!

Креол угрюмо замолчал. Он терпеть не мог, когда его загоняли в тупик неопровергимыми доводами.

— На стороне Ку-Клуса Дагон,— неохотно проворчал он в конце концов.

— Это ещё не подтверждено окончательно.

— Тысячу раз уже подтверждено! Только самые недоверчивые до сих пор сомневаются!

— Пусть будет по-твоему, брат.

Мдзгрвеш слушал этот разговор с большим интересом. Глупые щенки не знают, насколько остёр слух эг-мумии. Отсутствие ушей этому совсем не мешает.

Но, однако... если щенки говорят правду, в Шумере сейчас бушует владыка Дагон. Очень интересно. За три года, проведённые в темнице демонолога, Мдзгрвеш немного отстал от жизни. Здесь довольно трудно следить за новостями.

Бескожее чудовище устало подпёрло щёку ладонью. Для уважающего себя демона три года без пищи — ничто. Это смертные, чуть что, сразу начинают чахнуть, болеть и умирать. А это тело, хоть и кажется предвзятому разуму уродливым, служит гораздо надёжнее. И не портится со временем.

Но провести три года на одном месте, в крохотной камере, имея соседом безмозглого шеддима... Тайное Имя Червя, до чего же это тоскливо! Неудивительно, что демоны так звереют в колдовских темницах.

Хотя, если вдуматься, в Лэнге не намного веселее. И на помощь оттуда можно не рассчитывать. Мдзгрвеш — легко заменяемый работник. Чем возиться с его освобождением, гораздо проще поставить на должность другого эг-мумию. Лэнг не испытывает в них недостатка.

Да и не в обычай это у демонов — выручать кого-то из беды. Думать надо только о себе.

— Эй, человечьи дети, что надумали?.. — окликнул своих посетителей Мдзгрвеш.— Вам нужна моя помощь или нет?..

Эг-мумия начал тревожиться. Что, если эти щенки просто возьмут и уйдут? Кто знает, сколько лет пройдёт, прежде чем появится другой шанс?

Но они не ушли. По-прежнему колеблясь и сомневаясь, Креол и Шамшуддин, однако, вернулись к восьмой камере.

— Скажи, ты сможешь прекратить песчаную бурю? — задал вопрос в лоб Креол.

— Это самая лёгкая вещь для меня! — ухмыльнулся Мдзгрвеш.

Он согнал. Управление погодой никогда не было его сильной стороной. Но сейчас главное — выбраться из этой клетки. А там видно будет.

— Я выпущу тебя, если ты пообещаешь не причинять никакого вреда дворцу Шахшанору и всем находящимся в нём, а также прекратишь песчаную бурю, которая сейчас бушует снаружи.

— Я обещаю, — с готовностью кивнул демон. — Выпускай меня, чтобы я мог поскорее приступить к работе.

Всё ещё колеблясь, Креол снял с пояса связку ключей. У дворцового управляющего такая тоже есть, но кое-чего там не хватает. Вот этот крохотный красный ключик, чуть заметно колеблющийся в тусклом свете, существует в единственном числе.

Если бы Алкеалол знал, что его сын перед отъездом отдаст своему сыну все ключи — в том числе и этот...

Мдзгрвеш следил за движениями Креола с плохо скрываемой жадностью. Если бы он мог просунуть руку сквозь зачарованную решётку, то уже давно выхватил бы связку из рук юноши.

— Здесь нет замка, — растерянно произнёс Креол. Раньше он не обращал на это внимания.

— Как это нет? — не понял Мдзгрвеш. — Посмотри получше, он там.

— Где?

— Да там же! Раскрой глаза!

— Не вижу.

— Клыки Бездны, детёныш, да ты что, издеваешься надо мной?! Ты его в самом деле не видишь?!

— Я тоже не вижу,— произнёс Шамшуддин.— На этих камерах вообще нет замков. Решётки вделаны намертво.

— Да нет же!..— заметался Мдзгрвеш.— Решётки поднимаются и опускаются, нужно только открыть... или... о-о...

— Что?

— Детёныши, а как давно вы уже учитесь магии?

— Три года.

— И видеть истинную суть вещей вас до сих пор не научили...— упавшим голосом произнёс Мдзгрвеш.— Как печально...

Креол и Шамшуддин переглянулись. Уже начиная смутно понимать, Креол спросил:

— Что ты имеешь в виду, демон?

— Замок, запирающий эту клетку, не имеет материального тела,— кисло объяснил эг-мумия.— Только астральное. Я-то полагал, что вы уже достаточно опытны, чтобы видеть потаённую сторону... Какое разочарование. Похоже, освободить меня вы не сможете. Не с вашими жалкими способностями.

Глядя на Креола, Шамшуддин вздохнул. На скулах побратима заходили желваки. Лицо, и без того смуглое, как будто на миг стало совсем чёрным.

— Это я — и не смогу?! — сжал кулаки Креол.

— Опять повёлся...— простонал Шамшуддин. Больше всего на свете его побратим ненавидит, когда в нём сомневаются. О, сам-то он оценивает свои способности вполне трезво, понапрасну не хвастается. Но стоит услышать «не сможешь» от кого-то другого...

Шамшуддин уже пытался объяснить Креолу, что это глупо. И тот даже соглашался, обещал держать себя в руках... но всё равно не выдерживал.

— Надеюсь, никому не придёт в голову сказать, что он не может завоевать Лэнг...— пробормотал Шамшуддин.— Ведь мгновенно же помчится опровергать...

— Идите, идите, человечий дети...— разочарованно отвернулся Мдзгрвеш.— Не расстраивайте меня понапрасну.

— Научи меня! — рявкнул Креол.

Шамшуддин удивлённо моргнул. Мдзгрвеш, тоже очень удивлённый, медленно повернулся.

— Что-что? — переспросил он.

— Ты не слышал? Я сказал: научи меня!

— Чему?

— Видеть... видеть! Ауры, духов, тонкие оболочки... всё! В Лэнге нет лучших знатоков человеческой магии, чем эг-мумии, верно?

Мдзгрвеш ослабился. Однако в его взгляде впервые появилось нечто большее, чем снисходительная насмешка. В глазах без век промелькнула лёгкая, чуть заметная тень уважения.

— А сколько, по-твоему, времени это займёт, детёныш? — задумчиво спросил демон.

— А ты что, куда-то торопишься? — криво усмехнулся Креол, усаживаясь на каменный пол.— Начинай.

Эг-мумия склонил обезображенную голову набок, словно желая рассмотреть ученика мага под другим углом. Немного подумав, он пожал плечами и тоже уселся на пол. Теперь они с Креолом смотрели глаза в глаза.

— Никогда не думал, что однажды буду сидеть вот так...— поправил воротник Мдзгрвеш.— Но пусть будет по-твоему. Скажи, детёныш, известно ли тебе, почему люди видят только материальный мир и в упор не замечают большинство проявлений мира эфирного?

Креол погрузился в раздумья.

— Позволь, я подтолкну тебя,— вмешался эг-мумия.— Знаешь ли ты, почему вообще люди видят? Что есть зрение, по-твоему? Вот у нас с тобой есть глаза — всякому известно, что если их закрыть, то мир вокруг исчезнет. Но почему?

— Халай нам этого не рассказывал...— медленно сказал Креол.

— А сам ты как думаешь?

— Я думаю, что глаза — это как бы магические руки...

— О?..— удивился Мдзгрвеш.— Поясни свою мысль, детёныш.

— Руками мы ощупываем предметы и понимаем, каковы они. Я думаю, что из глаз тоже высываются невидимые магические... пальцы... щупальца... лучи... не знаю, как назвать. Они всё вокруг как бы ощупывают и дают нам видеть.

— Мм... в целом близко. Близко. Только всё происходит в точности наоборот. Не из глаз выходят лучи... насчёт лучей ты угадал, детёныш. Не из глаза, а в глаза входят лучи света.

— Лучи Света?.. А разве...

— Нет, не Света, а света. Обыкновенного света. Того, который рождают солнце и огонь. Эти лучи входят в глаз и приносят с собой знание обо всём, чего они по пути коснулись. Поэтому ты видишь только при свете, а в полной темноте не видишь ничего. Поэтому нельзя увидеть то, что находится с другой стороны стены или за углом — лучи света ходят только по прямой.

— Это звучит совсем неправдоподобно,— с сомнением покачал головой Креол.— Ты хочешь сказать, что я ничего не увижу, если отвернусь от света? Но это бред. Вот сейчас я смотрю на тебя, а светильник позади меня. Однако я тебя хорошо вижу. Как ты это объяснишь?

— Да будет тебе известно, детёныш, что свет также умеет отражаться от материальных тел. Неважно, где находится источник света — он испустит бесчисленное множество лучей, все они бесчисленное множество раз отразятся от всего вокруг и принесут в твои глаза знание об этом. Теперь стало правдоподобнее?

— Немного. Но я всё равно думаю, что наши глаза сами испускают магические лучи. Это было бы гораздо разумнее и понятнее.

— Возможно. Но это совсем не так. И как ты объяснишь в таком случае, что не можешь видеть в темноте?

— Ладно, ладно, у меня нет времени на глупые споры! — поморщился Креол.— Хватит этой никчёмной болтовни — скорее учи меня видеть ауры!

Шамшуддин, все это время слушавший стоя, подогнул колени и уселся рядом с побратимом. Глупая, конечно, затея — учиться магии таким диким способом. Но не оставлять же товарища в одиночестве.

К тому же эг-мумии действительно слышат многомудрыми созданиями...

— Разберёмся теперь, отчего же человек не видит того, что невидимо,— продолжил Мдзгрвеш.— Причин на то две. Первая причина — в том, что совершенны лишь глаза богов. А глаза человека очень ограничены в возможностях.

— А демона?

— Смотри какого. Мои глаза устроены так же, как человеческие. Правда, я... нуда сейчас не о том речь. Глаза человека видят свет только от сих до сих,— поставил перед собой ладони Мдзгрвеш.— Что выше и что ниже — не видно. Одни существа в этом человека побеждают, имея рамки более широкие, другие — проигрывают, имея более узкие. Есть немало несчастных, что различают только чёрный и белый цвета, видя мир совсем блёклым. А есть и такие обделённые, что способны увидеть только то, что движется. Или, наоборот, только то, что неподвижно.

— А вот сейчас ты точно лжёшь,— уверенно заявил Креол.

— Ты весьма недоверчивый детёныш. Я не лгу. Мне нет нужды лгать. Я назвал тебе первую причину слабости человеческого зрения. Вторая причина — в том, что через иные

тела свет свободно проходит, не замечая их. А следовательно, он не приносит знания о них в наш глаз. Возьми воздух, который нас окружает. Известно ли тебе, что он не однороден, но состоит из множества изрядно разреженных дымов?

— Я устал слушать всякую чушь,— процедил сквозь зубы Креол.— Хватит рассказывать мне небылицы, переходи к магии.

Шамшуддин покачал головой. Если бы на месте этого демона был Халай Джи Беш, Креол уже весь покрылся бы синяками. Их старый учитель не выносит, когда ему перечат, и ненавидит нахальных юнцов.

Хотя всех остальных людей он тоже ненавидит.

— Мы не видим воздуха,— ничуть не обидевшись, продолжил Мдзгрвеш.— Он слишком разреженный и не имеет цвета. Он прозрачен, как стекло. Мы и стекла не видим, если оно совершенно прозрачно и ничем не запачкано. Верно?

Креол неопределённо пожал плечами. Не так уж много он видел стекла на своём веку. Оно стоит дорого, и позволить его себе могут только богачи. Род Креола — один из богатейших в Шумере, но во всём Шахшаноре можно найти лишь несколько небольших стеклянных изделий.

— Однако даже воздух покажется твёрдым и прочным в сравнении с эфирными телами,— сказал Мдзгрвеш.— Воздух мы хотя бы можем вдохнуть. Мы чувствуем его движение — оно называется ветром. Эфирные тела же нам совершенно недоступны. Они бесплотны, и свет проникает сквозь них без задержки. Чтобы увидеть их, нужно научиться видеть без помощи глаз. Без помощи этих студенистых шариков, которые так легко повредить.

— И как этому научиться?! — нетерпеливо подался вперёд Креол.

— Совсем несложно. Однако прежде всего тебе следует знать, что называть это чувство «зрением» не совсем верно. Это не зрение.

— Ты меня совсем запутал. Тебе не кажется, что ты противоречишь сам себе?

— Я просто пытаюсь объяснить так, чтобы ты понял. Это не зрение. Это... духовное восприятие. Однако, поскольку у человека нет природного средства к этому чувству, знания об эфирной стороне мира воспринимаются нами как образы, звуки, запахи или даже вкусы. Чаще всего — образы, поэтому обычно и говорят о «высшем зрении». Однако ты можешь также «услышать» колебания тонкой материи или «унюхать» мощные магические всплески.

— И как же?

— Просто. Большинство магов овладевают этим умением с легкостью. Можно даже сказать, что все мы уже умеем это с рождения. После смерти ты так или иначе познаешь это умение — ведь нынешние твои глаза умрут вместе с телом. Бесплотной душе останется только духовное восприятие.

— Говоришь, я это уже умею?..

— Да. Но тебе мешают твои живые глаза. Они уже рисуют тебе богатую картину мира, мешая узреть то, что спрятано во втором слое, невидимом.

— И что же, предлагаешь их вырвать?!

— Это не поможет. Если бы это помогало, слепцы не натыкались бы на стены. Пока ты жив, основным твоим зрением будет зрение глаз. Однако ничто не мешает тебе развить ему в помощь второе. Открыть «третий глаз».

— Третий глаз?..— пощупал лоб Креол.

— Не в прямом смысле. Просто появится дополнительное зрение. И сейчас я объясню, как это сделать.

Креол поёрзal в нетерпении, не отрывая взгляда от жуткого демона за решёткой. Тот задумчиво прищёлкнул пальцами, подбиравая дальнейшие слова, и сказал:

— Сейчас сядь как можно удобнее. Расслабься. Дыши размеренно и глубоко. Откинь все посторонние мысли, забудь обо всём, что существует в этом мире. Забудь о прошлом, не думай о будущем, не тревожься о настоящем. Первый опыт — самый сложный, но если это удастся сделать один раз — дальше это станет таким же лёгким и естественным, как дыхание

или глотание. Главное — суметь проломить те рамки, что выстроены в нашем сознании, дабы оградить от созерцания ненужного.

— Так что конкретно мне делать? — спросил Креол.

— Закрой глаза. В этом опыте они тебе не только не понадобятся, но даже будут мешать. Они отвлекают. Духовному восприятию не преграда ни стены, ни твои веки.

— Закрыл. Что дальше?

— Ты проучился магии уже три года. Значит, умеешь поглощать ману и контролировать её потоки в своём теле.

— Конечно.

— Тогда сконцентрируйся. Почувствуй каждую из своих чакр. Ты чувствуешь их? Чувствуешь, как мана течёт по духовным линиям?

— Чувствую.

— Представь, что ты используешь заклинание. Что ты сделаешь для этого?

— Сконцентрирую волю в одной точке. Чётко представлю, что хочу сделать. Произнесу слова заклинания, оформляя ману в нужный образ или действие.

— А без слов можешь?

— Конечно. Если направлю поток огненной маны на свечу — она загорится. Если сформирую ману в незримый луч и дотянусь до предмета — смогу передвинуть его, не касаясь руками.

— А если без маны?

— Что?.. Как это без маны?.. Без маны колдовать невозможно.

— А мы сейчас и не говорим о колдовстве. Ты должен просто сделать всё то же самое, что делаешь обычно... но без маны.

— Но тогда ничего не произойдёт.

— А ничего и не должно происходить. Ты не должен ничего двигать или зажигать — ты должен просто увидеть. Попытайся.

— А на что воздействовать?

— Ни на что определённое. Просто прямо перед собой. Выпусти поток маны... не выпуская его.

Креол ощутимо напрягся, изо всех сил пытаясь сделать так, как сказал эг-мумия. Он просидел неподвижно почти пятнадцать минут — его никто не прерывал, никто не вмешивался. Но в конце концов ученик мага устало выдохнул и произнёс:

— Не могу. Не получается.

— Я бы очень удивился, если бы это получилось с первого раза, — усмехнулся Мдзгрвеш. — Как я уже говорил, первый раз — самый сложный.

— Ты можешь показать, как это делается?

— Что именно показать? Я делаю это прямо сейчас. Я делаю это всегда, без перерывов. Ты хочешь увидеть, как я вижу? При всём желании я не смогу показать этого другому. И никто не сможет.

— Хорошо, хорошо, я понял. Объясни ещё раз, что мне нужно сделать.

— Направить в окружающий мир частицу собственной души. Всё то же самое, что при колдовстве, но без маны, без заклинаний. Не воздействовать, а просто почувствовать. Увидеть, услышать, унюхать... я не могу сказать, как именно это будет для тебя выглядеть.

Креол угрюмо кивнул и начал пробовать снова. Чего-чего, а усердия у него хватало всегда. Он мог днями и неделями повторять, повторять, повторять до бесконечности одно и то же действие.

До тех пор, пока не добивался результата.

Прошло несколько часов, а Креол всё сидел на одном месте, время от времени задавая Мдзгрвешу вопросы, выясняя мельчайшие подробности. Шамшуддин принёс с кухни несколько лепёшек, сушёного мяса и кувшин пива. А заодно проверил, как дела снаружи, не прекратилась ли песчаная буря.

Она не прекратилась.

— Ну что, по-прежнему ничего? — осведомился Мдзгрвеш.

— Ничего.

— Ох... Хорошо, тогда попробуй действовать от противного.

— Это как?

— Ты умеешь вбирать ману?

— Конечно.

— Тогда попробуй сделать всё то же самое, но без маны. Вбирай... просто вбирай. Возможно, так у тебя лучше получится.

— Ты хочешь сказать, что существует несколько способов видеть ауры?

— Нет. Способ только один — просто видеть. А вот способов преодолеть барьер в сознании... их множество, это верно. Самое главное — добиться этого в первый раз. После этого всё станет таким простым и естественным, что ты будешь делать это не задумываясь.

Креол задумчиво кивнул. Всё, чему он успел научиться в магии, действовало по этому же правилу. Долгие месяцы прошли, прежде чем Креол сумел поглотить свою первую каплю маны, но сейчас делать это не сложнее, чем вдыхать воздух. Самое первое заклинание отняло полгода мучений, но дальше пошло значительно легче.

А если вдуматься, за пределами магии это правило тоже справедливо. Первое слово, первый шаг... Первый раз всегда самый тяжёлый.

— Ну что, видишь что-нибудь? — поинтересовался Мдзгрвеш спустя час.

— Нет.

— Ладно, я никуда не тороплюсь.

Креол что-то неразборчиво буркнул. Ему-то есть куда торопиться, в отличие от проклятого эг-мумии. Наверху по-прежнему бушует песчаная буря. Креол едва не лопается от злобы и самолюбия. Как же хочется добраться до глотки маскимова мелушца!

Нет, при следующей встрече Мешен'Руж-ах не отделается так легко, как в последний раз. Креол заставит его сожрать весь песок, что сейчас кружится вокруг Шахшанора.

— Объясни ещё раз! — рявкнул ученик мага, бешено глядя на демона в клетке.— Ещё раз! Клянусь всеми Именами Мардука, я не сойду с этого места, пока эта дверь не откроется!

— Хороший настрой, очень хороший! — радостно ощерился Мдзгрвеш.— Давай ещё раз с самого начала, детёныш. Плавно и методично...

— Не разговаривай со мной как с ребёнком! — с силой ударили кулаком по решётке Креол.— Я тебе не...

Не докончив фразы, он вдруг замолчал и поражённо уставился на то место, куда пришёлся удар. Очень-очень медленно раскрыл ладонь и ушибленные костяшки пальцев.

— Что такое? — полюбопытствовал Шамшуддин.

— Не отвлекай,— бросил ему Креол, осторожно водя рукой возле клетки.— Чрево Тиамат... Скажи... э-э... как тебя там?..

— Мдзгрвеш,— напомнил Мдзгрвеш.

— Ты сказал, что ауру можно не только видеть, верно?

— Конечно. Её можно слышать, можно обонять... У человека нет подходящего чувства для восприятия эонов, поэтому твой разум подбирает им некое оформление...

— Да-да, я понял. Сейчас я...— снова провёл рукой Креол,— ...да, сейчас я чувствую как бы покалывание. Тысяча крохотных иголочек. Это оно?..

— Вполне может быть.

— Но магический замок здесь или нет?! — ткнул пальцем Креол.

— Я не знаю. Вполне возможно, что здесь.

— Как это ты не знаешь?!

— Этот замок удерживает демона,— снисходительно произнёс Мдзгрвеш.— Меня. Нет ничего странного, что он зачарован так, чтобы демон не смог его не только открыть, но даже и увидеть.

— А, вот как... Ладно. Хорошо, предположим, это оно и есть. Это означает, что у меня получилось?.. Я научился?..

— Чего-то ты во всяком случае добился. Трудно сказать, сколько ещё тебе придётся тренироваться, прежде чем ты сможешь видеть ауры всегда, даже не задумываясь об этом...

— Брат, может, вначале всё-таки проверим? — предложил Шамшуддин. — Вдруг у тебя просто затекла рука?

— А! — испугался Креол, тряся кистью. — Чрево Тиамат, не пугай меня так, ты, плешивый кушит! Где ключ от клеток?!

— Вместе с остальной связкой, висит у тебя на поясе.

— Ах да...

— Только я по-прежнему сомневаюсь, брат. Ты уверен, что нам следует освобождать... Эмм...

— Демона, — охотно подсказал Мдзгрвеш.

— Да. Ты уверен, брат?

— Я всегда уверен.

Теперь появилось новое препятствие. Местонахождение замка найдено — но этот замок нематериален. Как его открыть? Ключ, поднесённый к нужному месту, начал чуть заметно мерцать, но больше ничего не произошло. Ученик мага немного подождал, повертел ключом из стороны в сторону, попробовал вращать его, словно в замочной скважине... по-прежнему ничего.

— Что мне делать дальше? — пробурчал Креол, исподлобья глядя на Мдзгрвеша.

— Не знаю, детёныш. Мне никогда не доводилось пользоваться такими клетями. Демонологию я знаю только со своей стороны. Со стороны демона.

— Мысли есть? — спросил Креол, поворачиваясь к Шамшуддину.

— Прости, брат.

— Вы все совершенно бесполезны, — процедил Креол, сосредоточенно рассматривая мерцающий ключ.

Прошла минута. Другая. Ученик мага всё так же стоял в одной позе, сжимая ключ так, словно пытался его раздавить.

Наконец терпение юноши лопнуло. Он клацнул зубами, топнул ногой и бешено прорычал:

— Открывайся!!! Вот я, Креол, сын Креола, говорю тебе, поганый замок: открывайся прямо сейчас!!!

Замок никак не отреагировал. Бескожая харя Мдзгрвеша искривилась в насмешливой гримасе. Высохшие мышцы, едва-едва прикрывающие череп, натянулись так, что послышался скрип. Уродливый демон прислонился спиной к стене и мелко затрясся, с трудом удерживаясь от хохота.

Креол бешено сжал ключ. Тот начал ощутимо раскаляться — от гнева ученик мага непроизвольно излил вовне толику огненной маны.

Послыпалось тихое шипение. В воздухе высветился пылающий рисунок, похожий на цветок лилии. Ключ, удерживаемый Креолом, оказался в самой его серёдке.

— Как ты это сделал, брат?! — поражённо спросил Шамшуддин.

— Я... я просто... — ошалело заморгал Креол. Мдзгрвеш же торжествующе захихикал. Противодемоническая решётка заколебалась и растаяла, как утренний туман. Окинув свое училище последним взглядом, демон шагнул на свободу.

Креол и Шамшуддин невольно попятились. За несколько часов, проведённых в подвале Шахшанора, они успели привыкнуть к эг-мумии, но всё это время их разделяла решётка.

А теперь она исчезла.

— А где сейчас твой дедушка, детёныш? — деловито спросил Мдзгрвеш, жадно втягивая воздух.

— Тебя-это не касается, — сумрачно ответил Креол. — Выполняй уговор.

— Уговор?.. Какой ещё уговор?..

— Не шути со мной, блевотина Хастура! Ты обещал! Хочешь сказать, что твоё слово ничего не стоит?!

— Ты слишком горластый для своего возраста,— холодно произнёс эг-мумия.— На твоё счастье, я не обидчив. Если бы на моём месте был будха или Двурогий, он бы сразу сожрал дурака, выпустившего его из клетки. Но я... знаешь, детёныш, ты мне нравишься. Мы с тобой похожи.

— Совсем не похожи!

— Похожи, похожи. Больше, чем тебе кажется.

— Чем?!

— Мм... скажи, детёныш, держишь ли ты своё слово?

— Всегда! И я убью каждого, кто в этом усомнится!

— Прекрасный ответ! — осклабился Мдзгрвеш.— Вот видишь, уже есть сходство. Моё слово стоит больше, чем ты можешь вообразить. И я выполню, что обещал. Однако...

— Однако?..

— Я немного преувеличил свои способности по управлению погодой,— хихикнул Мдзгрвеш.— Может быть, я сделаю для вас что-нибудь иное? Хотите, я нашлю проклятие на кого-нибудь из ваших врагов?

Креол задумался. На его лице пропал живой интерес. Но в следующий момент он тряхнул головой и зло выкрикнул:

— Не морочь мне голову, бескожий урод! Зачем мне сейчас твоё проклятие?! На нас самих наслали проклятие! И пока мы от него не избавимся...

— Прервись-ка, детёныш,— перебил его Мдзгрвеш.— Ты хочешь сказать, что эта твоя песчаная буря — не естественного происхождения? Её наслал на вас другой маг?

— Да! Разве я не говорил об этом с самого начала?!

— Нет, не говорил. Ты ни разу об этом не упомянул. И зря.

— Почему?

— Потому что это совершенно меняет дело. Я действительно мало что понимаю в управлении погодой. Но зато я многое знаю о проклятиях. Я могу их насытить, а могу и снимать. Если эту бурю создали руки человека — я с ней справлюсь.

Не дожидаясь приглашения и не обращая внимания на сидящих за решётками демонов, Мдзгрвеш вышел из темницы и направился на второй этаж. Креол и Шамшуддин поплелись за ним. Что им ещё оставалось делать?

Две рабыни, встретившиеся на лестнице, бросились наутёк, едва увидев демона. Мдзгрвеш сухо рассмеялся. Впервые за три года он дышит полной грудью. Клеть демонолога Алкеалола не сумела его удержать. Можно снова наслаждаться жизнью и всеми её радостями.

Правда, скоро о себе дадут знать печати Мардука. Их пагубное действие не позволит слишком долго оставаться в этом мире. День-два — а потом придёт... то чувство. Высасывающее, разъедающее изнутри, требующее немедленно возвращаться в Лэнг. С каждым часом оно будет усиливаться.

— Так-так, так-так... — приговаривал Мдзгрвеш, рассеянно шагая по коридору.

Дорогу он не спрашивал, по сторонам не смотрел. Креол сверлил спину эг-мумии мрачным взглядом и напряжённо думал: как потом оправдываться перед дедом?

Отец по этому поводу ничего не скажет — вполне возможно, что он и не подозревает о демонах, запертых в подвале. Креола-старшего не интересует ничто, кроме природных элементов. Увидев прекрасную девушку, он не любуется ею, а подсчитывает, из чего она состоит. Сколько в этом теле металлов, сколько воды, сколько первоэлементов...

Но Алкеалол... Алкеалол может прибить непутёвого внука на месте. Этот Мдзгрвеш всё-таки его имущество. Его собственный демон. Он его ловил, усмирял, сажал под замок... а какой-то сопливый юнец явился и выпустил?!

— Дедушка будет в ярости... — пробормотал себе под нос Креол.

— Наверняка,— хихикнул отлично всё услышавший Мдзгрвеш.— Когда он вернётся домой и обнаружит пустую клетку... не завидую я тебе, детёныш, ох и не завидую...

Поднявшись на крышу, эг-мумия накинул на лицо капюшон и пару минут стоял неподвижно. Жаркий ветер хлестал по прозрачному балахону, но демон не обращал на это внимания. Не тревожила его и пыль, уничтожившая самую возможность дышать.

— Ну что там? — окликнул Мдзгрвеша Креол, стоящий на лестнице.

Эг-мумия ничего не ответил.

— Эй! — повысил голос Креол. — Где ты там?! По-прежнему молчание.

— Отвечай мне! — быстро начал терять терпение ученик мага. — Ты можешь это исправить?!

— Могу, — коротко ответил Мдзгрвеш, спрыгивая вниз. Креол попятился, хватаясь за стену. Он никогда не был

пугливым, но очень уж неожиданно появился бескожий демон.

— Ты это специально?.. — проворчал юноша, глядя исподлобья на эг-мумию.

— А?.. Ты что-то сказал?.. — покосился в его сторону Мдзгрвеш.

— Ничего. Так ты можешь развеять эту бурю?

— Могу. Я могу даже отразить её и натравить на того, кто её вызвал.

— Это было бы замечательно, — широко улыбнулся Шамшуддин. — А, брат?..

— Это было бы неплохо, — кивнул Креол. — Приступай.

— Детёныш, ты всё-таки не забывайся, — покачал головой Мдзгрвеш. — Я тебе помогу, но помогу по добной воле. Потому что пообещал. И потому, что у меня сейчас хорошее настроение. Но думать забудь мне приказывать. Тебе нужно ещё лет пятьдесят учиться магии, прежде чем ты сможешь приказывать кому-то вроде меня.

Креола аж перекосило от злобы. Шамшуддин посмотрел на искажённое гневом лицо побратима и вздохнул.

— Мне кое-что понадобится для работы, — заявил Мдзгрвеш. — Немного розмарина, базилика, елея, измельчённой древесной коры и шерсть животного. А ещё нужно какое-нибудь оружие с лезвием.

— Какое именно?

— Всё равно. Кинжал, меч, топор... Любое. Только берите ненужное — после окончания ритуала оно исчезнет.

Розмарин, базилик и елей нашлись на кухне. Кору и шерсть Креол отыскал в лаборатории деда. В качестве оружия послужил обычный кухонный нож.

— Теперь приступим, — произнёс Мдзгрвеш, смешивая все ингредиенты и выкладывая из них узор на лезвии ножа. — Молчите, детёныши, и не прерывайте заклинания, иначе будет плохо.

Ихна! Ихна!
Поклон на запад!
Поклон на восток!
Кто проклятие наслал,
 тот о том пожалеет.
Это намеренье злое
на него же обрушится.
Как у земли мёртво страданье,
 то страданье мёртвее мёртвого.
Как у мёртвого то страданье,
 будь мёртво у проклинающего
проклятие.
Это проклятие я усмиряю,
 в руки беру и на свободу пускаю.
Да поднимется в воздух оно,
 да пойдёт на восток,

да пойдёт на запад,
да вернётся к проклинающему,
да обрушится ему на голову.
Ихна! Ихна!

Завершив заклинание, Мдзгрвеш издал тонкий воющий звук и поднял нож над головой. Тот взмыл в воздух, узор на нём засветился красным... и нож со свистом улетел вдаль.

А следом за ним двинулась и песчаная буря. Громадный пыльный кокон, окружающий Шахшанор, медленно разомкнулся, свернулся тугой воронкой и понёсся туда, откуда пришёл.

Креол и Шамшуддин смотрели со стены на песчаную бурю, пока та не скрылась за горизонтом. Мдзгрвеш тоже смотрел, явно гордясь своим успехом.

— Надеюсь, вы довольны моими стараниями? — поинтересовался демон.

— Проваливай, а то вдруг ещё дедушка вернётся... — проворчал Креол, глядя в другую сторону.

Он уже начал жалеть, что освободил Мдзгрвеша. Песчаная буря исчезла, словно её и не было. Теперь Креолу стало казаться, что они сам без труда бы с ней справился — надо было просто немного постараться.

— Хорошо, хорошо, я ухожу, — ухмыльнулся эг-мумия, поднимая руки над головой. — Может, однажды ещё встретимся, детёныш.

Бескожий демон задрожал всем телом, его прозрачный балахон заколыхался, словно на ветру, ладони медленно сомкнулись... и он исчез. Только тихий хлопок возвестил о его уходе.

— Убрался в Лэнг, — мрачно произнёс Креол.

— Да уж... — задумчиво кивнул Шамшуддин. — Интересно, как там сейчас Мешен'Ружах...

— Надеюсь, ему сейчас плохо, — растянул губы в улыбке Креол. — Очень надеюсь.

— Хорошо, что этот демон сдержал слово. Мы здорово рисковали, брат.

— Да... Но слово он сдержал... Похоже, Лэнгу можно доверять...

— Не говори так, брат, — забеспокоился Шамшуддин. — Ты знаешь, что происходит с теми, кто доверяет Лэнгу.

— Отстань, сам знаю...

Шамшуддин несколько секунд подождал, а потом медленно кивнул и пошёл успокоить рабов. Прогулявшийся по Шахшанору демон их сильно всполошил.

Креол посмотрел ему вслед и задумчиво произнёс:

— Но слово он всё-таки сдержал...

* * *

На следующее утро в Шахшанор явился ужасно разгневанный жрец. Лысый, безбородый, безбрювый — так в Шумере ходят только жрецы и рабы-евнухи. Никакой одежды — только длинный кусок ткани, обернутый вокруг тела по спирали. На груди ожерелье из крупного жемчуга.

— Услышьте! — воскликнул жрец вместо приветствия. — Я пришёл донести до вас гнев Господина, Чьи Слова Неизменны!

— Энлиля, что ли? — пробурчал Креол, протирая глаза. Его подняли прямо с постели. — И чего ему надо?

— Проявляй уважение, когда говоришь о боге, дерзкий отрок! — злобно прошипел

жрец.— Или желаешь познать гнев Владыки, Определяющего Судьбы?!

— Мир тебе, божий служитель,— низко поклонился ему Шамшуддин.— Не желаешь ли ты разделить с нами трапезу и поведать, что тебя беспокоит?

— Желаю,— одобрительно кивнул жрец.— Что у нас на завтрак?

Креол пихнул Шамшуддина в бок. Вот ещё не хватало — приглашать к столу первого встречного! Тем более жреца. Всем известно, сколько эти обжоры лопают.

Но было уже поздно. Не проявляя и тени смущения, жрец Энлиля умял целую свиную шею, огромную рыбину, большую миску бобов, корытце ячменной каши, щедро приправленной горчицей и кунжутом, и в один присест выхлебал пива больше, чем Креол и Шамшуддин — за три дня.

— Эмм... — сыто рыгнул жрец, ковыряя в зубах щепочкой.— Іімм... Нам ещё что-нибудь подадут?

— На кухне ничего не осталось,— буркнул Креол.— Ты всё сожрал.

— Ну что ж, служителю Владыки не пристало сетовать на недостаток пропитания,— склонил голову жрец.— Еды было мало, она была плохой, но большего я, ничтожный, видно, не заслужил.

— Ты даже и этого не заслужил, лысый урод. Говори, зачем явился в такую рань, и проваливай. Я спать хочу.

Шамшуддин пихнул побратима в бок, но размякший от съеденного жрец лишь блаженно улыбнулся.

— Я к вам почему зашёл-то, отроки... — задумчиво повертел пальцами в воздухе он.— Зашёл я, значит, чтобы...

— Чтобы всё сожрать,— угрюмо закончил Креол.

— Не жадничай, отрок! — нахмурился жрец.— Боги велят нам делиться с голодающим хлебом и водой своими!

— Хлебом и водой. А не мясом и пивом.

— Я человек непривередливый, поэтому ем всё, что дадут,— опустил глаза жрец.— Но теперь к делу. Вчера вечером храм Владыки, вверенный под мою опеку, был разрушен. Причём разрушен не людьми, не богами, не демонами, а злой магией! Песчаная буря ужасной силы прилетела из этого дворца, разрушила великий храм и улетела дальше! Что вы на это скажете, отроки?! Думали, я не смогу узнать, кто в этом виноват?!

Креол и Шамшуддин в ужасе переглянулись. Такого исхода они никак не предполагали. Кто же мог знать, что на пути отражённой Мдзгрвешем бури окажется храм Энлиля!

— Боги, боги, посмотрите на этих недостойных детей человеческих! — обвиняюще указал перстом жрец.— В то время когда наш славный император и храбрые воины его бились против исчадий лэнговых, не щадя живота и душ своих, эти избалованные юнцы потехи ради разрушают божьи храмы! Как мы докатились до такого?! Вы что, хотите, чтобы разгневанные боги отвернулись от нас?! Хотите, чтобы они оставили нас без помощи в эти тяжёлые времена?!

— Тише, тише, почтенный жрец, пожалуйста, тише! — испуганно схватил его за рукав Шамшуддин.

— Что — тише?! Не буду тише! Я донесу на вас императору! Донесу-у-у!

— Не надо императору, не надо доносить!

— А вот донесу! Всё, всё про вас расскажу!

— Боги видят, мы не нарочно, мы не хотели!

— Не хотели! Поздно теперь уже! Дело сделано, его не воротишь!

— Мы всё исправим, почтенный!

— Как?! Как вы собираетесь это исправлять?!

— Сколько ты хочешь? — скрипнул зубами Креол.

— Вы что, собираетесь меня подкупить? — с интересом повернулся к нему жрец.— Я неподкупен. Но исключительно ради интереса — а сколько сиклей вы хотите отдать во

искупление своей вины?

Креол угрюмо поковырял в носу. Он не хотел отдавать ни единого сикля.

— В возмещение ущерба я отдам тебе трёх рабов,— мрачно предложил ученик мага.

— И что я буду с ними делать? При моём храме их и без того больше, чем нужно. Мне нужны звонкие сикли, отрок! Звонкие сикли!

— Мне они тоже нужны.

— Но твой отец — архимаг!

— И дед тоже.

— Вот-вот! Ты же несказанно богат, отрок! Что такое для тебя горсть сиклей?!

Креол недовольно нахмурился. Ему показалось подозрительным, что жрец так суетится. А не вздумал ли этот сын шакала спутовать, обманом вытянуть монеты из пары мальчишек?..

— Храм Владыки был разрушен до основания! — возопил жрец.— Ты понимаешь?!

— До основания?..— медленно переспросил Креол.

— Конечно! Не осталось ничего — ни крыши, ни стен! Только ровная земля!

— Ровная земля, говоришь?.. Ладно... Тогда я возмешу ущерб...

— Отлично!

— Но не сиклями.

— Что?.. А как же тогда?

— Я сам отстрою тебе храм, служитель Энлиля,— вредно улыбнулся Креол.— Мы с Шамшуддином купим материалы, заплатим каменщикам... и всё сделаем, как было. Но сначала, конечно, мы должны будем взглянуть, насколько велик ущерб. Ты доволен?

Жрец громко засопел. Кажется, такой вариант ему не понравился. Он отвернулся к стене и вполголоса заворчал, кляня проклятых мальчишек, что слишком много о себе воображают.

— На том и порешим,— ухмыльнулся Креол, поднимаясь на ноги.— Пошли, Шамшуддин. У нас есть работа.

* * *

Шамшуддин задрал голову, глядя на здание из красного песчаника. Величественный храм владыки Энлиля, Отца Богов. Относительно небольшой, расположенный вдалеке от людских поселений, но обладающий славной историей и хранящий немало ценных реликвий.

— И вот это он назвал «разрушено до основания»?..— недоверчиво переспросил Шамшуддин.— Но здесь же только малое святилище обрушилось! А основной храм как стоял, так и стоит!

— Точно, точно,— мрачно кивнул Креол.— И я отгрызу собственную руку, если в этом виновата песчаная буря. Она не была настолько сильной. Наверняка святилище обрушилось само, от старости. А старик решил свалить всё на нас.

— Думаю, так и было, брат. Посмотри на следы. Если верить им, буря только краешком задела храм.

— И что же мы будем делать?

— Я не жадный,— пожал плечами Креол.— Давай отстроим святилище заново. Зачем нам лишний раз ссориться с Энлилем?

— И то верно.

Креол не пожалел отцовских сиклей. Каменщики, нанятые в городе, оказались мастерами своего дела. Из Ура были привезены глиняные блоки и самый лучший кирпич.

Жрица-энтум, живущая при гипару, полностью подтвердила догадки Креола и Шамшуддина. Наливая юношам свежего молока, она поведала, что песчаная буря действительно лишь слегка подтолкнула святилище. Конечно, без этого толчка оно бы

продержалось ещё какое-то время, но рано или поздно все равно бы обрушилось. Слишком давно не было ремонта.

— Давно пора было сломать эту развалину и выстроить заново,— покачала головой энтуум.— Ей ведь уже сто пятьдесят лет...

— Сто пятьдесят?!

— Да, мальчики, да. Здесь ещё моя прарабабка проводила обряд «священного брака», да будет милостива к ней Эрешкигаль...

Однако с местным жрецом энтуум посоветовала не связываться. Старик этот склонный, жадный, злопамятный и очень влиятельный. У него множество высокопоставленных друзей. А ещё он любит похваляться, что знаком с самим императором...

— Наверняка лжёт,— хмыкнул Креол.— Как тогда, когда говорил, что храм разрушен до основания.

— Кстати, брат, а как ты догадался, что он лжёт? Креол задумался, почёсывая подбородок. На лице у него появилось странное выражение.

— Знаешь, Шамшуддин...— медленно произнёс ученик мага.— Когда этот лысый урод солгал... про храм... Я просто вдруг почувствовал... даже не знаю, как объяснить... От него как будто... или он сам как будто... Что-то в нём изменилось, если вкратце. И я вдруг понял, что он лжёт.

— Аура! — воскликнул Шамшуддин.— Конечно, брат! Ведь в ауре всё отражается — чувства, настроение, правда или ложь... всё! А ты теперь можешь её видеть!

— Да, наверное,— неуверенно согласился Креол.— Наверное.

Святилище отстроили за двенадцать дней. Заодно были проделаны небольшие ремонтные работы и в других строениях. Креол, чуть не свихнувшийся от скуки в Шахшаноре, с огромным удовольствием погрузился в новое для него дело.

Конечно, работой он только руководил. Укладывать кирпичи — занятие для каменщика, а не для ученика мага.

На тринадцатый день из Ура прибыл верховный жрец Энлиля — освятить отремонтированный храм. Он прошёлся вокруг всех строений, возжигая курения и зычным голосом распевая гимны:

Без Энлиля, Могучего Утёса,
Не выстроен город, не заложен посёлок,
Не выстроен хлев, не заложен загон,
Вождь не возвышен, жрец не рождён,
Не избран оракулом служитель храма,
Нет в отрядах начальников войска.
Глубоководные рыбы в тростниковых зарослях икру не мечут,
Небесные птицы на земле просторной не вьют гнёзда,
В небесах грозовые тучи не раскрывают пасти.
Энлиль! Твоё совершенство заставляет умолкнуть!
Суть твою не понять, не распутать нити,
Нити в скрещенье, незримые смертным...
Слово твоё! Плоды — оно!
Слово твоё! Зерно — оно!

Креол слушал это с тоскующим видом. Строительные работы закончились, и ему опять стало скучно. Никаких новых развлечений в ближайшее время не намечается.

— Ага, вот эти отроки,— послышался негромкий голос. Шамшуддин коснулся локтя Креола. Тот обернулся и

встретился взглядом с рослым воином в войлочном чешуйчатом панцире, кожаной юбке, боевом шарфе и железном шишаке с гребнем. Судя по самоцветам на мече — один из младших лугалей.

— Это они, точно они,— зашептал на ухо военачальнику жрец. Тот самый, что являлся с угрозами в Шахшанор.— Это они устроили песчаную бурю и разрушили храм Владыки!

— Разрушили?..— с сомнением посмотрел на святилище лугаль.— Я не вижу никаких разрушений.

— А что здесь происходит? — спросил верховный жрец, подходя к беседующим.— Что случилось, Мяга?

— Ничего особенного, господин мой,— низко склонился жрец.— Просто наш великий император прислал за этими отроками своего воина...

— Что-о?! — воскликнул Креол.— Зачем?!

— Вас отправляют к войскам, мальцы,— криво усмехнулся лугаль.— Поблагодарите вот этого доброго служителя Энлиля.

— Ты что, донёс на нас?! — прошипел Креол, хватая жреца Мягу за грудки.

— Не дотрагивайся до меня! — отшвырнул его тот.— Видишь, о чём я говорю, лугаль?! Вопиющее неуважение и грубость!

— Ну да, ну да,— вяло покивал лугаль.— Собирайтесь, мальцы. Император очень разгневан на вас двоих. Промедлите — будет только хуже.

— Разгневан?..— сглотнул Шамшуддин.

Креол, сердито сопящий в сторону Мяги, тоже пожаловался. Император Энмеркар — человек суровый и грозный. Даже архимаг подумает дважды и трижды, прежде чем сердить его... а потом всё-таки не станет сердить. Что уж говорить об учениках, едва вступивших на стезю Искусства?

— Очень разгневан,— кивнул лугаль.— Но и заинтересован. Если вы двое смогли создать песчаную бурю, разрушившую целый храм, вы должны быть способными мальцами. Такие в нашем войске нужны. Собирайтесь.

Креол и Шамшуддин переглянулись — теперь уже облегчённо. Раз в них нуждаются, наказание явно не будет сильным. К тому же они обратили на себя внимание самого императора — а это многого стоит.

— Прибыв в войско, вы поступите под начало своего учителя,— сказал напоследок лугаль.— Почтенного абгала Халая Джи Беш.

Франтишка Вербенска "Следы на ветру" (перевод с чешского Маргариты Бобровской)

В следах, оставленных на снегу узкими волчьими лапами, блестели голубые кристаллы инея. С ветвей сосен ветер сдувал искрящуюся серебряную пыль, мороз играл на дудочке тишины под высоким небом из холодного сапфира. Под копытами лошади хрустела корочка снежного наста.

Огромный хищник, в полночь взявший свою кровавую долю в овчарне, начал уставать. И неудивительно — он тащил почти половину зарезанной овцы. Вот это подарок для волка! Дерзкая стая уже несколько зим подряд хозяйничала в хлумецком имении господина Маркварта: её серый вожак был пронырливый и наглый, как сам дьявол.

Бочек, осиротевший сын Имрама из Хлума, поторопил своего гнедого коня. Если он вернётся домой без волка, дядя рассердится, будет язвить, сипать оскорблениями и всуе упоминать имя Господа... Однако не только страх перед дядей, но и собственное любопытство и охотничий азарт привели Бочека на границу королевских владений, в удивительные места, с незапамятных времён вызывавшие у людей тихую грусть, будто всё здесь овеяно волшебством.

К северу от Праги — города королей, за оживлённым селением Мельник, прорезают леса овраги и ущелья из песчаника, изобилующие необычайно глубокими и топкими местами: дно их едва ли можно разглядеть, и весло до него не достанет. Они наполнены

стоячей водой, которая замерзает в толстый зеленоватый панцирь. В этих ямах рождаются порывы ветра, песчаные вихри, выюга, ураганы с градом и метелью, гонимые по краю ледяного поля.

Старый конь Бочека, костлявый, с седой гривой, фыркал, и из его ноздрей клубами валил пар, а влажная кожа на плечах вздрагивала. Всё дальше уходя в лес, сопротивляясь порывам ветра, всадник старался передвигаться как можно тише и внимательнее, с охотничим ножом на боку, крепко сжимая арбалет, приготовленный к выстрелу.

Он проваливался в снег, оглушённый гулом собственной крови. Капюшон грубого плаща соскользнул на затылок, а растрёпанные волосы прилипли к вспотевшим вискам... Вдруг под кустами он заметил большую серую тень и золотистый блеск диких зрачков. Когда раздалось гортанное рычание, наконечник стрелы был уже направлен в грудь волка, а палец на спусковом крючке напрягся...

— Стой,— загудел мужской голос.

Бочек удивлённо замер — в лесу не было ни души, и морозная тишина казалась бесконечной!

— Сын Имрама, предлагаю тебе в обмен на мою жизнь и барабину руку своей дочери,— продолжал незнакомец.

Паж из хлумецкого замка убрал левую руку с арбалета, чтобы крепко сжать в ладони пластиинку оберега с молитвой: человеческие слова доносились из волчьей пасти.

— Меня одурманили злые силы,— выпалил Бочек.— Волки лишены дара речи, а с оборотнями настоящий христианин не разговаривает...

— Оборотни! — передразнил хищник, скривив губы в почти человеческой ухмылке.— Глупец! Не все грибы — мухоморы,— прогудел он и снова схватил половину овцы, отложенную в сугроб. Волк гордо нёс свою голову, несмотря на тяжесть богатой добычи, и в несколько больших лёгких прыжков скрылся за деревьями в скалах.

Бочек ослабил тетиву арбалета и последовал за зверем, словно тот сглазил его. Бочек знал, что ведёт себя безрассудно, и, возможно, его поступок недостоин христианина, но... Что об этом!

Даже если бы юноша не придерживался волчьего следа, он и так бы достиг цели своего путешествия. Дым от костра и запах печёного мяса, поднимающийся из расщелины, не давали сбиться с пути.

Узкий вход был похож на щель между двумя сомкнутыми ладонями. Оттуда пробивался тёплый жёлтый свет. Когда паж проскользнул внутрь, то оказался в просторной комнате, разделённой надвое занавеской. Стены были отделаны деревом и мехом, а пол выстилала сухая трава и хвоя. Перед грубым ясеневым столом и колодами, которые заменяли стулья, Бочек увидел девушку в простом наряде деревенских жителей, а возле неё трёх больших волков.

Выкрикнув боевой клич рода, Бочек замахнулся охотничим ножом на хищников. Но звери не пошевелились, пристально глядя на юношу светлыми глазами.

— Не навреди моей семье! — воскликнула девушка тоном, больше подходящим дочери короля!

Бочек опустил оружие, не вложив, однако, его в ножны. В это время стая обнюхивала его холодными мордами.

— Не боюсь ни хищников, ни воинов,— воскликнул он, оправдываясь.— Я хотел тебя защитить... Но ты, я вижу, волшебница, и помочь человека тебе ни к чему...

Девушка подняла к нему нежное лицо, и веер русых волос заблестел в свете факела.

— Он помог беззащитному созданию, как бравый рыцарь. Наша покровительница уважает намерение, а не действие. Он завоевал её расположение,— обратилась к волкам девушка. О, этот голос... Так поёт ветер в кронах цветущих яблонь...

Красавица очаровала Бочека, он смешался и даже не заметил, как в комнате вместо волков появились люди: молодой человек, седовласая женщина и высокий, широкоплечий старик. Он-то и начал рассказ:

— Когда-то я был сильным, владел городищем на Хлуме и землёй, которая издавна закреплена за ним. Воспитывал своих детей, воевал да посмеивался над своими врагами,— говорил седой мужчина.— Но нет такого доблестного воина, который хотя бы раз в жизни не оказался в окружении противника, превосходящего по силам его самого. Мы отступали в густом тумане и нашли убежище среди камней. Жили, как лютые звери, пока не превратились в волков. За эти годы, проведённые в скалах, городище погибло в огне, другие воины взяли принадлежащую мне собственность, а твой дед Мстидруг построил новую крепость... Скалистое ложе слишком твёрдое для моей Пршедславы,— старик внезапно заговорил о дочери,— возьми её с собой! Она из хорошего рода...

Бочек чувствовал, что красавая девушка не спускает с него глаз, а у самого сердце билось, как крылья охотничьего сокола.

— Замок на Хлуме заполучил дядя Маркварт,— с грустью возразил паж.— Наш правитель и господин Вацлав забрал у моего отца его земли за то, что он с оружием в руках воевал на стороне королевича Пршемысла, когда тот восстал против трона и посягнул на корону Чеха... Имрам умер в королевском плена. Теперь мне дозволено бывать за оградой замка только по высочайшему разрешению Маркварта. Я никогда не получу рыцарские шпоры, и никогда у меня не будет своей земли. Не знаю, куда бы я мог пригласить Пршедславу.

Русая красавица подняла руку, нежную, как водяная лилия,— на маленьком пальчике сверкал перстень с рубином, похожим на каплю крови.

— Твой дядя Маркварт по своей воле обменяет моё наследство на часть земли,— провозгласила она.— Это будет наследство не волчьей невесты, а дочери рыцаря, который воевал за Крест и славу святого Иерусалима.

— Если бы я никуда не уходил! — вздохнул седой мужчина. Его жена и сын напоминали две печальные немые тени с морщинками вокруг губ.— Это я допустил, я позволил прорастать чужой вражде и сам принёс с Божьей земли семя проклятия.

Старуха молча взяла половину овцы и скрылась за занавеской для приготовления еды для гостя и будущего зятя. А будущий шурин вышел из пещеры в образе человека, чтобы позаботиться о коне Бочека. У пажа в тот момент пронеслась мысль, что он приведёт домой супругу, окутанную чарами и проклятиями. Он уже явственно слышал враждебные упрёки Маркварта и насмешки своих двоюродных братьев. Но, решив, что судьбу пасынка, пребывающего в немилости у ленивого господина и своих родственников, уже вряд ли что-то может изменить в худшую сторону, он поцеловал прелестную Пршедславу в щёку.

* * *

Маркварт из Хлума поседел на службе королю и своему состоянию, которое преумножалось прямо на глазах. Обоим своим сыновьям он подарил имения! В шахматном турнире между Папой и императором воюют благородные фигуры, среди которых и чешский король Вацлав, и наследный принц Пршемысл. А их дворяне — жестокие, хитрые и независимые полуварвары — в игре сильнейших всего лишь чёрно-белые пешки, падающие даже от неосторожного толчка шахматной доски. Папа и император соперничают до сих пор. А Маркварт уже одержал победу. Быстро расширяются границы хлумецкого владения: деревянные башни заменили каменными, какими гордятся окрестные королевские резиденции.

Славу их роду принёс покойный Имрам — горячая голова и мечтательное сердце. Он был старшим из братьев, единственным наследником отца, а родившимся вторым был Маркварт, терпевший равнодушие и пренебрежение!

Теперь он боялся только одного — своего пасынка.

— Когда умрёт король Вацлав Одноглазый, некоторым из господ может грозить месть молодого Пршемысла за верность, которую они хранили его отцу. Если бы он только дал им

погрузиться в давнюю вражду, тогда что для них владелец замка из Хлума? Мелкая сошка по сравнению с советниками Вацлава! А те могли бы лишиться жизни... Но что, если новый король вспомнит о преданном Имраме, погибшем в борьбе за его власть? Что, если он захочет вернуть его сыну часть имения или — того хуже — все владения?!

Жаль, что Маркварт не убедил Бочека вступить в какой-нибудь орден! Ему бы пошла монашеская ряса. Учитывая любовь пасынка к оружию, почему бы ему не присоединиться к тамплиерам? Да неважно к кому, лишь бы подальше отсюда! Но нет, ко всему почему он ещё привёл в замок девушку! Мол, сироту из других земель, семья которой якобы погибла в сугробах дремучих лесов на границе хлумецких владений. Правда, обаяние девушки, её благородное воспитание и украшения, которые она принесла с собой, говорят о её знатном происхождении больше, чем документы с печатями.

Когда девушка при свидетелях попросила его о рыцарском покровительстве, Маркварт не мог отказать. Своему молодому спасителю она в благодарность подарила драгоценный перстень, а Бочек в обмен на такое сокровище получил в аренду часть дядиной земли. Маркварт не мог отказать Бочеку ни в аренде, ни в разрешении на свадьбу, ведь в конце осени юноша исполнится двадцать один год, и тогда он будет подчиняться только королю и Богу.

Хозяин Хлума сидел в своём пиршественном зале и безрезультатно заливал горечь напитком на меду и полыни, который щекотал язык. Он размышлял о яде, о наёмном убийце, о тряпичной кукле, которая несёт в себе уничтожающее колдовство, о молниях и сглазе...

На улице таяли сосульки, а ивы согревали солнце ранней весны.

* * *

Король Вацлав слабел, а в Чехии разгорались всё новые и новые распри, плелись интриги, прокатилась волна грабежей.

Тогда соседи Бочека — Ян из Хоцнейвиц и Властибор из Сольца — припомнили старые и новые обиды, былые ссоры с покойным безбожником господином Имрамом и осадили небольшую крепость на краю хлумского владения. Они взяли с собой не более дюжины мужчин, и то посчитав это излишеством для осады жилища, невысокий частокол которого мог защищать только Бочек со своим единственным старым, хромым слугой.

Нападающие не спешили, ждали ночи. Не стоит рисковать подданными: всё-таки у Бочека славный меч и арбалет, всегда бьющий точно в цель. Поджог тоже не входил в их планы — в доме могли находиться ценные вещи! Да и красавицу-жену терять не стоило: сын Марквarta женился бы на русоволосой вдове.

— Мы можем уйти, трусливо скрыться, но лучше бы тебе остаться в пещере, чем быть супругой мужчины без чести и дома, — размышлял Бочек, — и некому нас спасти...

— Я принесла с собой проклятье, — сказала Пр shedслава, — не помогло даже то, что я обошла дом с факелом, зажжённым не огнivом, а от трения дерева. Не оградил нас от несчастья и очаг, который мы построили там, где разбросанные ячменные зёрна не отскочили от земли. Что теперь будет? Ты возьмёшь оружие и погибнешь в бою как герой?

— А ты ожидаешь чего-то другого? — ответил Бочек и, нежно коснувшись лица жены, вышел из дома.

В этот момент его обогнал серый хищник, промелькнув, словно дым, он перемахнул через частокол и слился с сумерками, которые саваном опускались на крепость.

Когда исчезли последние тени, нападающие пошли в атаку.

* * *

Посреди леса, в ущелье из песчаника, там, где топи похожи на зелёное отражение

вечности, человеческим голосом завыла рыжая волчица.

— Покровительница, матушка! Великая, сжалась! Спаси того, кого я люблю!

— Здравствуй, доченька! — отвечала Госпожа Ветров, выступая из завесы сумерек. Она откинула с лица прозрачные волосы и улыбнулась.— Я здесь, чтобы помочь тебе.

Прешслава поклонилась по-волчьи — низко опустив шею, очаровательно помахивая пушистым хвостом.

— Могла бы ты смести нападающих порывом ветра, матушка? — осторожно спросила она.

Госпожа Ветров задумчиво покачала головой.

— Во времена старых богов — конечно. Но теперь я подчиняюсь христианскому Богу, который мне этого не позволит. Однако я могу помочь твоему мужу избавиться от врагов самому.

Она подняла руку, похожую на воробышнюю лапку, оторвала веточку папоротника и хлестнула ею в сером воздухе ранней ночи.

* * *

Хромой слуга погиб при первой же атаке, не выпуская окровавленное копье из правой руки. Перед Бочеком мелькало лезвие, он чувствовал жгучий холод ударов и видел, как сужается круг нападающих, похожих на полночных призраков.

— Я умру,— невольно говорил он сам себе в коротких промежутках между ударами оружия и криками воинов,— а она вернётся домой...

Его сердце сжалось в какой-то странной неге, а тело обожгло пламя. Он слышал, как хрустят его ноги и руки, чувствовал, как вскипают внутренности, а глаза застилает кровавая мгла. Он упал на холодную землю, за доли секунды услышав сотни звуков и почувствовав тысячи запахов.

Бочек пошевелился — и мощная сила подняла его тело, оно вдруг обрело лёгкость и подвижность. Хозяин крепости заревел и рванулся всем телом: в лапах, размером с седло, блеснули лезвия когтей. Он ворвался в круг одеревеневших от ужаса врагов, словно волк в стадо овечек. Он валил их на землю, лапами встречая удары, трепал, как кошка пойманную мышь, а потом безжалостно отбрасывал прочь. Однако Бочек не преследовал ни тех, кто убегал на своих ногах, ни тех, кто пытался скрыться на лошадях, которые разбегались, испугавшись запаха и рычания ужасающего льва, в которого превратился Бочек.

Он остался один на поле битвы... Кто мог — сбежал, остальные жертвы неподвижно замерли на земле. Сломанные ворота крепости скрипели на ночном ветру. Бочек рассеянно свернулся в клубок и заворчал. В мерцании звёзд можно было различить его новое лицо, покрытое шерстью, с жёлтыми дикими глазами, с выступающими, как меч, клыками, с богатой гривой огромного льва. В отчаянии он поднялся и безутешно зарычал.

* * *

Маркварт успокаивал своего испуганного коня. В ночном воздухе нарастал странный шум, будто надвигалось наводнение. Хозяин Хлума недоумённо пожал плечами. Сейчас он не мог задерживаться. Судя по времени, уже всё должно быть закончено, и ничто больше не будет угрожать его сыновьям и ему самому. Но Маркварту хотелось убедиться в успехе своими глазами.

— Вперёд, кляча! — рявкнул он.— Даже если бы тут стояла проклятая Мать Ветров, едем дальше!

Жеребец заржал от страха, встал на дыбы и сбросил хозяина на траву. Когда топот копыт затих, потрясённый Маркварт осмотрелся. Но лучше бы он этого не делал...

Высокая, бледная, переливающаяся фигура, безумная и ужасающая, прекрасная и нереальная, возникла перед ним. Её волосы разевались на ветру, словно сухая трава, гонимая внезапно начавшейся метелью. У ног её стояли четверо волков с белыми светящимися глазами, похожими на блуждающие огоньки над болотом.

— Око за око,— медленно произнесла Госпожа Ветров.— Один образ может смениться другим — таков закон волшебства.

Порыв ветра, и Маркварт, хозяин Хлума, коротко и звонко залаял. Его красный шершавый язык заплетался. Меньше чем за минуту его ноги обтянулись мягкой кожей, а крутые бока чудовища — не то собаки, не то свиньи, покрытые косматой шерстью,— поднимались от частого хриплого дыхания.

Волки завиляли хвостами, как собаки, когда им весело. Они приготовились и, выскочив вперёд, начали весёлую и продолжительную охоту на зверя!

* * *

В это же время во дворе небольшой крепости молодой мужчина очнулся от тягостного сумбурного сна. Ветер дотронулся до его плеча, оставив на нём что-то лёгкое, как паутина, как нежнейшая пряжа... Если бы светило солнце, Бочек увидел бы, что это прядь русых волос...

**Франтишка Вербенска
"Далёкое богатство"
(перевод с чешского Маргариты Бобровской)**

В 1566 году турки захватили крепость Сигет, и все землевладельцы и дворяне, имеющие гербы, вынуждены были отступить в Венгрию.

Господин Бальцар Гиршпергар из Кинигсхайна был болезненным человеком, к тому же костлявым и тощим, как сосновая ветка. Поэтому он любил блестящие вещи с мягкими контурами и округлыми формами: свою супругу Маркету, коня с высокой грудью и широким задом, круглые монеты, которые приятно держать в руке и звон которых напоминал ему пение ангелов, золотые бока кувшинов тонкой чеканки, украшенных бирюзой и рубинами, привезённых из турецкого похода. А вот из похода на Пруссию он привёз только пошатнувшееся здоровье и рану в области колена. Со временем сустав окостенел и теперь вызывал хромоту при ходьбе и боли при смене погоды.

Телесный недуг лишил господина Бальцара возможности воевать. Однако у него хватило сил и времени заметно приумножить свое состояние. Немало ушло денег на то, чтобы перестроить старинный замок Вартенберг под горделивыми башнями на уютную резиденцию с дворцом, украшенным великолепным граффито. За ёщё не разросшимся садом ухаживали четыре дочери Бальцара, такие же миленькие и пухленькие, как и их мама: Анна, Мандалена, Маркета и Элишка. Отец воспитывал их в строгости, не растрачивая денег на пустые безделушки и наряды, и мечтал поскорее выдать дочерей замуж. Пусть о каждой заботится её супруг!

Господин Бальцар вёл размеренный и оседлый образ жизни, пересчитывал свои сбережения и старел. Лишь изредка ему снился юноша на тёмно-рыжем коне, проезжающий по висячему мосту. На высоких башнях Вартенберга разевались пёстрые флаги, и перед молодым человеком открывался сказочный мир, полный чудесных приключений и опасностей, опьяняющих сражений и богатых трофеев... Но молодость прошла, юноша превратился в старика, а за тёмно-рыжего коня, горячего, как мечты хозяина, господин Бальцар так и не заплатил.

Сновидение таяло, и старый воин просыпался от мучительной боли в колене.

* * *

Гости наведывались нечасто. Господин Гиршпергар никуда не ездил и к себе никого не приглашал, потому что считал это чрезвычайно хлопотным и, главное, дорогим удовольствием, которое и приносит-то одни неприятности.

Однако благородного господина Збынека Берку из Дубы, заместителя верховного командующего чешским войском, господин Бальцар прогнать не мог. Старый знакомый добрался до Вартенберга прелестным летним днём, пахнувшим скошенной травой и распустившимися розами, когда стены замка всё ещё дышали свежей росписью, а комнаты — отполированной мебелью и новизной.

— В Чешском королевстве, да и во всех христианских странах, объявили боевую готовность. Его Императорское Величество и много знаменитых князей рвутся в бой! Всё рыцарское сословие и недавно получившие повышение должны вступить в армию. Войско формируется на юге Моравии и вот-вот выступит. Тебя ожидают трофеи, господин Бальцар! Добыча, понимаешь? Может, тогда я наконец получу от тебя плату за тёмно-рыжего коня, которого тридцать лет назад тебе дал в долг мой покойный брат Здислав.— Господин Берка из Дубы коснувшись этой темы, словно рану разбередил. Господин Бальцар заёрзal на стуле так, что сиденье затрещало.

— Господин Здислав уступил бы в цене,— пробормотал он.— Ох и упрямый был жеребец, с широкими щеками — верная примета упрямства. Попробуй сесть на него — сбрасывал и кусался!

Гость вытянул губы трубочкой, погрузившись в воспоминания:

— У этого коня были остроконечные уши и две белые полоски на бабках, большие глаза и длинная шея — признак лучших коней! Я сам на нём когда-то ездил...

Он отпил хорошего белого вина и примирительно хлопнул рукой по столу.

— Прощаю долг, господин Бальцар! Но хочу тебя всё-таки привлечь к службе. Ты не так стар — ведь мы ровесники, да и был таким крепким воином! Если возьмёшь с собой ловкого мальчишку-конюха, чтобы присматривал за пойманными во время боя конями, домой вернёшься с ещёическими скакунами. Я уж не говорю о таких мелочах, как золочёные кинжалы и драгоценные камешки. А если повезёт, то и захватишь какую-нибудь одалиску с изящными формами, как у этого кувшина! — Господин из Дубы раскатисто рассмеялся.

Господин Бальцар прикрыл глаза. Ему хотелось ответить: «Я больной старик...» — но он только кивнул и проводил гостя вежливым обещанием.

Следующую ночь Гиршпергар спал плохо. Вспомнились ему схватки, моменты, когда сердце взлетало, как хищная птица, и сжималось от напряжения в поединке. Военная суматоха, когда все дерутся, как сумасшедшие... Преследуешь одного, а другой негодяй стоит у тебя за спиной с саблей — убьёшь его, а к тебе несётся следующий... Вздохнуть некогда, только голову береги, чтоб не срубили...

Господин Бальцар раздумывал четыре дня. Потом с тяжёлым сердцем пересчитал свои талеры и послал за лекарем Бомбастом, известным алхимиком и знатоком арабской литературы. Разговор хозяина Вартенберга и лекаря был долгим и трудным. Однако предметом разговора были отнюдь не диагнозы и не методы лечения, а оплата, сам факт которой вызывал у господина Бальцара нестерпимые головные боли. Врач ловко излечил мигрень розовой водой с канифолью и забрал половину обещанного вознаграждения. Кроме того, алхимик оставил Гиршпергру фиолетовый флакончик, в котором глухо булькала вязкая жидкость. Запах от этого флакончика был, как от мешка живодёра! Когда господин Бальцар сделал глоток, у него чуть не лопнули уши! Отказавшись от идеи допустить хирургическое вмешательство, он с остервенением пил ненавистное лекарство и думал о выплаченных деньгах и трофеином турецком коне.

Через неделю такого лечения у старика выпрямилась спина и окрепли плечи. Ещё через три дня он удивил своим посещением жену в её покоях. На следующее утро без посторонней помощи сел в седло. И не подошла ещё к концу вторая неделя, как господин Бальцар согнул железный прут, словно стебель! Слуги с раскрытыми ртами смотрели на своего господина —

сильного, молодого и здорового! Вслед за праздником Иуды Тадеуша, опьянённый успехом, Гиршпергар отправил лекарю остаток оговорённой суммы. Слуги в замке суетливо собирали хозяина на войну.

Господин Бальцар намеревался выехать пораньше, чтобы по дороге к воинскому расположению навестить пару старых друзей, которых из-за экономии средств и времени, а также слабого здоровья не видел много лет. До отъезда оставалась одна ночь. Чтобы хорошо выспаться перед странствием, господин Бальцар вышел в сад подышать свежим воздухом. Вечер был насыщен ароматами роз и розмарина; ласточки со свистом летали в небе. Из кухни доносилось бренчание медных сковородок и дразнящие запахи. Служанка, напевая, подметала двор, в конюшне били копытами прекрасные кони Гиршпергара. Две младшие дочери играли в мяч — детский смех разлетался по округе, словно лёгкие перышки. И всё это было результатом его неутомимой заботы...

Тёплый вечер сменился прохладными, гулкими сумерками. Алый цвет заката превратился в воображении Бальцара в кровь, стекающую по холму. Ветки кустарника — в нагромождение тел и оцепеневшие конечности, а крики птиц — в стоны умирающих... Пальцы господина Бальцара похолодели и задрожали. Он медленно повернулся на каблуках и неуклюжими шагами, словно тело уже не слушалось его, отправился в свои покои.

Утром Гиршпергар остался в замке. Через четыре дня по его настоятельной просьбе приехал лекарь. И после ещё более продолжительных переговоров Бальцар получил — даже без предоплаты — флакон с жёлтым напитком. Второе лекарство было в несколько раз отвратительнее первого, но благодаря ему хозяин замка снова состарился. Стоило ему только понюхать флакончик, как его лицо покрывалось морщинами.

Гиршпергар убедил господина Берку из Дубы, что дряхлость и болезни одолели его, и одолеть турок ему уже не под силу. Долгое время от лекаря приходили записки с претензиями, что господин Бальцар забыл заплатить за эликсир старости.

В марте следующего года, когда аисты возвращаются из южных стран, один из них закружился над вартенбергским замком и оставил в подарок его хозяевам долгожданного наследника. Потерявший было надежду Бальцар назвал сына Кашпаром, что означает «приносящий сокровища». Господин Гиршпергар умер в своём замке, окружённый родными и близкими, будучи богатым человеком, в очень преклонном возрасте. Но — так и не заплатив алхимику.

Анна Шохова
"Анежка и волшебный огонь"
(перевод с чешского Маргариты Бобровской)

Далеко за горами в одной деревне жил крестьянин с женой и дочерью Анежкой, которую ему ещё первая жена подарила. Пришло время, умер крестьянин. Остались мачеха с падчерицей вдвоём. Как обычно бывает в деревенских домах, забот у них было невпроворот, но, если бы не девчонка, хозяйке спокойней жилось бы. По крайней мере, она так думала и чем дальше, тем больше сиротке выговаривала. А однажды позвала она к себе Анежку и говорит:

— Эх ты, неумёха! И так нам с тобой тяжело живётся, так ты ещё по дому ничего не делаешь! Видно, поможет нам только чудо. Слышала я как-то про волшебный огонь из Чёрного замка. Иди-ка ты в замок и добудь нам этого огня!

Испугалась Анежка. Ещё в то время, когда она была совсем маленькой, о Чёрном замке ходил дурной слух: кто туда входил — никогда не возвращался. Только мачеха на её страхи и внимания не обратила.

— Иди хоть на край света, но без волшебного огня не возвращайся! — и выгнала падчерицу в дождь.

Бедняжка шла по деревне, от слёз не разбирая дороги. Знала, что никто ей не поможет, потому что мачеха всюду, где была, жаловалась на Анежку: ох и болтлива, и ленива и

неблагодарна падчерица! А соседка однажды так и сказала девушке: «Ты мачехе руки должна целовать за тепло да заботу, а ты ей кровь портишь!»

Ну да вышла сирота за окопицу, а там лес начался. Устроилась Анежка на ночлег под скалой, укрылась листвой опавшей, пригрелась и уснула. И привиделся ей чудный сон. Увидела она свою старенькую крестную, которая, пожалев Анежку, сказала: «Запомни навсегда, девочка: человек с чистым сердцем ничего не должен бояться! Никакая сила его не одолеет!»

И когда наутро Анежка открыла глаза, ей почудилось, что она всё ещё слышит старческий голос. «Это знамение», — подумала девушка и уверенно пошла в сторону Чёрного замка. Долго плутала она в лесу и только на закате, уставшая и голодная, вышла под стены замка. Его каменные стены казались непримечательными, в некоторых местах можно было заметить следы пожара. За открытыми воротами виднелся заросший травой двор. Замок, должно быть, пустовал уже долгое время. Живет здесь кто-нибудь?

— Чёрный замок, прошу тебя, разреши мне войти внутрь! Мачеха выгнала меня из дома и сказала, что я могу вернуться только с волшебным огнём, который должен быть где-то здесь.

— Ты правильно сделала, что спросила разрешения, — прогудел будто бы ветер. — Проходи!

Так здесь живёт волшебство! Анежке стало страшно, но она вспомнила крестную и, взявшись в руки, прошла во двор. Ворота за ней закрылись со страшным скрипом, и словно на этот звук откуда-то прибежали четыре кошки. Они замурлыкали и стали ластиться к Анежке. Потом животные проводили её в замок, ведя тёмными переходами до большой залы. Посреди залы стояли круглый стол, уставленный яствами, и высокий стул. Кошки пригласили Анежку сесть и поужинать, но гостья, поблагодарив за угощение, сначала налила кошкам миску молока, а потом поела сама. И снова она услышала дивный голос:

— Перед тем как кошки отведут тебя спать, расскажи мне о себе. Ты ведь пришла издалека?

Анежка не могла понять, откуда он раздаётся, этот голос, и кому он принадлежит. Теперь он звучал иначе, чем тогда, у ворот. И девушка послушно всё рассказала.

— А сама ты хочешь получить волшебный огонь?

— Нет, господин. Я не знаю, зачем он мог бы мне понадобиться. Если вы разрешите мне здесь остаться, я буду вам верно служить. Работы я не боюсь!

— У меня есть кошки и моё волшебство. Зачем мне служанка?

Анежка вспомнила пыль и паутину в коридорах замка, горстки пепла и беспорядок, которые она успела заметить. «Сказать об этом или нет? Не обижу ли я этим хозяина? Уж лучше промолчу, чтоб не показаться неблагодарной». Анежка опустила глаза и погладила кошку.

— Мне кажется, я понравилась кошкам, а работу я бы себе нашла. Но если вы не хотите оставлять меня, то я пойду дальше своей дорогой. Домой возвращаться всё равно не стану...

— Ну хорошо, возьму тебя на службу. Днём делай что хочешь, а вечера будешь проводить со мной в этой зале. Кошки будут слушаться тебя как хозяйку, сейчас они отведут тебя в спальню, а завтра помогут выбрать платье и украшения.

Анежка поблагодарила хозяина замка. Она устала так сильно, что даже не удивилась ни красоте комнаты, в которую её отвели, ни огромной постели, ни шёлковым подушкам, на которые склонила голову. Кошки улеглись у неё в ногах и сторожили сон девушки. Только утром, когда солнце разбудило Анежку, дотронувшись до кончика её носа, гостья разглядела пышное убранство комнаты, в которой спала. Кошки сразу же указали ей на сундуки, полные прекрасных платьев и украшений.

— Мои милые, ведь я не привыкла так одеваться! Мне будет жалко испачкать богатый наряд. — И Анежка надела свое старое платье. Тут же одна из кошек принесла ей большой передник. Как только девушка подумала о метле и ведёрке с водой, они сразу же появились и начали работать сами! Кошки за всем присматривали и, если что было не так, ловко

поправляли своими лапками. Анежке от этого стало очень весело! Она улыбалась и пела, и вся уборка превратилась для неё в сплошное удовольствие! Ни на минутку она не вспомнила о своём доме, и день пролетел незаметно. Вечером Анежка переоделась в синее платье — красивое, но скромное. Она выбрала его потому, что постеснялась одеться богаче, чтобы хозяин замка не подумал, что она заигрывает с ним.

Вслед за Анежкой изменилась и большая зала. Витражи вновь засияли, фрески на стенах стали как будто ярче, а стол был отполирован до блеска. Кошки вновь предложили Анежке сесть за стол, как вдруг что-то зашуршало, словно в камине затрещал огонь. Напротив Анежки, где секунду назад было пустое пространство, появилось каменное кресло. Двери в залу сами собой распахнулись, а по коридору застучали тяжёлые шаги. У Анежки застыло сердце! Даже кошки на скамеечке, где они сидели, сбились в кучу, и шерсть их стала дыбом. Неужели их хозяин такой грозный? «Нет, нет, я не делала ничего плохого, чтобы так бояться!» От страха она хотела закрыть глаза, но всё же совладала собой, когда в залу вошёл полыхающий огнём рыцарь.

От него дохнуло жаром, как только он появился на пороге. Рыцарь спокойно сел в каменное кресло и спросил Анежку, как ей нравится в замке. Девушка дрожавшим от волнения голосом поблагодарила хозяина за гостеприимство. Рыцарь попросил гостью ничего не бояться, склонил голову и грустно вздохнул:

— Это расплата за мою заносчивость и каменное сердце, Анежка. Однажды, торопясь в замок, я мчался на лошади и на дороге сбил старую нищенку. Она быстро умерла, и я ничего не мог исправить. Но перед смертью она прокляла меня. Это я тот самый волшебный огонь, за которым охотятся люди! Все хотят богатства, который он якобы может принести. Но как только смельчаки касались меня, сами сгорали дотла. Наверное, поэтому в округе и выдумали, что только невинная девушка сможет избежать этой участи и добить волшебство. Но девушки обжигались и отскакивали от огня, словно кошки. И, как видишь сама, превратились в кошек.

Анежке стало их жалко.

— Неужели никто не может разрушить проклятье?

— Только тот, кто пожмёт мне руку, освободит всех нас. Но посмотри, какая она раскалённая! Этого никто на свете не сможет сделать!

Анежка загрустила. Рыцарь совсем не был похож на злого человека. Иногда Анежке удавалось разглядеть его лицо — оно казалось ей молодым и красивым, но девушка сразу же отводила взгляд — от огня и жара у неё кружилась голова. Какое несчастье! И кошки были грустные. Рыцарь тем временем любовался красотой преобразившегося дома.

— Я дарю тебе этот замок! Теперь ты его хозяйка и вольна делать всё, что хочешь. Только за его пределы ворота тебя не выпустят. Этого я допустить не могу. Буду рад снова увидеть тебя завтра, Анежка.— Рыцарь попрощался и исчез.

Дни за работой пролетали незаметно — с нетерпением ждала Анежка вечера, чтобы вновь встретиться с огненным рыцарем. Ему нравилось, как преображается Чёрный замок, становясь красивым и ухоженным. Однажды рыцарь услышал, как Анежка называет всех кошек по именам, и очень этому удивился:

— Каким образом ты узнала, как их зовут?

— Я была в саду и напевала. Одна из кошек подбежала ко мне и начала ластиться, а когда в песне услышала свое имя — замяукала. Дальше было легко — только имена называй. Теперь я знаю всех — Марьянка, Аничка, Катка и Бетка.

Но как же им помочь? Неужели это в людских силах? Анежка часто вглядывалась в языки пламени, полыхающие на заколдованных доспехах. Огненный рыцарь ей нравился.

Он рассказывал о местах, где побывал, будучи на службе у короля, о войнах, в которых участвовал. Он был ещё молод, но многое успел испытать. Со стыдом и раскаянием говорил рыцарь о том времени, когда был груб и заносчив. Иногда он улыбался, и Анежке нравилось его лицо. Жаль только, что пламя его скрывало!

Через несколько дней Анежке вновь приснилась её старая крестная. Они вместе шли в

кузницу, и Анежку тогда поразила стойкость кузнеца, его способность работать у пышущей жаром печи.

— Привык,— отвечала ей крёстная,— он удержит в руке и раскалённое железо, а твою кожу оно бы сожгло.

Проснувшись, Анежка тут же вспомнила кузницу. Может ли человек привыкнуть к жару и огню? Анежка решила

доказать, что всё в людских силах. Это было тяжело, поэтому свой план она держала втайне от кошек.

Боялась, что ничего не получится, когда дула на обожжённые пальцы; но стоило ей посмотреть на кошечку, как сердце рвалось на части. И страдала душа, когда Анежка слышала грустный голос рыцаря. Поэтому снова и снова бралась она за горячие кружки и котелки, и действительно через несколько дней её пальцы стали болеть значительно меньше. Однажды вечером, когда рыцарь уже собирался уходить, Анежка окликнула его.

— Я хотела пожать вам руку, господин. Рыцарь был удивлён.

— Не стоит этого делать, милая Анежка! Я не хочу, чтоб ты мучилась. На тебя падёт проклятье, и ты превратишься в кошку! Ты мне нравишься, и мне будет жаль тебя!

— Но я не могу спокойно жить и видеть, как вы страдаете! Я должна вам помочь! Ведь проклятье не может длиться вечно! И оно не может вечно преследовать невинных девушек! Да, на свете есть злые люди, но к чему наказанье, которое карает невиновных?

Она медленно подошла к рыцарю, коснулась огненной руки и сжала её. На Анежку дохнуло жаром, но она повторяла себе, что должна его выдержать, что на свете нет волшебства, которое могло бы быть сильнее её любви. Руки и пальцы жгло, словно они горели сами. Теряя силы, Анежка посмотрела рыцарю в глаза. Он плакал. Лицо его больше не скрывало пламя. «У меня получилось? — Её силы были на исходе.— Я не должна обмануть его надежды!» Анежка ещё сильнее сжала руку рыцаря и потеряла сознание.

* * *

Медленно возвращалось сознание. Она словно плыла в пространстве и слышала своё имя. Кто-то её несёт на руках. Может она стала кошкой, как и все остальные?

— Анежка, милая, проснись, ты смогла это сделать!

Она открыла глаза и увидела лицо рыцаря, черты которого раньше угадывала между языками пламени. Она лежала на своей постели, а за молодым рыцарем стояли четыре девушки. Со слезами на глазах они благодарили Анежку за своё освобождение, а потом, поклонившись, убежали куда-то, где был слышен людской гомон. Анежка протянула свою руку к лицу рыцаря. Она хотела убедиться, что это не сон. Но как же так? Ведь её ладонь должна быть сейчас сплошным ожогом! Рыцарь нежно поцеловал её руку.

— Всё позади, милая Анежка. Ах, я и не знал, что могу надеяться на волшебную силу любви. Я страдал вместе с тобой и просил небеса, чтобы они пощадили тебя. И моё пламя не причинило тебе вреда, но ты должна была пройти через эту боль. Ты выдержала, и твои страдания и ожоги перешли как наказание всем тем, кто тебя обижал. Анежка, прошу, останься со мной в замке, стань навсегда его хозяйкой и моей женой!

Она сделала бы для него всё, что угодно, а эту просьбу выполнит и подавно! Они поцеловались и вышли во двор замка. Вместе с хозяином были прокляты и челядь, и животные, которые находились в замке. Теперь все они с радостью приветствовали новую жизнь. Двор был полон людей с факелами, все радовались, смеялись и благодарили Анежку за избавление. А что тут началось, когда рыцарь сказал о свадьбе!..

На торжестве у Анежки были четыре замечательные подруги невесты, которых рыцарь одарил богатым приданым. Даже сам король приезжал поздравить своего давнего друга.

Тут-то и выяснилось, что в сказках всё же есть доля правды: огонь из Чёрного замка дал Анежке богатство, о котором она и мечтать не могла. Но самой большой наградой стало

для неё рождение трёх прекрасных сыновей и двух красивых дочек. А сама Анежка с каждым годом всё расцветала, и взгляд её не тускнел, как будто волшебный огонь навсегда остался в её глазах.

Анна Шохова

Сказка о белом змее

(перевод с чешского Маргариты Бобровской)

Случается так, что у обитателей Небесного, Водного или Подземного царства появляется желание познакомиться с миром людей.

Сыну Подземного Короля с малых лет нравилось подниматься на поверхность земли. Там он нежился под лучами тёплого солнца, лежал на зелёной траве и слушал, что рассказывают болтливые стрекозы и суетливые белки. Величественен и загадочен был для него Этот Мир.

Подземный Король уговаривал и молил не показываться людям, бушевал и даже грозился заточить сына в самую тёмную подземную пещеру! Но непоседливый принц всё равно находил трещину в камне или мышиную нору, чтобы улизнуть на поверхность, где, превратившись в маленького белого змея с золотым полумесяцем на голове, он любовался красотой чешской земли.

Больше всего ему нравилось быть у Белой Скалы, что возвышалась над Зелёным Холмом. Подолгу он мог лежать на её вершине, наблюдая за жизнью простых людей. Всё для него было в диковинку: и то, как пашут землю, как собирают урожай и даже как дети пасут коз, овец и коров. Такого в Подземном царстве не увидишь.

Однажды маленькая девочка по имени Марьянка привела семерых своих гусей за травой под самую скалу. Белый змей слушал песенки пастушки и мечтал поближе с ней познакомиться. Это было опасно. Люди боятся змей и поэтому могут причинить им вред. Однако сын владыки¹ был очень любопытный, и однажды он подполз к сидящей девочке. Марьянка испугалась, но, увидев, что змей спокойно лежит, свернувшись на камне, заговорила с ним и даже предложила кусочек хлеба.

Девочка и змей стали встречаться каждый день. Марьянка играла со змеем, восхищалась его золотым полумесяцем и никогда не забывала поделиться едой. Вскоре их заметили остальные пастухи. Одна старая женщина сказала людям в деревне, что белая змея приносит счастье, но если её рассердить — замучает целый край. И поэтому всем было запрещено мешать Марьянке играть со змеем.

Но что не сделали деревенские озорники, сделал сын рыцаря с Зелёного Холма Роберт. До замка дошёл слух о пастушке и змее, и мальчика раздосадовало, что все сходят с ума из-за маленькой белой гадины. Он отправился к скале и увидел, что там действительно пасутся гуси, а неподалеку сидит худенькая девочка с косичками и поёт себе песенки, а руку ей обвивает белый змей. Роберт хотел подойти поближе, но гуси подняли крик. Марьянка сразу поняла, что перед ней злой, спесивый мальчик. Змея она быстро положила на землю и вместе с гусями убежала.

На следующий день Марьянка издалека увидела дым. Испуганно она бросилась к скале, где каждая трещина была разрыта, а камни обложены сухой травой. Она прибежала вовремя — трава только начинала разгораться. В ручейке девочка намочила носовой платок и стала забивать пламя. Марьянка была далеко от остальных людей и не могла позвать на помощь. Она обожгла левую ладонь, но огонь победила и сразу начала искать своего друга — змея.

Где уж там, его нигде не было... Марьянка заплакала. Она поняла, что потеряла друга. Мама уже объяснила ей, что это необычное создание, которое нельзя обижать. Но если за ними следит Роберт с Зелёного Холма, её белый змей сюда больше никогда не придёт! Вдруг кто-то погладил Марьянку по голове. Она обернулась и увидела мальчика, ровесника Роберта, одетого во всё белое, с золотым ободком в чёрных волосах.

— Не плачь, Марьянка, огонь мне вовсе не навредил. Покажи, где ты обожглась? — Он

провёл рукой над её ладонью, и волдыри исчезли. Потом подул на обе руки Марьянки.— Я тебя излечил, и теперь ты сможешь помогать каждому, кого искренне пожалеешь. А сейчас мы расстанемся, и я не смогу появляться на белом свете несколько ваших лет. Живи счастливо. Если будет трудно, позови меня, и я помогу.

Он исчез, как сквозь землю провалился. Марьянка плакала и от грусти совсем забыла, что ей сказал змеиный принц.

* * *

Прошло несколько лет. Марьянка стала красивой и умной девушки.

Однажды её отец ехал на возу, и тот перевернулся, искалечив мужчине ногу. Когда Марьянка с матерью ухаживали за ним, девушка внезапно вспомнила слова белого змея, как бы услышала их. Тогда она провела руками вдоль ноги отца, и та на глазах стала выпрямляться и срастаться. Вот было радости! Вскоре к Марьянке стали приходить много людей с просьбами о помощи. Она была сердобольная, каждого искренне жалела, и её руки исцелили много людей. Все знали, что это дар белого змея, и по выздоровлении обещали себе никогда не наносить вреда ни полевой, ни лесной живности.

Роберт с Зелёного Холма ничего не знал о чудесных способностях Марьянки. На королевской службе его как раз удостоили рыцарских шпор, и он сообщил в письме родителям, что скоро приедет домой. Однако вместо радости замок вскоре охватила печаль: молодой рыцарь по дороге домой попал в западню к разбойникам. Конь принёс его живым, но сильно израненным. Его мать сразу послала за Марьянкой.

Та любезно приехала, но, увидев лицо Роберта, вспомнила про костёр, который он однажды разжёг. Она повела руками над его ранами, но всего лишь остановила кровь. Мать Роберта со слезами на глазах просила девушку, чтобы она попробовала ещё раз. Марьянка посмотрела на старого рыцаря — и тот был на грани слёз. Ей стало жаль старых родителей, и во второй раз её руки обрели лечебную силу. Но при этом сама Марьянка настолько ослабла, что чуть не упала наземь, так что старому рыцарю пришлось подхватить её под руки.

Девушку уложили отдохнуть. Тем временем Роберт открыл глаза и очень удивился поднявшейся вокруг него суете. О своих ранах он не помнил. Родные рассказали ему о происшествии в пути и о чуде, которое сотворила Марьянка. Роберт с каждым их словом хмурился всё больше и больше и вдруг прикрикнул на родителей:

— Не хвалите эту колдунью! Она ещё маленькой вас обманула! Это я вынужден был прогнать змею, а теперь избавлю край и от этой проклятой женщины! Я покажу вам, как поступают с такими!

Роберт приказал бросить Марьянку в самый глубокий подвал и послал за палачом.

Напрасно родители его отговаривали. Сын пригрозил, что донесёт королю, как они заступаются за колдунью, и выбросит их из замка. Все были испуганы. Как можно быть таким злым и неблагодарным? Почему он кричит на родителей? За что обижает Марьянку?

Никто и не догадывался, что Робертом движет месть. Рыцарь-то и домой вернулся потому, что красивая девушка, похожая на Марьянку, отвергла его любовь. Роберт и слышать не хотел о том, что обижает невиновную.

Между тем Марьянка ожидала своей участи в сыром подвале. Она надеялась, что старый рыцарь вразумит сына, но в то же время боялась злобы Роберта. Время шло, а за пленницей никто не приходил, и ей на самом деле стало страшно. Она даже расплакалась! И тогда от влажной земли поднялось вдруг белое облако, и вот уже перед ней стоит черноволосый юноша в белых одеждах, расшитых золотом. У Марьянки сердце замерло — она сразу узнала своего белого змея!

— Почему же ты не позвала меня сразу, когда стража вела тебя сюда? Неужели ты забыла, что я обещал помочь?

Марьянка покачала головой:

— Ну что ты, благородный господин, я не забыла! Но Роберт убил бы тебя. А его злоба ко мне не длилась бы долго. Ведь я спасла его жизнь, и все знают, что, кроме твоего дара, у меня ничего нет.

— Ты, земная девушка, хочешь защитить меня?! Ты по-прежнему добра и храбра. Уже завтра над тобой будет суд. Я хочу, чтобы ты выглядела как можно красивее, как подобает лицу, которому покровительствует наше Подземное царство. Вот тебе платье, туфли, венок из цветов с вуалью, зеркало и расчёски. Вместо этой гнилой соломы дам тебе подушку и мягкие одеяла, чтобы хорошо спалось. Перед рассветом в том углу откроется источник теплой воды, и ты сможешь умыться. А это что? — Он увидел кусок чёрствого хлеба и оббитый кувшин с водой.— В добавок тебе надо сытно поужинать.

Он осмотрелся и остался доволен. Пустой подвал превратился в роскошно убранную комнату для принцессы.

— Спокойной ночи, Марьянка. Разбудит тебя птичий хор.

Он приятно улыбнулся Марьянке и исчез.

И всё исполнилось, как сказал змеиный принц. На рассвете Марьянка встала, искупалась, оделась и причесалась. Источник воды исчез, а на его месте появился накрытый стол. Марьянке была приятна такая забота, и она ничего не боялась. Она запела весёлую песенку и не услышала бряцанье ключей в замке.

Стража испугалась таких перемен, произошедших в подвале, и помчалась докладывать обо всём господам. Жена старого рыцаря вспомнила предания о белых змеях и сразу поняла, что победы Роберта нельзя допустить! Тот, однако, отправил стражу обратно:

— Не забывайте, что она колдунья! Не позволяйте себя обманывать и приведите её!

* * *

Злой рыцарь Роберт раздал слугам палки и прутья и приказал немилосердно бить Марьянку, когда она будет проходить мимо. Но никто не хотел подчиняться, потому что девушка многим помогла. Когда все увидели пленницу, то были ослеплены её красотой и очарованием. Она выглядела как принцесса! Марьянка приветствовала всех улыбкой, будто и не знала, что вот-вот над ней начнётся суд.

— Она так спокойна, потому что не виновна ни в чём,— шептались вокруг.

Роберт был в ярости. Он поступил глупо и боялся, что если признает свою ошибку, то будет выглядеть ещё хуже.

— Где ты украла эти дорогие вещи, которые стража нашла в камере?

— Мне дал их белый змей...

— Лжёшь! Он сгорел на скале несколько лет назад!

— Я рад, что перед судом ты сознался в своём злодеянии. Только Марьянка и тот, кто устроил поджог, знали, что мне грозило.

Все вскрикнули — около Марьянки стоял красивый принц с мечом на поясе. В другой раз люди подумали бы, что видят перед собой жениха и невесту. Роберт обнажил меч и бросился на принца:

— Не получилось тогда, убью тебя сейчас!

Но Марьянка в тот же миг оказалась между ними.

— Я не допущу этого! Ты не имеешь права убивать себе на потеху! И не имеешь права подвергать опасности жизнь, которой не достоин. Мои руки лечат болезни тех, кто достоин сострадания. Ради твоих матери и отца, которых мне стало жаль, я закрыла твои раны!

Пристыженный Роберт опустил голову. Его родители тут же стали просить прощения у Марьянки и змеиного принца. Тот строго обратился к молодому рыцарю:

— Надо бы тебя наказать, но вижу, ты стыдишься своих поступков и долго будешь думать о них. Милая Марьянка, мне надо возвращаться — отец передаёт мне власть. Но он ждёт, что я приду не один, а с невестой, которую я давно себе выбрал. Хочешь ли ты стать

госпожой моей и всего Подземного царства?

Марьянка согласилась, и все стали ликовать. Принц поцеловал свою невесту, взял её на руки, и они исчезли.

Говорят, время от времени родители Марьянки приходили к Белой Скале, где они встречали красивую госпожу с детьми и подолгу разговаривали с ними.

Молодой Роберт вернулся на королевскую службу и быстро прославился как храбрый и доблестный рыцарь. Под его командованием воины отлавливали и наказывали разбойников и грабителей. Все уважали Роберта за его благородство и мудрость.

После его смерти долго ещё никто не смел вредить змеям, ни большим, ни маленьким, и даже сухую траву в том краю не сжигали. Боялись, что появится дух Роберта и накажет их.

Владимир Городов

"Когда погаснет звезда"

Поздней ночью в одном из корпусов летнего лагеря «Огонёк» тихо заскрипела створка окна. Пашка, Юрка и Колька почти бесшумно выбрались наружу, перебежками, чтобы не заметил сторож, добрались до калитки и углубились в лес.

Хотя на небе висела полная луна, под густые кроны деревьев её свет почти не проникал. Через полчаса батарейки в единственном фонарике начали садиться, и он светил всё тусклее и тусклее: его едва хватало только на то, чтобы освещать небольшой участок тропинки под ногами. Юрка то и дело шарил лучом по обочинам, что-то выискивая.

— Вот! То, что надо! — вдруг сказал он и, нагнувшись, подобрал с земли два увесистых камня-голыша.— Делаем привал для подзарядки.

Он выключил фонарик, достал батарейки и, положив на один из голышей, другим принялся обстукивать их с боков.

— Меня брат научил. Если батарейки сели, их надо немного помять. Тогда они ещё чуточку поработают.

— Что-то пить захотелось,— пробормотал Колька, снимая с ремня военную фляжку в брезентовом чехле.— Кто-то ещё хочет? Компот, после ужина остался.

Вдруг в кустах ухнуло, и сразу же раздался звук, похожий на шлепок. Ребята замерли. Звук больше не повторялся. Юрка быстро вставил батарейки в фонарик и включил его. Прошёлся лучом по кустам. Всё спокойно.

— Чертовщина какая-то... — пробормотал он. Словно в ответ на его слова в кустах хрюкнуло, и Юрка изо всей силы запустил туда камнем. Голыш с шумом пролетел сквозь ветки, тяжело запрыгал по земле и стукнулся о ствол дерева.

— Пойдём,— скомандовал Пашка. Двинулись дальше, то и дело оглядываясь назад.

Уже через полсотни шагов перед ними открылась ярко освещённая луной поляна, на краю которой чёрным прямоугольником на фоне белых стволов берёз выступал ветхий дом. Когда-то очень давно это был кордон, жилище лесника, но уже много лет здесь никто не жил.

— Фляжку забыл! — огорчённо воскликнул Колька.— Ребята, подождите немножко, я за ней сбегаю.

— Только побыстрее,— сказал Пашка.— Возьми с собой фонарик.

— Я мигом! — И Колька побежал обратно.

Пашка с Юркой приблизились к дому, который еле слышно поскрипывал, словно жаловался ребятам на свою дряхлость. Прибежал Колька и стал рядом.

— Нашёл фляжку? — поинтересовался Юрка.

— Нет. Как сквозь землю провалилась! На обратном пути ещё поищу. А чего мы сюда пришли?

— В этом доме давным-давно никто не живёт,— сказал Пашка.— Вот через такой дом можно попасть в Сказку.

— Что-то слабо во всё это верится,— недоверчиво произнёс Юрка.

— Зачем тогда пошёл? — удивился Пашка. — Спал бы себе!

— Люблю приключения и эти... авантюры.

— А я Пашке верю! Пошли! Чего ждать? — Колька решительно направился к покосившемуся крыльцу.

— Постой! — остановил его Пашка. — Нам надо выйти из этой двери, не входя в неё. Полезли в окно! Я полезу первым.

Пашка уцепился руками за подоконник и, вставляя ноги между осыпающимися трухой брёвнами, забрался внутрь. Ребята влезли следом.

В доме оказалось не так уж и темно. В окошки проникал лунный свет, позволяющий разглядеть полуразвалившуюся печку с белеющей кое-где штукатуркой. Под ногами шелестел мусор, скрипели осколки стекла. Входная дверь из потемневших от времени досок, как и во всех северных избах, была очень маленькой, чтобы зимой меньше уходило тепло.

— Выходим? — шёпотом спросил Колька, кивая на дверь.

— Да подожди ты! — тоже шёпотом ответил Пашка.

— А! Ты ещё заклинание говорить будешь? — высказал предположение Колька. — Какой-нибудь «Сим-сим, откройся»?

— Не знаю я никаких заклинаний. Тут всё проще. Или сложнее, не знаю.

Юрка с Колькой присели на корточки недалеко от двери и стали ждать. Пашка достал из кармана булавку и, чуть поколебавшись, сильно ткнул ею в большой палец левой руки, непроизвольно ойкнув. На пальце выступила капелька крови. Обмакнув в неё острие, Пашка воткнул булавку в притолоку, отошёл и присел рядом с ребятами.

— Откуда ты знаешь, что в этих случаях делать надо? — спросил Юрка.

— Знаю, и всё, — пожал плечами Пашка. — Откуда знаю — не знаю. Знаю, что теперь надо пристально смотреть на эту дверь и представлять, что за ней начинается Путь, который ведёт в Сказку. Думаю, что-то вроде тоннеля. Три, четыре! Начали!

Все смолкли и стали напряжённо смотреть на тёмный прямоугольник двери. Пашка не смог бы сказать, сколько прошло времени, но вдруг в тишине негромко зазвенело, воздух завибрировал, став упругим и необыкновенно прозрачным. Косяк двери покрылся множеством искрящихся точек — в комнате словно лампочку включили.

— Пора! — чуть хрипло произнёс Пашка.

Он поднялся, подошёл к двери и решительно толкнул её. Жалобно взвизгнули ржавые петли. За дверью — темнотища.

— Быстрее за мной! — сказал он и переступил порог. Юрка с Колькой шагнули вслед.

* * *

Пашка стоял возле широченной реки: противоположный берег едва-едва просматривался вдали, полускрытый дымкой. До воды оставалось с полсотни метров усеянного мелкой галькой пляжа, к которому подступал высокий глинистый обрыв, далеко уходящий в обе стороны. Под самым обрывом чернели просмолёными животами перевёрнутые рыбакские лодки-плоскодонки.

— Красотищ-ща! — услышал за собой Пашка и обернулся. На покосившемся пороге ветхой, заброшенной рыбакской хижине, восторженно оглядываясь, стояли его друзья. — Здорово-то как! Пашка, а мы точно в Сказке?

— Где ж ещё! Сами не видите? Только что ночь была, а сейчас что?

— А сейчас день, — кивнул Юрка. — Только вот мне проще поверить, что мы прошли через межпространственный портал — ну как в игре «Морровинд» — и оказались на другой стороне Земли. Например, в Канаде. Там, между прочим, природа на нашу похожа. А кто по-канадски разговаривать умеет?

— По-канадски никто разговаривать не умеет, — блеснул эрудицией Колька. — Нету такого языка. Они там по-французски говорят. И ещё, кажется, по-английски.

— Тогда проще! Встретим кого-нибудь, я скажу: «Май нэйм из Юрса! Айл би бэк!» — сказал Юрка.— Пашка, сколько у нас есть времени? Сколько мы здесь можем пробыть?

— Сколько бы мы здесь ни пробыли, мы вернёмся обратно примерно в то же самое время, когда ушли.

— Откуда знаешь?

— Откуда, откуда... — Пашка неуверенно пожал плечами: он и сам не понимал, откуда у него такая уверенность.— Знаю — и всё! Говорю же: это Сказка. Наверное, это как со сном. Учёные говорят, что сон снится всего несколько секунд, а тебе кажется — всю ночь.

— Тогда — ура! — воскликнул Юрка и, стягивая через голову футболку, предложил: — Давайте искупнёмся!

Возражений не было. Ребята, торопясь, принялись скидывать одежду, как вдруг из кармана Колькиной рубашки выпал небольшой предмет и, сверкнув на солнце, звякнул о камень.

— Это что у тебя? — Пашка поднял и рассматривал круглую пластинку из жёлтого металла: не больше карманного зеркальца и с одной стороны так отполирована, что в неё смотреться можно. На другой стороне рельефно выступало изображение многолучевой звезды, а в центре — женский профиль.

— Нашёл, когда ходил фляжку искать,— ответил Колька.— Искал, искал... Вдруг что-то сверкнуло: ну свет фонарика отразился. Гляжу — она лежит. А фляжку жалко.

Юрка подошёл, взял у Пашки кругляш и подкинул его на руке.

— Тяжёлая! А может, это золото? Из какого-нибудь древнего клада? — Юрка поднёс кругляш к глазам и, рассматривая его, сказал: — Наверное, медаль: вон дырка, чтобы на груди носить... Девчонка в короне... Пашка, не помнишь, в России девчонки царицами были?

— Вроде нет...

— Значит, заграничная. Держи! — Юрка вернул медаль Кольке.— Вернёмся — ты её в музей сдай. Про тебя в газете напишут. И премию дадут. И фотографию поместят.

— Большую?

— Во всю страницу!

— Я не про фотографию, я про премию.

— На крутой мобильник уж точно хватит! Айда купаться!

— Айда!

И мальчишки, весело вопя и вздымаая фонтаны брызг, бросились в воду. Купались долго. Играли в «догонялки», соревновались, кто дальше нырнёт, кто дольше просидит под водой.

— Э, да вас уже колотят! — вдруг заметил Юрка, оглядывая покрытых муравшками Друзей.— Хватит купаться, а то ещё заболеете.

Усталые и довольные, они вылезли на берег и улеглись на днища лодок, подставив свои тела жарким солнечным лучам. Пашка лежал на животе, прижавшись щекой к горячей доске, закрыв глаза и вытянув руки вдоль туловища. И снизу, и сверху приятно припекало. От лодки чудесно пахло смоловой, рыбой, водорослями. Вдруг он почувствовал, что на его спину упала тень.

— Колька, отойди, не мешай загорать! — пробормотал он.— Или кто это? Юрка, ты?

Тень продолжала лежать на Пашкиной спине.

— Ну что ты вредничашь? — сказал он, приподнимаясь на локте и оборачиваясь.— Неужели не...

Пашка осекся. Перед Пашкой стоял незнакомый человек с густой бородой и длинными усами, одетый так, словно сошёл со страниц учебника по истории России Средних веков. Поверх рубашки-косоворотки поблёскивал металлическими бляшками кожаный нагрудник, просторные зелёные штаны забраны в узкие сапоги с загнутыми круто вверх носками. Длинные волосы, чтобы не падали на лицо, перехвачены ярко вышитой тесьмой. К широкому кожаному поясу подвешен внушительных размеров меч. Поверх нагрудника на толстой цепи висит надраенная до ослепительного блеска бляха с изображением

ошёрившейся собаки. Чуть повыше, на цепочке потоньше,— серебристый шарик размером с грецкий орех. Человек стоял в вызывающей позе, картино подбоченившись.

Колька с Юркой, удивлённо оглядываясь, сидели на соседней лодке. Их окружали пятеро так же по-старинному одетых людей. В руках они сжимали бердыши.

— Май нэйм из Юра... — растерянно пробормотал Юрка.

— Не разумею, что ты там бормочешь,— сказал тот, что стоял рядом с Пашкой, по всему видно — начальник.— Ну-кась, отроки, извольте предъявить свои обереги доблестным ратникам полка Верных Псов! Или ж, горько стеная, уверять начнёте, что оставили их дома у горячо любящих вас маменек?

Ратники подобострастно захохотали над плоской шуткой своего начальника, а тот, скривив рот в усмешке, ждал ответа.

— Обереги? — переспросил Колька.— А это что?

— Как?! Уж не ослышался ли я?! Вы не только не отрицаете того, что не имеете оберегов, но и знать не знаете, что это такое?

— Понятия не имеем! — подтвердил Юрка.

— Гонидым! — позвал начальник, и на этот зов в его сторону повернулся и встал навытяжку один из ратников.— Ты слышал?

— Слыхал, полдесятник!

— И что сие означает?

— Сие означает... — Гонидым поскрёб пятернёй затылок.— Да к чаво означает?.. Сие, полдесятник, то и означает, что у них нету оберегов!

— Болван! Сие означает, что мы словили опасных лазутчиков с неметчины — слыхал, как вон энтот по-иноземному балаболил? — коварных злоумышленников против Его Лучезарности Великого Волхва Тушисвета. А ещё сие означает... Чаво?

— Да к оно то и означает, что мы их споймали! — недоуменно пожал плечами Гонидым.

— Вдругорядь болван! Сие означает, что мне даже не придётся носить бляху десятника! — Начальник потряс железяку на своей груди.— За поимку опасных лазутчиков меня тут же в полусотники пожалуют! «Полусотник Волок-рут»! Эка дивно звучит! Не то что «пoldесятник Волокрут»! А ты, болван, готовься надеть мою бляху. Обыскать злодеев!

Гонидым угукнул и направился к ребячим вещам.

— Оберег, господа лазутчики, есть вот эта маленькая штуковинка, что висит у меня на груди, тако же как и у каждого жителя нашего славного княжества,— продолжал тем временем разглагольствовать Волокрут.— На ём прозначены имя, место проживания и род занятий того, кто его носит. И хранить его следует пуще зеницы ока. Ибо без ока ты — хоть и кривой, но всё ж таки подданный нашего славного владетельного князя Семисила, а без оберега — никто и ничто! Незак поганый! И о том с дитячьих лет знает каждый житель княжества. Так что плохоночь вы, господа лазутчики, к своему чёрному злодейству подготовились!

Тем временем Гонидым, перетряхивая одежду мальчишек, добрался до Колькиной ковбойки. Вдруг он замер, разглядывая что-то у себя на ладони, а затем бросился к начальнику, далеко вперёд вытянув руку. При этом он смешно, как рыба, безмолвно открывал и закрывал рот.

— Что ешё? — недовольно проронил Волокрут и взглянул на то, что ему протягивал Гонидым. Но тут же лицо его вытянулось, глаза округлились. Осторожно, двумя руками, он взял с ладони Гонидыма кругляш, найденный Колькой, судорожно сглотнул, а затем рявкнул:

— На караул!

Ратники щёлкнули каблуками и взметнули бердыши под высь.

— Я это... неправ был, прощения просим,— заискивающе обратился полдесятник к ребятам, отвесив что-то вроде поклона.— Не соблаговолят ли премногоуважаемые сказать мне... Вот енто... чье?

— Ну моё! — недовольно буркнул Колька.— А что?

— При всем наиглубочайшем почтении к доблестному Кавалеру Ордена Высочайшего Благорасположения владетельной княжны Дарирады...

Ребята удивлённо переглянулись, а Колька даже присвистнул.

— Недопонял?..— Волокрут угоднически посмотрел на него.

— Да нет, ничего, продолжайте!

— Как есть продолжу. Так вот, при всем почтении к Кавалеру Ордена Высочайшего Благорасположения владетельной княжны Дарирады должен сказать, что всё едино никому не должно появляться где б то ни было без оберегов, ибо сие есть нарушение Справедливейших Законов, ниспосланных нам откровением Его Лучезарности Великого Волхва Тушисвета. А посему мой величайший долг святая обязанность — препроводить вас всех в Храм Порядка, дабы вы предстали перед светлейшими очами Главного Хранителя Справедливейших Законов, могучего князя Гремибоя.

— Вот тебе и Канада! — тихо сказал Пашка Юрке.

— Значит, это не портал, а машина времени... — так же тихо ответил тот.

* * *

По тропинке, полого поднимающейся по дну оврага, ратники вывели ребят наверх. Взгляду открылись многочисленные холмы, покрытые полями и рощицами. На горизонте виднелся густой лес. Змейёй стелилась мощёная крупным булыжником дорога, убегающая к виднеющемуся вдали поселению, над которым в дневном небе ярко горела серебристо-голубая звезда.

— Смотрите, звезда! Днём? — удивился Колька..

— Кавалер хотел сказать: Благословенная Вечная Звезда? — Несмотря на подчёркнутую уважительность, пол десятник всё же косился на ребят с подозрением.

— Что хотел, то и сказал! — буркнул Колька. Юрка в своих необъятных карманах отыскал верёвочку. Колька продел её в дырочку на медали и демонстративно повесил себе на шею.

Мальчишки в окружении ратников шагали по середине дороги. Солнце палило вовсю. Несмотря на недавнее купание, идти становилось жарковато. А солдатам — тем более. В своих кожаных нагрудниках они неимоверно страдали от жары, по красным напряжённым лицам катились крупные капли пота. Однако, несмотря на это, служивые усердно чеканили шаг, громко чакая по булыжнику подкованными сапогами.

Сзади послышался громкий трубный звук. Из-за поворота дороги на белоснежном коне выехал пёстро раздетый всадник. В руке он держал большой рог и, раздувая щёки, трубил в него, поворачиваясь всем телом то в одну, то в другую сторону.

— Добрые подданные! Приветствуйте своего славного правителя владетельного князя Семисила! — прокричал он, проскакав мимо. Ратники с огромным удовольствием отошли к обочине дороги, в тень деревьев, и, став на одно колено, склонили головы в почтительном поклоне. Ребята тоже сошли с дороги и в замешательстве, не зная, что им делать, топтались на месте.

— Преклоните колени перед владетельным князем! — сказал Волокрут.

— Вот ещё! — ответил Юрка.— Не хватало ещё на колени бухаться!

Полдесятник промолчал, но Пашка заметил, как недобро сверкнули его глаза.

Из-за поворота показалась процесия. Впереди ехали стражники: ярко горели на солнце лезвия секир, горячо всхрапывали огромные вороные кони. За ними катилась большая карета, запряжённая четырьмя парами белых коней. Следом — ещё одна, поменьше и запряжённая только двумя парами таких же белых лошадей. За каретами двигалась многочисленная кавалькада, состоящая, по-видимому, из знати: уж очень богатое и праздничное одеяние красовалось на всадниках.

Когда первая карета поравнялась с мальчишками, она остановилась, и из окошка

выглянул владетельный князь. Первое, что бросалось в глаза во внешности правителя,— невероятно рыжие шевелюра, бородка и усы. В отличие от своей свиты, сверкающей золотом, жемчужным шитьём и каменьями, на владетельном князе из драгоценностей присутствовали только корона в виде крепостной стены и золотая цепочка, на которой рядышком висели оберег и точно такой же, как у Кольки, Орден Благорасположения.

— Полдесятник, что сие за отроки? — спросил князь. Он оглядел ребят, и взгляд его остановился на Колькиной груди.

— Осмелюсь покорнейше доложить, владетельный князь! Спойманы дозором полка Верных Псов под моим, полус... полдесятника Волокрута, началом. И ведь в чем закавыкано: ни один из отроков оберега не имет. Вот мы их, значит, и того... в Храм Порядка! — отрапортовал полдесятник.

— Тятя, кто там? — Из второй кареты легко выпрыгнула девочка в сарафане, расшитом витиеватым орнаментом. Волосы полностью забраны под причудливый головной убор, но почему-то Пашка был уверен, что они такие же рыжие, как и у её отца. Вслед за ней из кареты высунулось рыхлое лицо толстой расфуфыренной дамы в облаке огромного белого парика. Эту даму, в отличие от всех остальных, тело обтягивало иноземное платье.

— Фаше Фысотшестро! — нудным голосом произнесла она.— Следя Котексу Тшести Афгустейших Особ, вам не слетает вихрь ис карета пез помохи граф или лицо, к нему приравненный...

«Их Фысотшестро» только фыркнула, подбежала к передней карете и остановилась напротив ребят, разглядывая их.

— Что за отроки? — спросила она князя.

— Да вот, княжна, полюбопытствуй,— ответил тот.— Этот бравый полдесятник наткнулся на твоего Кавалера и теперь тащит его на расправу к Гремибою в Храм Порядка.

— Моего Кавалера? — переспросила Дарирада, и взгляд её остановился на медали, висевшей на Колькиной груди. Брови девочки удивлённо взметнулись вверх. Она немного подумала, а затем обратилась к Волокруту: — Полдесятник! — Голос княжны зазвучал надменно.— Ведомо ли тебе, что Кавалер моего Ордена, а так же и сопровождающие его особы пользуются правом неприкосновенности в границах княжества, а за его пределами имеют статус послов его?

— Так ить... Только это... как бы молвить... для ограждения Кавалера... отнюдь не для того, дабы... — Разволновавшись, Волокрут совсем потерял способность связно говорить.

— Тятя! — Дарирада повернулась к князю.— Кавалера и его сопутников мы берём с собой, они будут моими гостями. Они сядут в мою карету, а фрейлейн Гуту поедет с тобой!

Князь скрчил недовольную мину.

— Может быть, будет лучше, если хотя бы один из спутников Кавалера поедет со мной? Мы бы весьма приятно побеседовали с ним в дороге!

— Нет! Это мои гости, и они поедут со мной! А ты поедешь с фрейлейн Гугу! Мне она уже до смерти надоела своими нравоучениями и сказками о прекрасном фатерланде!

Князь покорно вздохнул. Княжна вернулась к своей карете.

— Фрейлейн Гуту! — обратилась она к сидящей в ней даме.— Извольте пройти в карету князя!

— Пусть помогут мне вйти! Позвоните какой-нибудь из барон! — чопорно ответила та.

— Помоги фрейлейн,— обратилась княжна к Кольке.

— Фот этот Knabe?! — В притворном ужасе фрейлейн вскинула брови.

— Я бы хотела, чтобы вы почтительно отзывались о Кавалере Ордена моего Высочайшего Благорасположения. Его статус в обществе выше баронского и даже графского! — ответила княжна.

Пашка с Юркой переглянулись. Вот это да! Колька вдруг стал знатным вельможей!

— Как мне ей помочь? — тихо спросил Колька у Дарирады.

— Просто возьми за руку и отведи в карету князя — вот и всё! — так же тихо ответила она.

Пока Колька провожал семенящую утиной походкой дородную даму, Дарирада без всякой помощи впорхнула в карету. Юрка с Пашкой залезли следом за ней и плюхнулись на мягкие сиденья напротив. На сиденье рядом с княжной стояла корзинка, в которой на голубой подушечке спал пушистый белый котёнок.

Вскоре вернулся Колька и скромно пристроился на оставшееся свободное место подле Дарирады. Процессия вновь двинулась, колёса экипажа дробно застучали по булыжнику мостовой.

— Вот теперь можно и поговорить. Я — владетельная княжна Дарирада. Это,— она почесала за ушком котёнка, отчего у того изнутри раздалось громкое тарахтение,— мой друг Снежок. А ты, Кавалер, кто таков?

— Николай...

— А титул?

— Какой титул? Нет у меня никакого титула.

— Простолюдин, стало быть. Можно бы сразу догадаться. По имени.

— Как это — по имени? — удивился Колька.

— Оно у тебя такое... Для простолюдина подходит. Ни-колай: «ни-кола-и-ни-двора»! А твоих спутников как зовут?

— Это Павел, это Юрий,— представил ребят Колька.— Что, тоже простолюдинские имена?

— Не знаю. Чудные имена, не наши... Ну вот мы и знакомы. Теперь сказывайте! — приказала княжна.

— А чего рассказывать-то? — пожал плечами Колька.

— Всё подряд. Начни хотя бы с того, как это ты умудрился стать Кавалером? Мне это весьма любопытно. Ведь Орденом награждаю я сама. Золотых дел мастер Добромысл сделал их всего четыре штуки. Один Орден — у тятенки, второй пришлось посвятить Великому Волхву, третий... ещё у одного человека, а четвёртый до сих пор никому не вручён и хранится у меня! Ты его украл? Или подделал?

— Чев-во?! — Колька вспыхнул от возмущения.— Я?! Украл?! Подделал?! Да нашёл я его! Нашёл!

— Нашёл? — недоверчиво прищурилась княжна.— Ну что ж, позже разузнаем, кто его потерял. А сейчас рассказывай, Кавалер, кто вы такие и откуда. Должна же я знать, кого вызывала!

— ТЫ нас вызывала? — удивился Пашка.

— Я. Мне и желание загадывать, мне и ответ держать. Я сразу догадалась, что вы не из нашего мира: и одёжа у вас странная, и стрижены чудно. Только вот кудесница я не Очень искусная, недоучила меня маменька, не успела. С заклинанием, быть может, что напутала, вот и не знаю, откуда вы: из Прави или ж из Нави.

— Из Прави или Нави? — переспросил Колька.— А где это?

— Не знаете? — Дарирада удивлённо подняла брови.— Да сие ж даже чадам малым известно! Правь — это верхний мир, пристанище богов, а Навь — нижний мир, где вся нечисть обитается. Стало быть, вы не оттуда и не оттуда. Так отколе же?

— Вон пускай Пашка рассказывает. Он у нас самый умный,— перевёл стрелки Колька.

* * *

— Странный у вас мир. Не всё мне в нём понятно. Но верно ли я уразумела: вы — обычные отроки, не волхвы, не чародеи, не воители славные? Но как же вы тогда сможете?. — Дарирада задумчиво смолкла.

— Что мы должны смочь? — поинтересовался Юрка.

— Тятенку уберечь,— тяжело вздохнула Дарирада.— Прознала я: грозит ему беда скорая да неминучая. Потому-то и прибегла к чарам, хоть и боязно было: вдруг что не так выйдет? Да ведь так оно и случилось: хотела воителя грозного вызвать или чародея великого,

а явились три отрока...

В глазах княжны сверкнули слезинки. Ребята неловко молчали, словно были в чём-то виноваты.

Тем временем княжеская процессия достигла стен столицы. Мальчишки с интересом разглядывали частокол из высоких и толстых брёвен, грозные сторожевые башни, окованные железом городские ворота, подъёмный мост на толстенных цепях.

Карета остановилась возле высокого резного крыльца княжеского терема, к ней проворно подскочил паренёк и, распахнув дверцу, склонился в почтительном поклоне.

— Благодарствую, Ветрознай,— поблагодарила его княжна. Тот молча улыбнулся.— Смени коней и держи карету в ПОЛНОЙ готовности: она мне ныне надобна будет.

— Всенепременно, княжна! — Паренёк приложил руку к сердцу.

Вслед за Дарирадой ребята прошли в терем. Там в просторном и высоком зале с увешанными охотничими трофеями стенами на высоком троне уже восседал князь. Подле него, опираясь на чёрную трость с костяным набалдашником, стоял парадно одетый вельможа, невысокого роста и довольно толстый. Шитый золотом и каменьями парадный кафтан несколько скрывал его полноту, но не мог скрыть пухлых щёк и многочисленных складок подбородка.

— Государь! — торжественно сказала княжна.— Позволь мне представить тебе моего Кавалера Николая и его достойных спутников Юрия и Павла.

— Рад знакомству! — кивнул владетельный князь.

— А почему они без оберегов?! — визгливым голосом воскликнул вельможа.— Да это ж обыкновенные незаки! В острог их! На каторгу!

— Князь Гремибой,— удивлённым тоном сказала Дарирада,— неужели ты забыл, что, согласно Справедливейшим Законам, Главным Хранителем коих ты являешься, Кавалер Ордена моего Высочайшего Благорасположения есть наиболее благожелательное лицо при дворе и почётный горожанин столицы? Я буду премного обязана, если ты распорядишься выдать Кавалеру и его сопутникам обереги, соответствующие их положению.

Главный Хранитель долго рассматривал мальчишек, свирепо вращая маленькими злыми глазками. Наконец он что-то зло пробормотал себе под нос и стукнул тростью о пол. Тотчас распахнулась маленькая боковая дверца, и, почтительно кланяясь, в зал вошёл сухонький человек в длинной синей мантии и синей же многогранной шапочке, похожей на перевёрнутый стакан. На шее у него висела большая чернильница, из кожаного мешочка на поясе торчали гусиные перья, а под мышкой он зажимал пергаментные свитки.

— Я весь внимание, могучий князь Гремибой! — заискивающе прошелестел он.

— Странно... — тихо сказал Юрка.— На владетельного князя ноль внимания, как будто и не он здесь главный...

— Записать вот этих и выдать им обереги! — С этими словами Главный Хранитель, сердито стуча тростью, вышел из зала.

Выяснив все необходимые сведения, писец вывел на пергаменте: «Николай, ноне в княжьем тереме живе, школляр. Павел, тако же. Юрий, тако же». Затем, пряча бегающие глазки, сообщил:

— Через седмицу, надо думать, обереги готовы будут. Дело-то ить хлопотное... Затратное к тому ж...

— Незамедлительно! — гневно топнула ножкой княжна.— И без мздоимства! Я сама за ними в Счётный Приказ зайду! Час сроку!

— Всенепременно, княжна, всенепременно! Поспешаю... — испуганно залепетал тот, уткнув взгляд в пол, и юркнул обратно в ту же дверцу, из которой появился.

* * *

Терем — это крепость внутри крепости. Все помещения, кроме тронного зала, напоминали внутренности большого боевого корабля: низкие потолки, узкие окна-бойницы,

многочисленные коридоры-закоулки. Неожиданно из одного такого закоулка выкатилась фрейлейн Гуту и, пристроившись семенить рядом с княжной, стала нудить, отчитывая её за «неэтичное пофедение, прояфленное в присутствии нижний чин» во время загородной прогулки.

— Фи долшны помнить, Фаше Фысотшестро, что фи есть княшна, а потому фи долшни неукоснительно следофайт Кодекс Тшести Афгустейших Особ, одер так и останетесь тошь сапошник. Фаш сегодняшний фиход из карета пез помохи граф или лицо, к нему прирафненный, физфал недоумений и недофольство ф рядах княшеский сфита...

— Но я же не могу сидеть в карете и ждать графа, если происходит что-то интересное! Так можно всё в жизни пропустить, ничего не увидеть и не услышать! — возразила Дарирада.

— Это фам софсем не обязательно, Фаше Фысотшестро! Фам опо фсем долошат!

— Ох, фрейлейн Гуту! Как вы мне надоели! Я попрошу тятю, чтобы вместо вас он назначил кого-нибудь другого!

— Это нефозмошно! — обидчиво надулась фрейлейн.— Я иметь контракт бить настаффник молодая княшна! Контракт не есть фозмошно порфать — я подафать в суд, требобатать большой компенсаций за моральный вред!

— Ну и ладно, ну и оставайтесь со своим контрактом! — сказала княжна, останавливаясь перед очередной дверью.— Но сегодня я запрещаю вам входить в мои покои!

— Нет-нет! Это нефозмошно! Я долшна...

— Ветрознай! — позвала княжна.

Дверь, возле которой они остановились, открылась, из неё вышел тот самый паренёк, который встретил их у крыльца:

— Слушаю, княжна!

— Ветрознай, фрейлейн Гугу решила отдохнуть в своих покоях. Подай ей княжеский крюшон и заморский мармелад из китайского яблока. И проследи, чтобы она не подслушивала под дверями.

— Это есть неслыханно! Я буду шалофаться! — визгливо вскричала фрейлейн Гугу и, в возмущении тряся кистями рук, удалилась с видом оскорблённой добродетели. Впрочем, удалилась она довольно спешно: видимо, княжеский крюшон — очень хорошая «наживка» для фрейлейн.

Ребята вошли в покои княжны. Обставлены они были довольно уютно. На широкой кровати уже стояла корзинка, в которой продолжал безмятежно спать Снежок. На маленьком столике поджидала лёгкая полуденная закуска — соки, фрукты, разнообразная выпечка. Мальчишки поймали себя на мысли, что за время, прошедшее после вечерних макарон «поп-флотски», успели основательно проголодаться. Поэтому, когда Дарирада пригласила их к столу, ломаться не стали. Хрустящие ватрушки и фрукты с большой скоростью исчезали с тарелок.

— Ваше Высочество, что там фрейлейн Гугу говорила о какой-то дочери сапожника? — спросил Юрка.

— В нашем государстве владетельный князь свой титул не наследует, а назначается, когда его предшественника сажают в тюрьму или... казнят. Власть у него совсем небольшая, ведь страной управляет Великий Волхв Тушисвет. За всё хорошее славят Волхва, а во всех горестях винят владетельного князя. Три года назад бывшего владетельного князя Святодола посадили в тюрьму за то, что в стране случился большой неурожай. И тогда к моему отцу, который держал сапожню на Короткой улице, пришли Бессмертные и объявили, что Великий Волхв Тушисвет назначил его новым владетельным князем. Вот так я и стала княжной. Мои бывшие подружки мне завидуют. Глупышки! Они не знают: если случится что-то нехорошее, мне придётся разделить участь тятеньки.

— Да-а... Порядочки тут у вас... —протянул Юрка.— А кто такие Бессмертные?

— Дружина Тушисвета. Они живут вместе с ним внутри Храма Порядка на Лысой горе и выходят оттуда только для того, чтобы вершить его волю. Нет, неверно я сказала,—

поправила себя Дарирада.— Жить могут только живые.

— Бессмертные — зомби?! — выкатил глаза Колька и, видя, что слово княжне непонятно, добавил: — Ну мертвецы то есть, которых колдовством оживили.

— Нет, не мертвецы. Но колдовство здесь тоже приложено. Это големы.

— Ну да?! Откуда знаешь?

— Я ж их видела, когда они к тятеньке приходили. Нешто я глиняного человека от живого не отличу?

— А где находится эта самая Лысая гора? — спросил Пашка.

— Эвон, глянь в окошко и увидишь. Ни с чем не спутаешь! Тем паче что Вечная Звезда горит прямёхонько над ней.

Мальчишки подошли к узеньким, больше похожим на бойницы окнам. За городом среди поросших лесом холмов возвышалась похожая на шлем гора серовато-коричневого цвета. Сходство со шлемом усиливала высокая башня на самой вершине, обнесённая, как и город, частоколом из мощных брёвен. А прямо над башней высоко в небе мерцала яркая сине-голубая звезда.

— Этот острог и есть жилище Тушисвета,— продолжила княжна.— Он никогда не выходит из него. Оттуда он шлёт свои приказы, оттуда посыпает Бессмертных вершить свою волю. Оттуда он правит княжеством. Никто не может скрыться от его гнева.

— И давно он правит? — поинтересовался Юрка.

— Очень давно. В старинных книгах написано: он явился в тот год, когда над нами зажглась Вечная Звезда. Никто из ныне живущих не помнит того времени.

— Так, может, его и нет уже давно? Помер небось, а кто-нибудь от его имени продолжает делами ворошить? — высказал предположение Колька.

— Говорят, что Тушисвет не может умереть,— ответила Дарирада,— что он бессмертен. Раз в неделю устраивается Великое Явление: ворота Храма Порядка открываются, и Тушисвет является перед взорами тех, кто желает поклониться ему и ещё раз убедиться в его могуществе. Сегодня это тоже будет...

— Он что, Кошкой Бессмертный? — не унимался Колька.— Да что это за человек такой?

— Это не человек,— тихо сказала княжна.— Это чудовище...

* * *

После трапезы Ветрознай отвёл мальчишек в покой для гостей. Колька и Юрка с разбега бросились на широкую кровать, усыпанную подушками, а Пашка задумчиво присел на её краешек.

— О чём задумался, дружок? Ты б слопал лучше пирожок! — подмигнул Пашке Юрка, кивая на большую вазу, полную таких же плюшек, какими их угожали у княжны: вдруг дорогие гости проголодаются?

— Я вот о чём думаю: хоть ты и не веришь, мы всё-таки в Сказке...

— Почему не верю? Теперь верю. Колдовство, големы, бессмертные чудища! — Юрка барином развалился на подушках.— Я даже теперь понимаю, почему говорят «не жизнь — сказка!».

— ...а Сказка имеет свои законы. По этим законам мы должны сразиться с чудовищем и победить его.

— Победим, что нам стоит! — беспечно отозвался Колька.— Вот только узнаем, где тут пулемёт-кладенец запрятан, и победим. Я, пожалуй, даже один его победю. Чтобы по праву носить орден Дашина Благорасположения!

— Пашка, не забивай себе голову ерундой! — махнул рукой Юрка.— Ты же сам говоришь, что это Сказка, а они всегда хорошо заканчиваются. Ты что, сказок не читал?

— Читал,— вздохнул Пашка,— Наверное, даже больше, чем ты. И знаю, что не все сказки заканчиваются «...и стали они жить поживать да добра наживать». Есть и очень груст-

ные...

— Вот ваши обереги! — В покой вошла Дарирада и помахала перед собой тремя шнурочками с подвешенными на них серебристыми шариками. Княжна переоделась. Вместо сарафана — просторные серые штаны и зелёная рубашка навыпуск, подпоясанная кожаным ремешком. Туфельки уступили место кожаным башмачкам, расшитым цветными нитками, вместо прежнего замысловатого головного убора — свисающий на плечо зелёный колпачок.— Вы что, собрались так же, как все эти лентяи из свиты, спать среди белого дня?!

— Нам распорядок дня никто не сообщал,— пожал плечами Колька.— А насчёт вздремнуть — это бы неплохо: мы сегодня очень мало спали.

— Успеете выспаться! Повелеваю сопровождать меня в моей прогулке!

— Ты же только что с прогулки вернулась! — удивился Колька.

— Трястись в душном возке со сварливой фрейлейн — это ты называешь прогулкой? Живо надевайте обереги и — за мной! — Дарирада развернулась и быстро вышла из покоев.

Во дворе терема Ветрознай держал на поводу оседланных лошадей: белую и трёх буланых. Тут же стояла и карета княжны, запряжённая свежими лошадьми.

— Вот это моя Истома.— Дарирада подошла к белой.— Соскучилась, ласточка моя? Прими гостинец!

Княжна протянула на ладони кусок хлеба, щедро посыпанный солью. Истома осторожно взяла гостинец губами и благодарно замотала большой головой. Ветрознай раздал мальчишкам по такому же куску и, кивнув на оставшихся лошадей, сказал:

— Выбирайте, кому какая по сердцу: то Зазноба, то Заряница, а то Прелестница. Угостите да поговорите поласковее — они и будут вас слушать.

Пашке приглянулась Прелестница. Подойдя к ней, он протянул угощение.

— Привет! — шепнул он ей на ухо.— Давай с тобой дружить. Хорошо? Ты знаешь, я ни разу не ездил верхом. Но ты ведь мне поможешь, правда?

Прелестница скосила на него большой тёмный глаз и тихонько всхрапнула.

В седло Пашка вскарабкался, мягко говоря, не слишком грациозно и сидел там в растерянности, не зная, что же делать дальше.

— Тронь её легонько пятками,— подсказал Ветрознай, приметивший его замешательство.

— Кто ж так ездит! — раздался возмущённый голос Дарирады.— Не сиди, как увалень на печке, ты же ей всю холку сотрешь! Ты что, впервый на лошадь сел?

— Ну и первый! Ну и что! — ответил Юрка, к которому и обращалась княжна.

— Ой, стыдобушка для отрока! Поди, воином ещё стать мечтаешь?

— А хоть бы и воином! В нашей армии, между прочим, на лошадях не ездят. И вообще, посмотрел бы я, с какой стороны ты бы к автомобилю подошла! Чем стыдить, показала б лучше, как правильно ездить.

— Может, и неправа я,— чуть призадумалась княжна.— Ладно, смотрите, как это делается. Главное — приподниматься на стременах, приоравливаясь под лошадиный ход. Смотрите.

Дарирада пустила Истому лёгким галопом и проскакала несколько кругов.

— Уразумели?

Мальчишки почти синхронно кивнули.

— Тогда — вперёд! — И Дарирада направила Истому к городским воротам.

— А вперёд — это куда? — спросил Пашка.

— Увидите.

Ребята направили своих лошадей вслед за княжной. Вскочив на козлы кареты, за ними последовал и Ветрознай.

* * *

Фрейлейн Гугу снились кошмары. Виной тому было то ли не слишком удобное

деревянное кресло, в котором она вздрогнула, то ли чрезмерное количество выпитого княжеского крюшона. Она сначала не поняла, что потревожило её сон, но пробуждение тоже не оказалось радостным. Открыв глаза, она увидела стоящего напротив Чёрного Рыцаря. Чёрным он был с головы до ног: и воронёные доспехи, и шлем с забралом, полностью скрывающим лицо, и длинный, до самого пола, плащ, и кожаный пояс с висящими на нём мечом и кинжалом.

— Ик! — только и смогла произнести фрейлейн.— Ик!

— Где есть принцесс? — раздался из-за забрала хриплый голос.

— Ик! — Фрейлейн Гугу дрожащей рукой показала в неопределённом направлении.

— Где есть принцесс? — грозно повторил Рыцарь.

— Ик! Ик Фысотшестфо исфолят потшифать ф сбой покои. Это насыфаться решим дня, так положено для...

— Профоди меня! — перебив ее, приказал Рыцарь. Фрейлейн мелко-мелко закивала, с трудом оторвала

своё массивное тело от кресла и на подгибающихся от страха ногах потрусила в направлении покоев княжны, не смея оглянуться, но слыша за спиной тяжёлые шаги Рыцаря.

— O, mein Got! — внезапно воскликнула она.— Это не есть хорошо — шипать меня за низ спина!

— Was sagen Sie? "Mein Got"?! Ви есть дойч? — несказанно удивился Рыцарь, и дальнейший разговор этой парочки происходил уже исключительно на одном из германских наречий.

— Я и не мог представить, что в таком захолустье встречу свою землячку, да ещё такую очаровательную фрау! — восторженно сказал Чёрный Рыцарь.

— Фрейлейн,— скромно потупила глазки дама.

— Это ещё более романтично! После ста двадцати восьми лет заточения...

— А вы шутник!

— Позвольте представиться: маркграф Дункельриттер.

— Баронесса Шарлотта фон Гугель. Позвольте полюбопытствовать, маркграф: что привело вас в эти места, столь далёкие от нашего милого сердцу фатерланда?

— Миссия, моя госпожа. Долг и миссия. Как я уже сказал, долгие годы я провёл в ужаснейшем заточении. И только благодаря этой миссии я вновь смогу обрести свободу и вернуться в свой родной Мордерхалле! О, Мордерхалле, Мордерхалле! Стоит прикрыть глаза — и я вижу его мощёные уложки и аккуратные домики на них, пивную «У старого Густава»... А маленькая внучка Густава тихонько напевает «Августина»...

— «Ах, майн либер Августин, Августин, Августин,— с блаженной улыбкой тут же тихонечко запела фрейлейн.— Ах, майн ли...»

— Именно оттуда, из Мордерхалле,— вновь прервал её Рыцарь,— я и начну Великий Поход за объединение арийских народов. Я стану Великим Кайзером новой, небывало могущественной страны!

— Такой великий герой, как вы, маркграф, способен завоевать и весь мир! — льстиво сказала Шарлотта.

— Весь мир? О нет! Управлять всем миром — хлопотное занятие! К тому же в этом случае у меня не будет достойных противников. С кем же тогда воевать? Упоение битвой — вот смысл бытия, вот то, ради чего стоит жить! А крушить орды восставших рабов — такая рутина... Я возьму вас с собой, Шарлотта фон Гугель, и вы увидите, как грозная тень нашего фатерланда затмит Европу!

— Увы, маркграф! Увы! Я не смогу последовать за вами!

— Кто посмеет помешать вам в этом? — прогремел Чёрный Рыцарь.

— Не кто, а что. Я, как и вы, имею свой долг и свою миссию. Мною заключён контракт. Мы — люди чести, и выполнение взятых обязательств для нас превыше всего!

— Что за контракт?

— Я должна воспитывать местную принцессу до её совершеннолетия.

— Ха-ха-ха! — громко рассмеялся маркграф.— Вот об этом не извольте беспокоиться! После того как я выполню свою миссию, вам некого будет воспитывать!

— О... вас наняли... как бы это сказать?.., сделать так, чтобы принцессы не было?

— Всё совсем наоборот: принцесса наняла меня. Именно она должна дать мне миссию. Однако её жизнь — в том числе — входит в плату за мои услуги.

— Вот мы и пришли, герр Дункельриттер. Апартаменты принцессы.— Баронесса распахнула дверь и, пропустив вперёд Чёрного Рыцаря, вошла следом.

— Где же она? — спросил маркграф, оглядываясь.

— О, видимо, опять куда-то убежала! Очень большая непоседа. Весьма трудно вбить ей в голову Кодекс Чести Августейших Особ!

— Сплошная морока с этими недоучками! Ни время, ни место встречи не оговорено! Придётся её искать! — Чёрный Рыцарь досадливо взмахнул рукой и с шумом развернулся к выходу.

— Погодите немного, маркграф,— заливаясь свекольным румянцем, произнесла фрейлейн Гуту.— Я бы хотела... если вас не затруднит... увидеть лицо моего господина.

— Увы, милая баронесса, это решительно невозможно! Я дал обет не снимать доспехи до тех пор, пока не выполню миссию и не обрету свободу!

— Но, я очень надеюсь, в вашем обете не было ни слова о том, что это не может сделать кто-то другой? — спросила фрейлейн, ещё больше пунцовевая и отводя глаза.

* * *

До места ехали около часа. Хотя лошади бежали не очень быстро, Пашке было страшновато. Верхом — это тебе не в удобном кресле автомобиля, где и сто километров в час большой скоростью не кажутся.

Ребята, непривычные к верховой езде, уже изрядно подустали, когда княжна наконец свернула на лесную дорожку и, проехав ещё немного, остановила свою лошадь на большой поляне возле одиноко стоящего дерева. Привстав на стременах, она запустила руку в густое переплетение веток и за что-то дернула. Над лесом пронёсся звон колокола. А спустя несколько минут среди стволов деревьев показались люди.

— Кто это, Дарирада? — спросил Юрка.

— То незаки, братство лесное,— ответила она.

— Незаки? Незаконные, что ли? Они не опасны?

— Не более тебя. Чтобы незаком стать, достаточно малой провинности: всего-то навсего оберег свой потерять. А кто чаще всех всё теряет? Да вот они!

На полянку вывалила пёстрая, весело гомонящая толпа мальчишек разного возраста, во главе которой вышагивал статный парень лет двадцати, на груди которого на зелёной охотничьей курточке вместо оберега ярко сверкал... Орден Высочайшего Благорасположения владетельной княжны Дарирады!

— А куда себя деть отроку, коли государство его вне законов поставило? Когда тятъка с мамкой ему не защита? — продолжила княжна.— Когда одна ему дороженька — в острог да на поселение, где заместо оберега лоб калёным железом прижигают. Вот мы с Неклюдом и построили лесное убежище, в коем таковых сберегаем. Да не одни мы: есть ещё в княжестве добрые люди, и числом немалым.

— Здраве буде, княжна! — приблизившись, произнёс юноша и, прижав ладонь к сердцу, поклонился, а затем дал знак, по которому те же слова разнеслись по лесу, подхваченные дружным хором.

— Здраве буде и вы, воинство лесное, и тебе, Неклюд, не хворать!

Из толпы выбежал курносый мальчуган лет шести, уцепился за стремя Истомы и, глядя снизу вверх на княжну обожающими глазами, спросил:

— Княжинечка Дарирадочка, а что ты нам ныне привезла, чем порадуешь?

— Ой вы, други мои! — грустно ответила та.— Не с помощью ныне я к вам приехала, но за помощью.

Тень набежала на лицо Неклюда.

— Что за беда-кручинка приключилася? — тревожно спросил он.

— Прознала я, что батюшке моему Семисилу грозит беда страшная, смертная. Да и неминучая, коли сложа руки сидеть.

— Кто ж его извести желает?

— Промолвить страшно, но желает того Великий Волхв.

— Дивно мне это. В княжестве мир да покой, урожай, думается, богатым будет, лютой непогоди давненько не бывало... Так что ж ему в вину Тушисвет ставит?

— Порядок князь желает зреть в делах государственных. Законы, Справедливейшими называемые, таковыми не считает, переписать хочет. Обереги «рабской цепью» называет. Оброк желает сбавить, мздоимство извести. Ан Гремибой утверждает, что Великому Волхву то не по нраву.

— И за меньшее вольнодумство люди на плаху отправлялись... — Неклюд в задумчивости потёр пальцами висок.— Не потерпят такого ни Тушисвет, ни Гремибой, ни другие вельможи. Недолго, знать, твоему тятеньке княжить осталось... Но какой помощи ты от нас получить желаешь?

— Надобно Тушисвета извести.

— Тушисвета?! Нам?! Как можно? У нас лишь отроки да чада, а Тушисвет, бают, великое ополчение в одиночку развеял, хоть и шли супротив него мужи, в ратном деле сведущие. Чародей он, и чародей силы немалой!

— А и я почти ведунья! Эвон, в моём возке мечи булатные, самострелы тугие да стрелы, при полной луне древней ворожбой заговорённые: любая из них может супостата навек успокоить, а княжество к счастью повернуть! Уже скоро начнётся Великое Явление. Коли налететь внезапно да стрельнуть гуртом... Ты ведь наставлял своих в науке самострельной?

— Наставлять-то наставлял, да страшно за чадушек. Но без тебя — всё едино пропадут. Эх, была не была! Листик, дружину до сечи! Разобрать в возке оружие! Старшаки, чадушек обратно в деревню отведите. Набольшим здесь Зайчонок останется.

Часть незаков во главе с Листиком бросилась к карете, принялись доставать из неё самострелы и тут же взводить, натягивая тетиву специальными воротками. Заряжать боевой самострел — дело нелёгкое, сил у мальчишек ещё недоставало, трудились попарно.

— Вы с нами? — спросила Дарирада, поочерёдно взглянув в глаза Кольке, Пашке и Юрке.

— Не вопрос! Конечно! Да! — несколько вразнобой ответили они.

— А этого зачем взяли? — вдруг раздался голос Листика. Высовываясь из кареты, он в горстях держал полусонного Снежка. Котёнок, видать, только проснулся, зажмурился от яркого солнечного света, сладко-сладко и очень широко зевнул.

— Да с такой пастью он Волхва на кусочки порвёт! — пошутил кто-то из незаков. Но Дарирада нахмурилась.

— Ветрознай, ты зачем Снежка с собой взял? — сердито спросила она.

— Что ты, княжна! Ни сном ни духом! — удивлённо замотал головой тот.— Видать, сам увязался да незамеченным в карету шмыгнул. Велишь его здесь, в деревне, оставить?

* * *

Чёрный Рыцарь, недопустимо долго задержанный фрейлейн Гугу, походным шагом быстро двигался по просёлочной дороге, по которой укатила карета принцессы. Он успел уже отмахать несколько вёрст, когда увидел впереди облако пыли. Вскоре мимо него на полном скаку пронеслась небольшая кавалькада: четыре лошади, на каждой из которых сидели по трое мальчишек, и карета, вовсе улепленная пацанами, как виноградная гроздь

ягодами.

Рыцарь проводил их взглядом. Из глубины шлема донеслось частое дыхание, похожее на собачье, когда та берёт след. Затем оттуда же раздалось грозное рычащее: «Pr-r-princess!» Помянув знаменитого доннерветтера, маркграф поспешил в обратном направлении.

* * *

Когда кони домчали маленькую армию до Храма Порядка, Великое Явление уже началось. Сквозь растворённые ворота взгляду открывался большой двор. От ворот до крыльца высокой башни вела посыпанная чистейшим песком дорожка. Вдоль неё двумя рядами неподвижными статуями замерли Бессмертные, закованные в шипастые латы, в сверкающих рогатых шлемах. Пашка насчитал двадцать воинов: каждый высоченный, больше двух метров ростом, в плечах так и в самом деле поболе косой сажени. Возле башни ребята увидели и самого Тушисвета, чудовище премерзкого вида. Из непомерно мохнатого туловища, напоминавшего стог перепрелой соломы, торчала, извиваясь, длинная и толстая, как разжиревший удав, совершенно голая шея, которую венчала голова, похожая на копёшку с огромной зубастой пастью и гигантскими выпученными глазами: жёлтыми с узкими поперечными зрачками. Ноги чудища скрывались под спадающими до самой земли желто-коричневыми лохмами.

Сразу за воротами стояли столы, заставленные подношениями: продуктами, отрезами материи, изделиями из дерева и железа. Припозднившиеся горожане с поклоном клали свои дары поверх уже принесённых, быстро выбегали за черту двора и присоединялись к толпе стоящих на коленях людей. Перед столами важно ходил Гремибой, брезгливо тыкал пальцем в дары и что-то бурчал себе под нос.

Княжеская карета резко остановилась напротив ворот, подняв большое облако пыли. Тут же подскакали ещё четыре лошади, каждая из которых несла по три всадника. Незаки, скимая в руках арбалеты, горохом высыпались на дорогу.

— А ну кому жизнь дорога — вон отсюдова! — крикнул собравшейся толпе Неклюд. Взволнованный, с волосами, растрепавшимися от встречного ветра, потрясающий арбалетом в одной руке и мечом в другой, он был страшен и грозен.

Кто-то поспешил убраться подобру-поздорову, но большая часть пришедших просто замерла в оцепенении. Гремибой словно окаменел с разведёнными руками и открытым ртом.

— Стрелки, в две шеренги! — крикнул Неклюд.

Незаки выстроились в створе ворот: первый ряд — опустившись на колено, второй — стоя. Пашка, Колька и Юрка пристроились сбоку.

— В ворога целься! — скомандовал Неклюд.

Пашка поднял тяжёлый арбалет, прицелился в чудище и положил указательный палец на спусковую скобу.

— Разом! — вновь раздалась резкая команда.

Пашка нажал спуск, и арбалет тяжело дёрнулся в руках. Стайка стрел понеслась вперёд, в голову, в грудь, в шею чудовища. Однако вместо предсмертного крика монстра раздался... дробный перестук втыкающихся в дерево стрел! Ни одна не попала в цель! Тут уже оторопели все, кроме одного человека. Во внезапно наступившей тишине Пашка услышал звонкий звук взволнованный голос Дарирады:

— Да то ж морок обычный! И как я раньше не догадалась?!

Пашка увидел, как Дарирада что-то шепчет в свою ладошку. Мгновение спустя над ладошкой появился сгусток колеблющегося марева. Дарирада сделала лёгкое движение кистью, будто несильно оттолкнула этот сгусток от себя, однако тот шумно пронёсся через весь двор со скоростью метеора и попал Тушисвету в середину груди. Раздался оглушающий хлопок — и чудовища не стало. Оно не лопнуло, не разлетелось в клочья кровавыми кусками, не испарилось — просто пропало, как будто кто-то нажал на кнопку «Выкл.». Лошади, испугавшись громкого звука, взвились на дыбы, а затем понеслись прочь. Но

ловить их никто не стал — не до того.

— Схватить их! В острог их! На дыбу их! — вдруг истошно закричал вышедший из оцепенения Гремибой, топая ногами и брызгая слюной. Бессмертные одновременно, как куклы, управляемые одним механизмом, сделали шаг вперёд, на дорожку. Единым звенящим шелестом прозвучали лезвия вынимаемых из ножен мечей. Големы, как один, сделали чёткий поворот и мерным шагом направились в сторону ворот — красиво, но очень страшно. Те из горожан, что ещё оставались, в панике бросились наутёк вниз по склону Лысой горы. Только шеренги побледневших незаков остались стоять на пути Бессмертных.

— В мечи! — раздалась команда Неклюда.

Незаки бросили арбалеты на землю — слишком долго перезаряжать! — и шеренги ощетинились сверкающей сталью. Мечи достались не всем — лишь тем, кто умел наиболее ловко с ними управляться. Естественно, ни Пашка, ни Колька, ни Юрка в число мечников не попали, и им оставалось только наблюдать за происходящим.

— Помните, братья, чему я вас учил! — негромко сказал Неклюд. — Вольность и Правда!

— Вольность и Правда! — эхом отозвались мальчишки.

— Неклюд, не надобно сечи! — вновь раздался взволнованный голос Дарирады, и воевода незаков удивлённо обернулся на неё. — Тушисвета уже нет, а с этими биться — себе дороже!

— Твоё слово, княжна, — кивнул Неклюд и тут же скомандовал: — Врассыпь!

Незаки тут же припустили во все стороны. Пашка, Юрка, Колька и Дарирада со всех ног побежали к реке.

— А гоняются-то только за нами! — чуть задыхаясь от быстрого бега, крикнул друзьям Юрка.

Пашка оглянулся: действительно, все двадцать Бессмертных — в колонну по четыре, пять рядов — быстрым шагом шли за ними.

— Должно быть, за мной их Гремибой послал! — сказала Дарирада. — Разминуться нам нужно: я в одну сторону пробегу, вы — напротив.

— Да зачем это нужно! — возразил Колька. — Мы бежим быстрее, чем они идут, скоро совсем оторвёмся!

— Быстрее — да! — ответила княжна. — Но того ты не разумеешь, что рано или поздно сморишься, из сил выбьешься. А големы — они и час, и день, и месяц могут вот так шагать без устали.

— Значит, надо рвануть ещё быстрее, а потом, когда они из вида скроются, спрятаться где-нибудь! — предложил Пашка.

— Невозможно от них спрятаться. Они, как собаки борзые, по следу идут, в любом месте меня отыщут. Один у меня выход — ворожбой охоронной их встретить. В деле этом вы мне не помощники, а напротив, не в обиду будь сказано: уж больно неторопко бежите. — С этими словами Дарирада повернула направо и побежала с такой скоростью, что Колька аж присвистнул:

— Вот это да! Жила б у нас — чемпионкой бы олимпийской стала!

На пригорке мальчишки остановились перевести дух.

— Сдаётся... мне... — восстанавливая дыхание, произнёс Юрка, — что долго отдыхать... нам... не придётся...

— Да уж. — Пашка кивнул, соглашаясь с ним: колонна Бессмертных разделилась: пятеро двинулись вслед за княжной, остальные продолжали приближаться. — Что делать будем?

— А побежали-ка во-он к тому лесочку! — предложил Колька.

— Почему именно туда? — поинтересовался Юрка.

— Потому что это в обратную сторону! Надо задержать этих големов и дать Дашике время заколдовать свою пятёрку, а потом подогнать к ней остальных.

— Думаешь, она сумеет с ними справиться? — засомневался Юрка. — Вон они какие...

бронетанковые!

— Слышал же, что она про себя говорила: ведунья! Значит, что-то знает, что-то ведает. Побежали, а то эти трансформеры уже близко!

Однако бежать вдруг стало невозможно: из окружающей травы очень быстро, как пар из чайника, поднялся такой плотный туман, что не стало видно конца вытянутой руки. И был он какой-то не такой, не обычный: липкий, тягучий, как будто засасывающий.

— Ребята, где вы? — спросил Пашка в пространство.

— Здесь! — раздалось глухо, как сквозь вату.

Пашка сделал несколько шагов на звук и громко произнёс:

— Эй! Юрка, Колька, где вы?

— Пашка, мы здесь! — донеслось совсем с другой стороны.

— Да вы стойте, не двигайтесь! Я вас найти не могу!

— Мы не двига... — еле слышно, замирающе донеслось вообще неизвестно откуда.

— Ребята!

Ни звука. Туман украл свет и пространство, всё окружающее растворилось в нём. Пашка растерялся. Он потерял направление и теперь не знал ни того-, где его друзья, ни того, откуда могут появиться Бессмертные. «Они, как собаки борзые, по следу идут», — вспомнились ему слова Дарирады. Стоять нельзя, надо бежать! Но как бежать, когда земли под ногами не видно?! Но и оставаться на месте нельзя! И Пашка побрёл наугад, то и дело спотыкаясь, с опаской прислушиваясь: не раздастся ли рядом тяжёлый топот и лязг доспехов.

Сколько он блуждал в тумане, Пашка сказать не мог: то ли десять минут, то ли час, то ли вечность. Казалось, серое месиво поглотило и время. Однако совершенно неожиданно в глаза ему брызнули солнечные лучи. Проморгавшись, Пашка обнаружил, что стоит на длинном и очень высоком утёсе, уходящем далеко в реку. Вершина его, плоская и узкая, походила на дорогу без обочин: сразу за краем начинался обрыв. Пашка глянул вниз, на валяющиеся на берегу угловатые глыбы, и невольно передёрнул плечами: а если бы он в тумане не заметил края и шагнул вниз? Справа, метрах в пятидесяти, в реку вдавался ещё один такой же утёс, так же, как и этот, выступая из ровной, словно обрезанной огромным ножом высоченной кисельной стены тумана. «Колдовство, наверное... Не бывает таких туманов», — подумал Пашка и в тот же момент услышал гулкий топот преследователей.

Пятеро Бессмертных шагнули из тумана одновременно, как на параде. Пашка бросился бежать по утесу и остановился в конце, почти на самом краю. А в голове метались мысли: «Что делать? Прыгать вниз? До воды не долечу, о камни разобьюсь...» А големы всё приближались, сверкая полированной бронёй. Всё ближе, ближе...

— Пашка-а! — раздался вдруг громкий крик. На соседнем утёсе стоял Колька и размахивал руками, чтобы привлечь к себе внимание.— Пашка, бей их оберегом по кумполу!

Не совсем понимая, как может маленький кулончик остановить здоровенного бронированного монстра, Пашка всё же сдёрнул с шеи оберег и изо всей силы стал раскручивать его как кистень.

— Не подходи-и! — закричал он отчаянно, и тут... ремешок лопнул, и оберег по длинной пологой дуге улетел далеко в реку. Пашка растерянно глядел на расходящиеся круги, которые серебристый шарик оставил на воде. Сзади — шаги Бессмертных, словно молотком по сковородке. Ближе... ещё ближе... Пашка съёжился и втянул голову в плечи. Големы приблизились и... прошли мимо него! Почти одновременно они тупо шагнули с обрыва, гремя доспехами по уступам, полетели вниз, врезались в усыпающие подножие утёса валуны и рассыпались мелкими кусками сухой глины. И тут же туман исчез, сгинул, как не бывало. Вдали Пашка увидел две группы големов: пять штук стояли истуканами посреди поля, а ещё пятеро поймали Юрку и волокли его обратно к Лысой горе.

— Я, честно говоря, перепугался, когда эти пятеро из тумана появились и меня окружили,— рассказывал Колька Пашке на бегу. Втроём с Листиком они догоняли големов, захвативших Юрку.— Оружия-то нет, отбиваться нечем, а тут под руку оберег попался. Ну я раскрутил его и врезал одному из этих болванов по башке. Оберег взъярился. Пополам. И из него порошок высыпался. Синенький такой. Бессмертные сразу остановились. Тут подбегает Листик и оглоблинской бац одного по башке! Шлем-то и слетел! А башка у него — не поверишь! — без лица! И без волос! Этакое колено с ушами! Вместо рта — дупло. И глаз нет! То есть он ничего не видит, а идёт за тем, у кого этот оберег! Когда оберега не стало, они меня в упор видеть перестали!

Четверо Бессмертных несли Юрку за руки и за ноги, пятый вышагивал впереди.

— Вы что, с ума сошли? — закричал Юрка, увидев приближающихся ребят.— Бегите отсюда, они и вас схватят!

— Авось не схватят! — ответил Колька.— Уф, замучился я уже бегать-то! Ты, Юрка, билеты купил?

— Какие билеты?! — Юрка смотрел на Кольку как на повредившегося в уме человека.

— Значит, не купил! — сделал вывод тот.— А зря! Сейчас такое представление начнётся! Закачаешься!

Ловко протиснувшись между не обращающими на него никакого внимания големами, Колька быстро снял оберег с Юркиной шеи и, высоко подпрыгнув, нацепил его на один из рогов шлема шагающего впереди Бессмертного. Остальные тут же разжали руки, и Юрка плюхнулся в дорожную пыль.

— Велением Великого Волхва Тушисвета! — гулкими, словно изнутри глубокой цистерны голосами, взревели четверо.— Ты должен идти в острог и на дыбу!

— Велением Великого Волхва Тушисвета! Ты должен идти в острог и на дыбу! — прогудел вслед за ними пятый, тупо крутясь в поисках того, кого необходимо схватить. Пользуясь замешательством среди големов, Юрка прошмыгнулся между ними, отбежал подальше в сторону и стоял, потирая ушибленные места. А среди Бессмертных началась настоящая схватка: четверо пытались схватить пятого, а тот отбивался от них, потому что они мешали выполнить ему приказ. Шум и лязг стояли примерно такие же, как при крушении железнодорожного вагона, наполненного пустыми канистрами. В разные стороны разлетались части доспехов и куски сухой глины. Поле боя уже начало заволакиваться поднятой истуканами пылью, когда всё вдруг мгновенно затихло. Големы замерли в неестественных позах: это походило бы на остановившийся кадр из фильма, если бы не тихо оседающая пыль и частые зелёные искорки, во множестве прыгающие по сверкающим доспехам.

— Что здесь происходит? — раздался удивлённый голос. Мальчишки обернулись. За ними на пританцовывающей вороной лошади гарцевала княжна. В руке она держала ларец, из которого, видимо, только что достала что-то из своих ведовских зелий, с помощью которых и обездвижила тушисветовских слуг.

— А, это ты, Дарирада! — первым подал голос Колька.— До сих пор ещё носишь оберег?

— Непременно. Почто я не должна его... Погодите, а ваши-то где?..

— А ты как думаешь, почему Бессмертные погнались только за нами? А за теми, у кого оберегов не было, не погнались?

— Вот оно что! — нахмурилась княжна.— Ой, прав тятенъка! Не обереги то, а цепи рабские!

С этими словами она сорвала с шеи и бросила на дорогу свой оберег, который тут же хрустнул под копытом лошади, словно та намеренно уничтожила колдовскую мерзость. Дарирада спрыгнула с седла, подняла с дороги щепотку синего порошка, растёрла между пальцами, понюхала.

— Неведомо мне сие зелье,— сказала она.— Одно сказать могу: чую запах найди-

травы. Великой силы трава, коли сыскать кого надобно.

— Вот Бессмертные и отыскивали тех, кто Гремибою надобен! — подвёл итог Пашка.— Это что же получается?

Туши света, значит, нет и не было никогда, а заправлял всем Гремибой? Удобно пристроился! Если что не так — князь виноват! Казним его, нового поставим — и всё будет хорошо!

— А ведь и казнит, коли не помешать ему незамедлительно! — взволнованно сказала Дарирада.— Надобно возвернуться да сразиться с ним!

— Так ведь он этот... маг, чародей... — с сомнением сказал Юрка.

— Да и я ведунья!

— А справишься с ним?

— Не знаю... Но ежели не я, то более некому! — решительно сказала княжна.— Решено: иду в Храм Порядка с лютым ворогом биться. Вас со мною идти не неволю...

— Придумала тоже! Что мы, тебя одну воевать отпустим? — храбро ответил за всех Колька, хотя голос его предательски дрогнул.— Чародеи из нас, конечно, никакие, но, может, и мы на что сгодимся. Тем более Пашка сказал — миссия тут у нас. По зачистке территории от всякой нечисти.

— Благодарствую,— с лёгкой полуулыбкой чуть кивнула княжна.— А то ведь мне и в самом деле одной-то боязно...

* * *

Гремибой мерил шагами двор Храма Порядка, дожидаясь возвращения Бессмертных. Велико же было его удивление, когда те, кого он велел доставить, появились перед ним без сопровождающих. Мальчишки обступили Дарираду, которая держала на ладони колдовской амулет: плотно набитый кожаный мешочек, проткнутый вдоль вязальной спицей, отчего очень сильно походил на люля-кебаб.

— Как ни волку серому во сыром лесу, ни коршуну зоркому в поднебесье... — принялась читать заговор княжна. Однако не успела она, нехватило опыта. Гремибой оказался проворнее. Он резко выставил вперёд ладонь, что-то быстро пробормотав при этом. В тот же миг ребята почувствовали себя так, словно их быстро-быстро с ног до головы залили в гипс. Пошевелить можно было только глазами. Даже слово произнести оказалось невозможным, не шевелились ни языки, ни губы.

— Так ты у нас, оказывается, колдунья? — Усмехаясь, Гремибой забрал ларец из онемевшей руки Дарирады и высыпал его содержимое — травы, пузырьки с настойками, пакетики с порошками — на землю и растоптал.— То-то у меня последнее время неудачи одна за одной... Придётся, стало быть, и тебя вместе с твоим тятькой... Э-э нет! Тебя надобно поперёд твоего тятьки извести: он-то ведь мужик, по сути, безвредный да безобидный.

Откуда-то из подворотни выскочил Снежок. Узнав хозяйку, он радостно мяукнул, подбежал к ней и, цепляясь маленькими острыми коготками за одежду, забрался на плечо. Полизав Дарираде щёку и смахнув при этом выкатившуюся слезинку, он поудобнее пристроился, прижавшись к её шее, и довольно затаращил.

— Пожалуй что, не буду дело в дальний чулан откладывать,— продолжал Главный Хранитель.— Знавал я тех, кто откладывал, откладывал, да и сам плохо кончил. А посему прощевай, владетельная княжна. И не обещаю, что смерть твоя и сопутников твоих будет лёгкой да скорой!

Он вновь забормотал что-то себе под нос и, развернув ладони, резко выбросил их перед собой. В воздухе возник чёрный туманный шар размером с футбольный мяч. Очень быстро увеличиваясь в размерах, он начал приближаться к оцепеневшим ребятам. Ближе, ближе... ещё несколько секунд — и этот сгусток тьмы проглотит их. Пашке стало невыносимо страшно. Хотелось закрыть глаза, но веки тоже не слушались.

И в этот момент сверкнула ослепительная красная молния, пронзившая насквозь

колдовское порождение. Чёрный шар, отчаянно мотаясь из стороны в сторону и быстро уменьшаясь, взвился вверх и растаял в синеве неба. Тут же Пашка почувствовал, что снова может двигаться. Рядом ребята крутили головами — с них тоже спало заклятие.

— Не трогай! Она есть мой! Я должен выполнять её повелений! — раздался громогласный приказ. Посередине распахнутых ворот стоял Чёрный Рыцарь. Ветер красиво развевал его длинный плащ.

— Это что ещё за самовар? — зло прищурился Гремибой.

— Самофар? — Рыцарь грозно обнажил длинный меч, лезвие которого отливало синевой. — Я знайт самофар. Это есть большой тшайник! Ви есть меня обидеть! Я требовать сатисфакций! Битфа до смерть!

— Эко удивил! — скривился в усмешке Главный Хранитель. — Да вот она ужо, смертушка твоя!

С этими словами он выхватил откуда-то из воздуха огненный шарик и метнул его в маркграфа. Но тот был начеку: приняв волшебный снаряд на острие меча, тут же запустил его обратно, присовокупив к нему оболочку из тихо рокочущих красных молний. Гремибой попытался увернуться, но это ему не совсем удалось: шар зацепил его за полу кафана, отчего та мгновенно вспыхнула.

— Ох тебе, басурман! — Гремибой заполошно принял хлопать ладонями, сбивая пламя. — Ить надо ж, какую одёжу загубил бесповоротно! Одного шитья золотого сколь! А яхонты-то, а бисер заморский! Одно слово, басурман, как есть басурман! Ой, да и штанцы плисовые все в копоти непотребной! — нагнулся он, рассматривая причинённый ущерб.

Чёрный Рыцарь всё это время не атаковал, замерев в боевой стойке.

— Я ждать! Защищайся! — произнёс он.

— А то! — кряхтя, ответил Гремибой. — Зараз всенепременно оборонимся... Вот токмо...

И, не договорив фразы, из-под руки запустил в Чёрного Рыцаря зелёный извивающийся луч. Маркграф без усилия отбил его и ответил новой молнией. И поединок разгорелся. Ребята не успевали следить за мелькающими от одного колдуна к другому молниями, огненными шарами, лучами.

— Ох, не одолеть ему Гремибоя! — вдруг сказала Дарирада, воздев лицо кверху.

— Думаешь? — вскинул брови Колька. — А я бы в этом матче на чёрного поставил — мне он кажется более перспективным.

— Гремибой силу от Вечной Звезды получает, — указала пальцем вверх девочка. — А к Звезде сила из Храма идёт.

— Неспортивно как-то, — покачал головой Юрка.

— Надобно помочь воителю иноземному! — решила княжна.

— Зачем ему помогать? — удивился Пашка. — Ты что, не поняла, что ли? Это же именно его, а не нас ты вызвала своим колдовством, по твою душу он пришёл!

— Уразумела я это. Оба они моей погибели жаждут, но этот-то, чёрный, хотя бы на тятеньку не зарится! Побежали в Храм!

Кроме сражающихся чародеев, во дворе Храма никого не было, и ребята без помех добрались до входа. С трудом отворив тяжёлую дверь, они вошли внутрь и в нерешительности остановились: у второй двери в конце длинного коридора без окон маячила фигура ещё одного Бессмертного. В это время входная дверь с грохотом захлопнулась. Пашка попытался снова её открыть: бесполезно! Вроде и замка нет — а не отворяется!

— Заклинанием запечатал, — определила Дарирада, проведя ладонью вдоль косяка.

— Чего стоим? — бодро сказал Юрка. — Назад нельзя — идём вперёд!

— Так там же этот... Болван глиняный, — опасливо произнёс Колька.

— Так они же не видят ни шиша! А оберегов у нас нет!

— Этот видит... Эвон, у него в голову камень вставлен волшебный, «Вороново Око» прозвывается, — тихо произнесла княжна..

Голем стоял без шлема, над его широкими плечами возвышалось нечто, похожее на

половинку здоровущего батона с ушами, а посередине того места, где у всех людей находится лоб, посверкивал серебристыми искорками иссиня-чёрный камень.

— Авось не заметит,— уже не так уверенно произнёс Юрка.

— Как не так! Он нас уже и видит, и слышит,— ответила Дарирада, успокаивающе поглаживая Снежка: хотя котёнок ничего не понимал, ему тоже было страшно.

— Тогда заколдуй его, как тех.

— Для этого зелья требуются, а все они пятой Гремибоя изничтожены!

— Что будем делать? — спросил Пашка.

— Не стоять же здесь до скончания веков! — сказал Юрка.—Давайте хотя бы попробуем к нему подойти. Может, он и не охраняет совсем, а так стоит, для декорации...

Но как только ребята приблизились, Бессмертный заступил им дорогу.

— По велению Главного Хранителя Справедливейших Законов, ни один человек не должен войти в Храм Порядка! — прогудел он.

— Мы в ловушке! — горестно воскликнула княжна.— Впереди голем, позади — заклятая дверь! И нет выхода!

— Погоди паниковать,— вдруг сказал Юрка.— Меня брат учил, что безвыходных ситуаций не бывает. Есть у меня одна мысль... А ну-ка давайте немножко отойдём!

Все отступили в глубь коридора, и Бессмертный тут же занял свое прежнее место рядом с дверью. Юрка опустился на четвереньки и двинулся вперёд. Голем тут же вновь преградил путь:

— По велению Главного Хранителя Справедливейших Законов, ни один человек не должен войти в Храм Порядка!

— А я и не вхожу. Я ВПОЛЗАЮ! — задрав голову, возразил ему Юрка. В наступившей напряжённой тишине ребята услышали, как у голема что-то скрипнуло в его полбатоне, после чего истукан вновь занял исходную позицию. Юрка прополз мимо него, боднул головою дверь, пересёк порог и уже с другой стороны поднялся на ноги, отряхивая ладони и колени от мусора.

— Сработало! — довольно сказал он.— Делай как я!

Подхихикивая над тупостью голема, ребята проползли мимо него и оказались внутри башни. Здесь оказалось гулко и почти пусто. Снаружи через большие окна, расположенные так высоко, что через них виднелись лишь проплывающие по небу облака, доносился шум идущего во дворе сражения. Солнечные лучи ярко освещали возвышающееся посередине зала сооружение. Подойдя поближе, Пашка рассмотрел его повнимательнее.

Большой, метров десять шириной, колодец в полу забран крышкой из переплетённых железных прутьев. Сквозь решётку виднеются гладкие стены, уходящие далеко вниз, в темноту. Посередине решётки — тонкий каменный диск из синего камня с голубоватыми прожилками, над которым возвышается ажурный купол: в прихотливом узоре переплетаются металлические звери, птицы, растения. В центре диска — очень широкая, но неглубокая, похожая на большую тарелку чаша из такого же камня, что и диск. Невысоко над чашей парит в воздухе красный полупрозрачный шар. Небольшой, с теннисный мячик.

— Да это же Наливное Яблочко! — ахнула Дарирада.— Только слыхала о нём, а вижу впервые. Оно через ту дыру силушку от Матери-Земли забирает да через Звезду Гремибою передает. Надобно снять его с блюдечка, тогда у злодея не будет сил чародейских! Эх, нет со мною ларца моего, я б живёхонько Яблочко с блюдца смахнула!

Пашка огляделся в поисках чего-нибудь такого, чем можно дотянуться до Яблочка, но вокруг был лишь голый пол. Юрка, пошарив в своих необъятных карманах, выудил оттуда железяку непонятного назначения и, тщательно прицелившись, запустил ею в шар. Бросок получился очень удачным. Железяка благополучно пролетела сквозь узорные переплетения купола и звонко ударила в сверкающую красную поверхность. Наливное Яблочко от удара отлетело к краю и, будь чаша поменьше, непременно упало бы вниз. Но этого не произошло. Медленно покачавшись, словно подвешенный на длинном шнурке, взад-вперёд от одного края чаши до другого, шарик через некоторое время занял прежнее положение.

- Почти получилось! — возбуждённо закричал Колька.— Чем бы ещё в него запустить?!

Опустив голову, он охлопывал себя по пустым карманам, когда взгляд его упал на висящий на груди орден. Колька снял его и покрутил в руках. Солнечный луч, отразившись от блестящей поверхности, брызнул ему в глаз. Колька хмыкнул и, развернув орден, направил солнечный зайчик на каменный диск.

Снежок, до того спокойно сидевший на руках Дарирады, увидев солнечного зайчика, встрепенулся и возбуждённо следил за каждым его движением, а вскоре не выдержал, спрыгнул с рук княжны, протиснулся под крылом железного коршуна внутрь купола и принял солнечный зайчик на каменный диск.

— Нашёл время забавляться! — пробурчал Юрка. Но он был неправ. Колька не забавлялся. Играя с котёнком, он постепенно подвёл его к чаше, а затем и на неё. И вот уже солнечный зайчик пляшет по поверхности Наливного Яблочка.

— Молодец, Колька... — тихо, боясь спугнуть Снежка, прошептал Пашка.

Сначала котёнок с опаской обнюхивал красный шар. Но зайчик так весело прыгал по его боку! И Снежок ударил лапкой по Яблочку. Шарик закачался, и котёнок подпрыгнул на месте два раза: сначала испуганно, а потом — от восторга. Вот это да! Вот это развлечение! И он принял солнечный зайчик на каменный диск.

А ребята в это время напряжённо следили за всеми перемещениями шара, и сердца их замерили, как только он приближался к краю. Им показалось, что прошла уже вечность, когда это наконец-то случилось: после очередной атаки котёнка шар выскочил за край блюдечка и упал на камень диска. Ослепительно вспыхнуло, из колодца рванул вверх ураганный поток воздуха, раздался закладывающий уши грохот, перекрываемый отчаянным криком Дарирады: «Снежко-о-ок!»

* * *

Со Снежком ничего не случилось. Перепуганный и взъерошенный, с выпученными глазами, он сидел, съёжившись, внутри чаши: каменный диск защитил его от ветра. Ребята тоже не слишком пострадали: так. лёгкие ушибы. Чуть придавил края чаши, и они поспешили покинуть Храм, по которому гулял сквозняк: хлынувшим из ямы воздухом повысили все окна. За первой дверью они обнаружили горку сухой глины, заваленную частями доспехов. На вершине горки, венчая её, возлежало «Вороново Око». Дарирада запасливо припрятала его за пазуху.

Ребята вышли во двор. Гремибоя нигде не было видно. Над обгоревшим кафтаном, опервшись на меч, устало стоял Чёрный Рыцарь: воронёные доспехи местами погнуты, плащ прожжён в нескольких местах.

— Виктори... — хрипло и негромко произнёс он.— Я есть победитель... Штерн... Звезда погас, я сразу победиль...

Все как по команде посмотрели вверх: звезда, которую именовали Вечной, и в самом деле больше не светила с небосклона.

— Мне больше никто не мешать, — продолжил маркграф.— Ты, принцесса, давать мне задание. Я выполнять. Потом твой шизнь и душа принадлежать мне!

Несмотря на жаркое солнце, от этих слов ребят пробрало холодком: вот она, неминуемая расплата Дарирады за любовь к своему отцу.

— Я хочу... — срывающимся голосом произнесла Дарирада,— хочу жить долго и счастливо и умереть от старости!

Мальчишки радостно переглянулись.

— Это задание не есть правильное! — возразил Рыцарь.— Согласно контракт я должен делать то, для чего меня вызывал. Я могу убить любой человек! Разбить любая армия! Сровнять с землёй любая крепость! Засыпать

песком!

— Кое-что в этом духе мы уже читали! — пробормотал себе под нос Пашка. Он дёрнул девочку за рукав и, приблизившись, что-то быстро зашептал ей на ухо. Дарирада кивнула, на лице её мелькнула тень улыбки.

— Я хочу, чтобы ты засыпал песком стольный град! — уверенным голосом приказала она. Листик громко ахнул.— Но! Песок должен быть из пустыни Сахара, а приносить ты его должен не больше одной горсти зараз!

— О, доннерверттер! — в отчаянии прорычал Чёрный Рыцарь и понуро поплёлся выполнять задание.

* * *

— Вот так оно всё и было... — окончила княжна свой рассказ. Владетельный князь Семисил слушал с пристальным вниманием. В тронном зале помимо ребят присутствовали все бывшие незаки и княжеские сановники, но уже совсем не те, которых ребята видели в свите при первой встрече.— Так что мы с тобой, тятенка, премного обязаны этим отрокам: и Юрию, и Павлу, и конечно же Кавалеру моё... Послушай, Кавалер, а где твой Орден?

Колька замялся под вопросивающим взглядом Дарирады.

— Так это... — промямлил он, потирая рубашку в том месте, где ранее висел знак отличия. — Там ведь что творилось-то... Ну он у меня из руки выпал и — вжжи-у-у-у!.. В общем, упал он... в колодец...

— Не беда,— успокоила его княжна.— Тем паче что я так и не припоминаю, когда тебе его вручала. Вот и исправим оплошность! Ветрознай, добр будь, подай Орден!

Ветрознай поднёс Дарираде открытую шкатулку, и она извлекла из неё медаль — точную копию утерянной.

— Отрок Николай! — торжественно произнесла Дарирада.— Сим посвящаю тебя в Кавалеры Ордена Высочайшего Благорасположения владетельной княжны Дарирады. Прими ж этот знак, а с ним и все причитающиеся почести и привилегии.

— Спасибо... — смущённо пробормотал Колька.

— Ты хоть поклонись, что ли,— шепнул ему Пашка. Колька неуклюже поклонился.

— Отроки Павел и Юрий! — продолжила княжна.— Желала бы я и вас в Кавалеры посвятить, да орден последний остался. Но я уж наказала Добромуслу новые сделать!

— И я хочу благодарность принести! — вступил князь.— Дарую всем троим шубы со своего плеча!

— Ого! — тихо, чтобы слышали только ребята, прошептал Юрка.— Вот это награда! По нашим меркам, всё равно что Герой России!

— Быстроум, сколько шуб у меня? — тем временем поинтересовался князь у своего придворного, плотненького дядьки, которого тugo обтягивал малиновый кафтан.

— Так ить... одна и есть... — развёл руками тот.— Да и ту подготовить надо, бо на хранении она: чай, на дворе не зима студёная!

— Да-а, тugo дело... — так же развёл руками князь.— Пока новые шубы пошьют, пока я их хотя б разок на свои плечи воздену — а это ведь студёной поры дожидаться... Ну считайте, что с меня должок! А пока — желайте, чего душе хочется!

— Да нам бы желательно уже домой возвратиться,— сказал Пашка, переглянувшись с друзьями. Те согласно закивали.— Загостились мы тут. Только вот как нам вернуться — не знаем!

— Не так сложно, как думается. Камень вам поможет,— сказала Дарирада, и в её руках Пашка увидел «Вороново Око».— С ним не заплутаешь и всегда вернешься туда, куда хочешь вернуться.

С этими словами княжна подошла к Пашке и бережно опустила камень в подставленные им ладони...

* * *

Недоуменно оглядываясь, ребята стояли на освещенной луной ночной поляне.

— Это что, мы уже вернулись? — удивленно спросил Юрка.

— Выходит, так... — пожал плечами Пашка.

— А как же? Ни дверей, ни тоннеля... Вдруг раз — и на тебе!

— Наверное, время Сказки кончилось... Ой, камень!.. — «Вороново Око» на Пашкиной ладони быстро уменьшалось, словно таяло. Не прошло и минуты, как камень бесследно исчез.

Ребята грустно помолчали. Жаль расставаться со Сказкой! Хоть и непросто всё было, зато как интересно! Но рано или поздно конец всё равно приходит, и с этим ничего не поделаешь. В последний раз оглянувшись на дом, ребята направились обратно, к полянке, на которой стояли палатки.

— Ты ведь здесь батарейки подзаряжал? — спросил Колька у Юрки через некоторое время, остановившись на маленькой полянке.

— Здесь, — ответил тот, оглядевшись.

— Значит, здесь и надо искать фляжку. Только вот темно...

— Сейчас посветим! — И Юрка выудил из кармана новые батарейки.

— Чего ж ты раньше их не заменил? — удивился Колька.

— Экономил. На обратную дорогу, — ответил Юрка. — Тш-ш-ш! Кто-то идет!

Действительно, невдалеке слышались шаги, шуршание отодвигаемых веток и тихий разговор.

— Наверное, нас хватились и ищут! — прошептал Колька.

— Если бы нас искали, то кричали бы и аукали. Давайте лучше спрячемся!

Ребята забрались в кусты и затаились. Голоса слышались всё ближе и ближе. Наконец на полянку вышли трое. В руке одного из них горел фонарик, лампочка которого еле светила.

— Вот! То, что надо! — сказал тот, который шёл с фонариком. — Делаем привал для подзарядки.

Голос говорившего ошеломил Пашку, и он, вплотную придвинувшись к ребятам, тихо зашептал:

— Ребята, я знаю, кто это! Это мы сами! Наверное, мы вышли из Сказки раньше, чем туда попали! Юрка, смотри! Сейчас ты будешь стучать камнями по батарейкам!

И действительно, фонарик погас, и в темноте раздались глухие удары.

— Меня брат научил, — прозвучало из темноты. — Если батарейки сели, их надо немножко помянуть. Тогда они ещё чуточку поработают.

— Что-то пить захотелось, — донеслось еле внятно. — Кто-то ещё хочет? Компот, после ужина остался.

— А это я компотику хлебнул! Вот здорово! — тихо засмеялся Колька. — Это надо же самого себя встретить! А ну-ка!

Он приложил руки рупором ко рту и глухо ухнул. И тут же Юрка отвесил ему подзатыльник. По кустам заметался луч фонарика, и ребята вжались в землю.

— Чертовщина какая-то... — пробормотал второй Юрка. Колька не удержался и прыснул в ладонь, отчего получился звук, похожий на хрюканье. И тут же увесистый булыжник просвистел мимо него.

— Пойдём, — произнёс Пашка-два, и все трое двойников, постоянно оглядываясь назад, ушли по направлению к заброшенному дому.

— Ну дела-а-а! — протянул Колька, когда они скрылись. — Спасиочки, Юрочка! Чуть камушком мне в лобешник не засветил!

— Сам виноват! Нечего людей пугать! — хмуро ответил тот.

— А чего это "мы прятались сами от себя"? — вдруг спохватился Колька. — Подошли бы, поговорили. Рассказали бы всё, что знаем. Про Бессмертных, про Вечную Звезду, про

этого... ископаемого. Самим бы легче было! Всё было бы по-другому.

— Тогда бы и рассказывать тебе сейчас пришлось бы что-нибудь другое! — возразил Пашка.— И вышли из Сказки мы бы не в этот момент, и, может быть, не встретились бы сейчас сами с собой, и всё пошло бы по-старому. Ты фантастику не читаешь? А зря. Об этом очень много написано.

Ребята вышли из кустов. Пашка обо что-то споткнулся и, нагнувшись, нашупал у своих ног окружлый предмет.

— Смотри, Колька, твоя фляжка!

— Фляжка? Вот здорово! Я же говорил, что она обязательно найдётся!

— Погодите-ка, ребята... — сказал Юрка.— А ведь... Ну-ка быстро обратно в кусты!

— Зачем? — не понял Пашка.

— Как зачем? Да ведь сейчас вот он,— Юрка ткнул пальцем Кольке в грудь,— обратно за своей фляжкой прибежит!

— Точно! — И тут Пашку осенило.— Колька, давай сюда Орден!

— Орден? Зачем это?.. — замялся тот.

— Ты что, не понял, откуда он тут взялся? Почему ты его здесь нашёл?

— Теперь понял! — Колька достал из кармана Орден, вздохнул, потёр его о рукав и с некоторым сожалением положил на то место, где раньше лежала фляжка.

Ребята юркнули в кусты. Скоро между деревьями замелькал свет фонарика, послышался топот и на полянку, тяжело дыша, прибежал Колька-два. Пугливо озираясь на кусты, он принял тщательно высвечивать землю под ногами. Ничего не найдя, тихо сказал: «Ладно, потом...» И тут луч фонарика отразился от Ордена. Колька нагнулся и поднял золотой кругляш.

— Ух ты! — восхищённо выдохнул второй Колька и, сунув Орден в карман рубашки, побежал обратно.

Ребята с грустью проводили его взглядом. Как они завидовали им — самим себе, ещё не перешагнувшим порог в Сказку. Ведь им всё ещё только предстоит!

Эва Бялоленская
"Круг пожирателей деревьев"
(перевод с польского Маргариты Бобровской)

Давным-давно, когда я была ещё молода и наивна (а теперь я уже только молода), я решила писать научную фантастику. Разумеется, действие должно было происходить на чужой планете, и там обязательно присутствовали бы инопланетяне, ха-ха-ха... Но я не была бы сама собой, если б написала этот текст так, как полагается, традиционно, описав удалых космонавтов и космонавток (безусловно, американцев). Я же хотела представить мир, увиденный глазами чуждых нам существ, мир, где люди — захватчики, разрушители, а их поступки не отличаются ни добротой, ни благородством, ни дажеумом. Через много лет я перечитала рассказ ещё раз, поправила его, испытывая снисхождение к своему тогдашнему писательскому мастерству, а теперь вот отдаю на Ваш суд эту старую историю, рассказалную по-новому.

Серые массивные туши вайа медленно перемещались по проторённой колее. С того момента, как первые солнечные лучи просочились сквозь гущу листвы, стая тяжёлых существ неуклонно двигалась вперёд в неизменном темпе. Скорость, и так не слишком большая, должна была ещё уменьшиться к вечеру, а после наступления темноты длинный строй точно связанных невидимыми узами существ распадётся и превратится в свободное стадо, рыскающее по окрестности в поисках пропитания. Вайа буквально сметут всю растительность, которая только подходит для пережёвывания и накопления в округлых зобах.

Мерыя, расположившись на твёрдой, тёплой спине огромного животного, лениво оглядывалась по сторонам.

Однако всё чаще её взгляд обращался к мужчине, который сидел рядом на корточках, бдительно охраняя караван. Он был красив. Со своего места Мерыя видела только его спину, а когда страж равномерно поворачивал голову, высматривая опасность, очертания носа и один глаз — большой, карий. Тёмная шерсть, начинаясь на лбу у переносицы, покрывала его красиво вылепленную голову, а на затылке превращалась в густую гриву волос, ниспадавших до половины спины и вьющихся, точно гибкие, нежные веточки, лишённые листьев.

Ноздри охотника дрожали, улавливая лесные запахи: аромат свежих листьев, коры, преющего дерева, грибов, время от времени — сладковатую вонь падали. От вайа исходил собственный, неповторимый дух — запах безопасности. Мерыя уселилась поудобнее. Мимолётно коснулась своего круглого живота. Она беременна уже в четвёртый раз. И именно этот большеглазый страж — надо же, какое совпадение — был её последним партнёром. Когда полкруга назад они послушались зова чувств, принуждённые изменившимся запахом кожи, она вдруг возжелала его. Возбуждённая, готовая убить, если кто-то посмеет помешать их любовному слиянию. Но теперь Мерыя смотрела на воина почти равнодушно. Только с удовольствием думала о том, что ей попался красивый и ловкий, и радовалась, что эти черты унаследуют её большеглазые дети. Как его зовут? Мерыя порылась в памяти. Кажется, Вай-мир. Мягкое слово для резкой, хищной речи ркхета.

И тут Вай-мир вскочил, издав горловой крик-предостережение:

— Йа-а-арг!..

Враг! Над тропой вайа — короткой чёрточки среди океана зелени — мелькнули тёмные очертания широких крыльев. Хищник легко, даже лениво, ускользнул за пределы видимости, но никто не сомневался, что он очень скоро вернётся. Ещё несколько раз звучало предостережение, передававшееся из уст в уста. Стражники натянули луки в ожидании. Птица появилась внезапно, летела она уже значительно ниже, потом свернула две из четырёх летательных перепонок и спикировала к земле. Мерыя услышала короткий щелчок тетивы, ему вторили ещё и ещё, с соседних вайа. Хищник закувыркался в воздухе и камнем упал вниз.

— Это ятраб,— пробормотал Вай-мир, усаживаясь на прежнее место. Его голова снова непрерывно поворачивалась во все стороны. Молодёжь, едва прожившая один круг, с писком соскальзывала уже с крупов вайа, спеша на поиски подстреленного мяса. Светло-зелёные тела их сразу же слились с лесной чащей. Кроны деревьев рассеивали солнечные лучи, превращая их в бесконечное множество дрожащих золотых пятнышек, раздражавших глаза. Мерыя вытащила из лежащей неподалёку кучи один большой лист с мелкими прожилками. Умело свернула из него колпачок и этой шапочкой прикрыла голову. Тепло расслабляло. Она свернулась клубочком, собираясь подремать. Женщина была спокойна и безгранично доверяла бдительности своего стража. Вдруг с конца каравана донеслись новые сигналы. Резкий, пронзительный свист, принёсший зашифрованные сообщения.

— Что?.. — Мерыя очнулась. Вай-мир прислушивался.

— Ребёнок, который принёс ятраба, поскользнулся и упал в колею.

Мерыя громко вздохнула. Это наверняка был мальчик. Девочек на такие затеи не пускали. А мужчин было много. Даже слишком много.

— Какая расточительность,— проворчала она, думая о маленьком тельце, растоптанном и растёртом в бесформенную кашу. Что бы ни попало под тяжёлые туши вайа, после того как они прошли, этого уже нельзя было распознать. После погибшего ребёнка останется длинная влажная полоса, немного обломков костей и, может, какие-то обрывки кожи, которые насытят насекомых.

День был временем путешествия и отдыха. Мерыя то спала, то занималась какими-то мелкими делами, то попросту болтала с несколькими женщинами, делившими с нею широкую спину. Вскоре другой мужчина сменил Вай-мира на посту. Большеглазый страж жадно напился воды, хранившейся в скорлупе фруктов. Схватил кусок мяса и присоединился к другим мужчинам, пережёвывавшим свои порции. Между двумя кусками они обменивались

лись обычными шутками и похвальбой. Иногда посвистывали и щебетали на охотничьем языке, бросая задорные взгляды на кучку женщин. И о чём только они могли говорить? Мерыя выпятила губы в снисходительной улыбке. Они тоже заслужили капельку личной жизни. Но вскоре мужская компания стала редеть. Они расходились в одиночку и парами, утомлённые долгой службой, сонные. Вай-мир лёг неподалёку от Мерыи, прикрыл глаза повязкой из кожи, и уже вскоре бока его стали ритмично подниматься, свидетельствуя о размеренном дыхании спящего. Но покой длился недолго.

— Я голодная! — раздался крик за спиной Мерыи. Ей не пришлось даже оглядываться. Она и так слишком хорошо знала этот капризный голос. То была Керстн, самая младшая в группе. Первый раз беременна — и сразу должна была родить девочку, что окончательно намешало у неё в голове.— Эй, ты! Принеси мне мясо! — Из-за плеча Мерыи вылетела пустая скорлупа и ударила спящего стражника в спину. Он резко дернулся и, инстинктивно скривившись, перевернулся на другой бок. Мерыя круто обернулась, схватила девушку за челюсти и ударила, целясь в самое чувствительное место — слуховую мембрану. Керстн глухо завыла.

— Только посмей ещё к кому-то пристать,— прошипела Мерыя,— а я уж постараюсь, чтоб с тобой тоже что-то произошло. Отправишься в кладовую, а твоих детей доносят другие! Так что изволь расплести свои длиннющие ноги и возьми себе еду сама!

Испуганная Керстн вырвалась и удрала, спрятавшись среди других женщин. Кладовка была тем местом, о котором не говорилось, его старались избегать даже мысленно. Последние вайа, двигавшиеся в самом конце длинного каравана, предназначались для тех членов племени, от которых никакого проку не было: самые старые стражи, чьё зрение и слух уже отказывали, бесплодные женщины, не обладавшие никакими особыми талантами, позволившими бы им удержаться наверху иерархии, или дети-калеки. Им по справедливости выделялись порции еды, но они сами служили съестными припасами во время длинного и тяжёлого перехода через пустыню, где даже панцири вайа крошились от недостатка воды и пищи.

— Тяжело носить такой живот,— сказала Дерт и осторожно похлопала себя по объёмистой выпуклости.

— Вечно ты жалуешься, а выглядишь вполне довольной,— возразила Мерыя. Обе женщины рассмеялись. Они срезали с поваленных стволов бледные мясистые грибы и складывали их в корзинки из коры. Вокруг было темно, но это совсем не мешало видеть большим глазам ркхета, блестевшим во мраке точно миниатюрные солнышки. Вайа бушевали в кустах, пожирая в огромных количествах листья, вьюны и клубни, которые откапывали с помощью лопатообразных отростков на передней части панциря. Часть мужчин в поисках добычи удалилась от стоянки. Дети помогали собирать клубни и грибы, очищали от паразитов складки панцирей вайа или попросту баловались. Стадо добралось до области, где было чуть попрохладней, и растения могли расти, не заглушая друг друга.

— Уже недалеко осталось до места рождений,— сказала Дерт.— Как твои? Можно посмотреть?

Мерыя несколько раз глубоко вздохнула и расслабила мышцы. Складка посреди её туловища разошлась, образовалась щель. Мерыя осторожно расширила её руками; Дерт с любопытством заглянула внутрь.

— На этот раз пятеро.

— Ты всегда много рожаешь. Крупные и красивые. Будут прекрасными стражниками. Мерыя с неодобрением покашляла.

— Знаю, знаю. Мне не следует так говорить, но это и правда мальчики. Я по цвету знаю.

В это время совсем рядом с ними раздался пронзительный крик. Какая-то маленькая девочка сидела на земле и, держась за локоть, кричала во всё горло. Над ней склонился растерянный молоденький стражник. Дерт кинулась к ним, а Мерыя поспешила за ней. С первого взгляда женщины поняли, что с малышкой ничего не случилось, а вопит она

исключительно для большего эффекта. Но это отнюдь не смягчило Дерт, которая вцепилась стражнику в волосы и безжалостно трепала его.

— Тхерт! Мерхтворт! Ты её охранять должен! А то оглянуться не успеешь, как попадёшь в кладовку! Уж я позабочусь!

Парнишка не пробовал даже убежать или оправдаться. Он только жмурился и заслонял ладонями мембранны. А когда разъярённая женщина наконец отпустила его, он исчез в зарослях быстрее итише испуганной змейки.

— А ты не слишком строго с ним обошлась? — неуверенно спросила Мерыя. Упоминание о кладовке в присутствии ребёнка было весьма неуместно и считалось плохим предзнаменованием.

Дерт гневно фыркнула.

— «Женщина думает, мужчина действует», — привела она известное выражение. — А этот пусть научиться побыстрей действовать, будет лучше и для него, и для нас. Моеи малышке было больно!

Девочка преспокойно обедала грибами из материнской корзинки, напрочь забыв про ушиб.

— А это был не твой сын?

— Возможно. — Дерт небрежно повела носом. — Кажется, я даже помню, от кого понесла его. Это был исключительно никчёмный партнер. Жаль, что он оказался поблизости, когда пришла пора спаривания. Ни толку от него, ни удовольствия, — презрительно изрекла она, одновременно лаская дочку.

Мерыя забрала свою корзинку подальше от жадных ручек и отошла в размышление. Она никогда не задумывалась над тем, приятно или нет делать детей. И как должно быть. Известно, что дети нужны. Из большинства вырастали мужчины — руки для работы, быстрые глаза для охраны и охоты. Из некоторых — женщины, дарующие жизнь, сберегающие традиции, управляющие всем существованием и иерархией племени.

* * *

Время от времени очередная вайа спаривалась с другой. Неизвестно, кто первый из народа ркхета возвёл в таком месте великую корону дерева. Случилось это очень давно. Племя привыкло каждый раз искать на стволе новые засечки или плетёники со сложными узлами, каждый из которых имел какое-то значение. Это были приветы, вести о местах, где можно найти воду, лечебные растения или подходящий камень для орудий труда. Предостережения об опасности. Предводительницы читали послания и оставляли свои в ответ.

Но теперь на одном из таких перепутий столкнулись два стада, которые должны были благополучно разминуться!

Медлительные вайа, которые двигались впереди, растерянно приостановились, сталкиваясь тупыми мордами, но задние напирали и влезали на тех, кто перед ними. Наконец одуревшие животные сбились в огромную кучу, толкаясь и топча друг друга. Жёсткие панцири тёрлись и оглушительно скрипели. Люди народа ркхета спасались бегством, перескакивая со спины на спину, чтобы в конце концов оказаться под деревьями, где было относительно безопасно. На глазах Мерыи какая-то девочка сползла по пологому заду и соскользнула вниз, беспомощно царапая панцирь. В последний момент стражник схватил её за волосы и, рискуя сам упасть, вырвал у смерти. Некоторые — более слабые или медлительные — оказались менее счастливыми. Отовсюду доносились пронзительные свистки стражников и голоса женщин. Распластавшись на панцире, Мерыя видела, как последние представители обоих племён укрылись в лесу.

— Прыгай! — услышала она. Это к ней подполз Вай-мир.

— Не могу! Не могу! — простонала она. Мерыя и в самом деле не могла. Её

парализовал страх.

— Можешь! Ты сумеешь! — кричал стражник, дергая её за руку.— Давай, а то ударю!

Угроза была столь неслыханной, что Мерыя растерялась и позволила ему подтащить себя на край панциря.

— Прыгай!!

— Не мо...

— Это просто!

Внезапный толчок в спину лишил её равновесия, и ей пришлось прыгать. Приземлилась она неудачно, ударившись коленями о твёрдый панцирь. Вай-мир опустился рядом. Поскользнулся, в отчаянии раскинул руки, ища хоть какой-то опоры. Но прежде чем он соскользнул туда, где внизу, точно алчущие челюсти, терлись друг о друга тяжёлые пластины, Мерыя схватила его за ремень, опоясывавший торс, и дёрнула к себе. А сама уже вполне надёжно вцепилась в сгиб панциря.

— Легко? — огрызнулась она.

— Дальше...— буквально выдохнул он.

Люди из обоих родов, сначала испуганные, смешавшиеся в одну копошающуюся кучу, понемногу начали разделяться, собираясь вокруг своих предводительниц. Матери звали дочерей, опекуны собирали детей и пересчитывали их. Стражники перекликались, потом снова собирались в группы и отыскивали своих подопечных. Мерыя наблюдала за этим со стороны, склонившись у подножия огромного дерева. Она только успокаивающе подняла руки, когда женщина с её вайа мимоходом глянула на неё. Предводительницы, собирая сведения, переходили от одного кружка к другому. Кто погиб? Кто ранен? Они давали указания и ободряли. Понемногу утихало тревожное пофыркивание вайа в колее. Скоро там всё успокоится. Вожаки стад продолжат путь, а за ними тронутся остальные, как это происходит уже тысячи кругов. И ещё до того, как наступит темнота, они вообще забудут, что извечный ритм их передвижения был чем-то нарушен.

Мерыя наблюдала, как две предводительницы, как бы случайно передвигаясь от одной кучки людей к другой, всё ближе сходятся друг с другом. Наконец они встали лицом к лицу. Предводительница чужого рода была особой весьма внушительной. Высокая, худая, мускулистая, как охотник. Голову её украшали пучки степных трав, образуя как бы высокую, светлую гриву. Зеленоватую кожу женщины покрывали тёмные извилистые линии. Когда она остановилась, Мерые на мгновение показалось, что предводительница вообще исчезла, остались от неё только эти росписи и светлое пятно гривы, точно повисшей в воздухе. Во-грут из рода Мерии рядом с «Гравастой» казалась намного меньше, нежнее и старше, чем была на самом деле. А единственным её украшением было «кожерелье судеб», на котором она увековечивала рождения и смерти. Но не стать определила её высокое положение в племени. На животе женщины виднелось девять выколотых и окрашенных тёмной краской плодознаков — столько, сколько девочек она произвела на свет, И хотя последний период спаривания уже не принёс ей детей, Во-грут сохранила руководящее положение благодаря живому уму и твёрдой руке. На властную позу Гравастой она ответила позицией, выражавшей нейтралитет, и не пошевелилась, пока та, помедлив, не последовала её примеру.

— Неожиданная встреча,— первой отозвалась Во-грут. Гравастая мгновение помолчала.

— Опоздание, вайа шли медленно,— ответила она наконец, неторопливо выговаривая слова. Её речь поначалу была едва понятна. Она изобиловала приыханиями и чуждо звучавшими слившимися звуками.

— А почему опоздание? — Во-грут мгновенно приспособилась, стала говорить просто и неспешно. Гравастая присела, совсем уже расслабившись, и Во-грут последовала её примеру. Ладони полосатой женщины двигались в сложной жестикуляции, глаза рассеянно блуждали. Она подыскивала слова.

— Мало еды для вайа. Нет деревьев.

Слушатели, с любопытством наклонившиеся к беседующим женщинам, обменялись неуверенными взглядами.

Кто-то покашливал, тоном выражая сомнение. Не было деревьев?. А куда они делись?

— Съедены. Пожиратели Деревьев пришли, и нет деревьев,— прибавила Гравастая.

— Огонь? Горячо? — спросила Во-грут, имея в виду лесной пожар. Её собеседница задумалась, мысленно перебирая слова и связи между ними.

— Нет! Нет, нет! — вдруг резко возразила она.— Пожиратели Деревьев! Ничего чёрного, ничего тёплого. Мало пепел.

— Пожиратели Деревьев? Кто видел?

— Никто не видел,— продолжала Гравастая.— Земля говорила: чужое племя, много чужие вайа. Очень чужие,— подчеркнула она.— Наши вайа долго искали еду. Два день-ночь. Опоздание. Трудно. Плохо.

Она раздражённо похлопала себя по худым щекам. Во-грут поняла, что больше ничего не знает. Она наклонилась к Гравастой.

— Мало врагов тебе, много детей, чистой воды и много еды каждую ночь,— пропела она.

Полосатая женщина повторила её жест. Их ноздри сблизились, ловя запахи друг друга.

— Мало врагов тебе, чистой воды и всегда довольно еды,— повторила напев Гравастая, тактично опустив слова про детей при виде плоского живота Во-грут.

Предводительницы разошлись в разные стороны. Люди обоих родов возвращались к своим привычным делам. Заботились о детях, сторожили, собирали пищу. Но Мерью мучило предчувствие перемен и опасности.

* * *

Лист покрывали жёлтые и коричневые пятнышки. Он выглядел как кусочек больной кожи. Мерья смяла его в пальцах. Потом разгладила и снова смяла. Монотонное движение успокаивало. Она боялась. Страх наполнил её так давно и был так неизменен, что она привыкла с ним жить.

Ужас пришёл много ночей назад. Ещё до того, как мир заболел, до того, как пришли Пожиратели Деревьев.

Место рождений встретило род глухой тишиной. Спутненные птицы покинули гнёзда, вездесущие мелкие зверюшки исчезли. Точно тут прошло огромное стадо слепых вайа. Землю кое-где покрывали вонючие пятна. Рождественские деревья, повреждённые у оснований, клонились в разные стороны. Многие вообще пропали, будто их и правда пожрало какое-то страшное, огромное чудище. В стволах других зияли дыры, точно проделанные гигантскими зубами. Многие деревья были повалены, а в сетке переплетённых корней белели мелкие кости. Мерья услышала, как кто-то рядом с ней прошептал:

— Дети...

Она не знала, кто это произнёс. И, парализованная осознанием чудовищной катастрофы, не могла даже голову повернуть. Освободил её только крик, раздавшийся чуть позже.

— Мои дети!!! Мои дети-и-и...— завыла одна из младших женщин, она билась головой о землю и в порыве безумия калечила себя. Матери разбежались в разные стороны, отыскивая деревья, которым круг тому назад доверили своё потомство. Вскоре крикам первой женщины уже вторили вопли и стоны остальных. Мерье не пришлось долго искать «свое» дерево. В сплетении корней лежащего на земле развесистого ствола белели останки её сыновей. Она ударила кулаками дерево, которое так её предало. Потом снова ударила, ещё сильнее, и так раз за разом. Только бы хоть чуточку заглушить боль, разрывавшую сознание. Чьи-то руки обняли её и оттащили прочь, извивающуюся и кричащую. А она царапала эти сильные руки. Кусала пальцы, пытавшиеся заслонить ей глаза.

— Угерхс!! Хватит!! Хватит!! — услышала она грозный окрик.

Мимо пробежала предводительница Во-грут — само воплощение гнева. Изрыгая

проклятия, она пинала ошеломлённых стражников, раздавая им приказы. Тормошила ополоумевших от горя женщин. Щедро рассыпала направо и налево оплеухи и затрешины, нарочно метя в самые чувствительные места: ноздри и слуховые перепонки.

— Хватит! Успокойся,— решительно сказал мужчина, удерживавший Мерью.

Она узнала голос Вай-мира. Женщина тяжело дышала. Он отпустил её, но его руки, уже соскользнув вниз, коснулись выпуклого живота Мерии и задержались на нём чуть дольше, чем следовало. Так, значит, вот о ком он беспокоился — о детях. Не хотел, чтобы она, корчась и катаясь по земле, причинила им вред. Мерья резко оттолкнула стража.

— Со мной всё в порядке.

Она двинулась к Во-грат, которая собирала весь род вместе. Вай-мир пошёл за ней, тихий и бесстрастный, как тень.

Как же легко было столкнуть её жизнь с проторённой колеи. Слова предводительницы: «Ни один ребёнок не выжил. Теперь кто-то должен остаться, чтобы позаботиться об остальных». Потом она перебрала палочки и узелки в «ожерелье судеб» и... жребий пал на Мерью. Избрана, выпихнута из членов рода, брошена.

* * *

— Мерья!

Она очнулась. Лист, который она безжалостно теребила, уже совсем ни на что не был похож. Огромные глаза Вай-мира на его худом лице казались ещё больше.

— Больно? — спросила она. — Нет.

Он изменил позу, защелестев листьями на ложе.

— Не можем мы всё время есть грибы, — сказал он.

— Знаю, — коротко отозвалась она.

— Нам нужно мясо.

— Знаю! — уже громче повторила она с раздражением. Приближались сумерки — скоро наступит пора охоты.

Мерья принялась укреплять на плече предохранительный щиток. Он был идеально подогнан. Сделал его Вай-мир во время вынужденного безделья. Лук стражника для женщины оказался немного великоват, но Мерья хорошо с нимправлялась. Стрелять она научилась методом проб и ошибок. Плача от боли в стёртых тетивой пальцах и ладонях с набухшими кровавыми оттисками. Плакала она и от собственной беспомощности. До сих пор ей не удалось никого подстрелить. Она не умела подбираться к добыче. Даже когда она подкрадывалась так осторожно, как только могла, живое мясо всегда успевало увидеть или услышать её. Вай-мир ел принесённые женщиной грибы, корешки и ягоды, но этого не хватало. Сломанная нога охотника не хотела срастаться. Он худел, слабел, кожа становилась всё тоньше и приобретала цвет блёклых побегов. Не раз Мерья размышляла над тем, почему в тот памятный день она настояла, чтобы он остался с ней.

Потому что он был отцом её детей? Какое это имело значение. А может, причиной было то, что ему удалось переломить её страх перед прыжком со спины разъярённого вайа? Или же, наконец, попросту потому, что привыкла к его присутствию? Как её спихнули с привычного пути жизни, так и она потянула его за собой. Вувчье и, возможно, в смерть.

— Ты должна что-нибудь принести. Иначе мы умрём. Мерья хлопнула себя ладонями по щекам. Он был прав.

Он настолько был прав, что она едва могла это выносить.

— Я могла бы съесть тебя, — буркнула она. — Как тех.

— Я думаю, ты этого не сделаешь, — ответил мужчина. — Ведь тогда ты осталась бы совсем одна.

— Думаю тут я! — возразила она.

Во-грат, выделив ей стражников, на самом деле назначила Мерью предводительницей,

почти равной себе. Да, теперь Мерыя должна была думать, принимать решения и назначать мужчинам соответствующие задания. Только какой ей прок от этого мышления, если для распоряжений у неё остался только один, да и тот раненый?

Таша за собой лук, она выползла через узкое отверстие из шалаша. Рядом, в двух шагах от неё, стояло подобное же (хотя и большее) сооружение — связанные волокнами ветки, прикрытые листвами. Когда-то из него доносились звонкое охотниче щебетанье товарищей Вай-мира, а теперь шалаш был пуст. Мерыя старалась не смотреть туда, поймав себя на совершенно неуместном чувстве вины. Она старательно связала ремешки перевязи, укрепив колчан на спине. Моросило, и в воздухе держалась едва заметная дымка. Всё вокруг блестело, омытое обильной влагой, ярко сверкало сочными жёлтыми и алыми красками. Насыщенные дождевой водой мхи приобрели тёмно-коричневый цвет. На чёрной волглой коре рождественских деревьев простирали явственные ржавые заплаты ростков. Мерыя отряхнула влагу с волос, прекрасно понимая, что это напрасный труд. И так она вскоре будет насквозь мокрой, как мох под ногами. Болезнь мира проявлялась, помимо пожелтения и опадания листьев, ещё и бесконечными дождями и холодом.

«Может, завтра будет потеплее», — подумала она, но сама в это не верила.

Солнце ушло вместе с вайа, лес умирал, ничто уже не двигалось к улучшению. Она обошла рождественские деревья, как делала это ежевечерне, проверяя, не грозит ли что новому поколению. У подножия одного из деревьев мелкий зверёк увлеченно разгребал землю. Пушистый хвост развеялся в воздухе, короткие лапы стремительно работали, расшвыривая комочки земли. Мерыя швырнула в него обломком сухой ветки, который рикошетом отскочил от ствола и попал прямо в маленького копателя. Тот отпрянул, стрекотнул, приоткрыл острые зубы. А потом немедленно скрылся в гуще поваленных мёртвых стволов, волоча за собой хвост, точно бесполезное украшение. Мерыя опустилась на колени и заглянула в вырытую яму. Зачерпнула несколько пригоршней земли, чтобы оценить ущерб. Пронырливые звериные лапки обнажили мелкую сетку корешков, обволакивающих плод рода ркхета предохраняющим коконом. Когда Мерыя прикоснулась к корням, они вздрогнули и плотно оплели её пальцы. Мерыя легла на землю, чтобы заглянуть поглубже. Её зрачки растеклись в два огромных чёрных пятна, чтобы зрение приспособилось к темноте. Из ямки глянули на неё два мутных глазка — миниатюрные копии её собственных, а маленькая лапка расправила четыре крошечных пальчиков. Мерыя глубоко вздохнула, очарованная неожиданно открытым чудом. Когда матери доверяли своё потомство корням рождественских деревьев, дети были ещё бесформенными комочками величиной с мужской кулак, с несоразмерно большими рыльцами. Их опускали в ямки, устланые пережёваными листьями, малыши тут же впивались острыми зубами в подсунутый корень, и оторвать их не было никакой возможности. Мелкие корешки заботливо их оплетали. Рождественские деревья кормили своих подопечных древесными соками, а взамен получали их отходы.

Теперь поредевшая роща приняла на себя значительно большее бремя. Многие деревья погибли, а те, что выжили, кормили теперь во много раз больше плодов, чем обычно. Справятся ли они? Мерыя надеялась, что да. На всём пути следования их вайа была только одна роща рождественских деревьев. Если она погибнет, умрет и всё племя. Мерыя засыпала яму и положила сверху тяжёлый обломок ветви, чтобы предохранить от нежеланных гостей. Она пообещала себе, что поставит такие же заслоны в других местах. Но позднее. После охоты.

* * *

Всё было как обычно. Мерыя возвращалась с пустыми руками. Охваченная отчаянием, она пробовала ловить даже те существа, чья окраска предостерегала, что они несъедобны. Она убила и пробовала съесть существо со склизкой пятнистой шкуркой — оно оказалось

слишком медлительным, чтобы ускользнуть. Но Мерыя тут же извергла проглоченный кусок, а потом долго отплёвывалась, стараясь избавиться от мерзкого вкуса во рту. Снова оставалось только собирать малопитательные грибы, которых и так было всё меньше и меньше. Мерыя тяжело перескочила через ручеек, который ограничивал с одной стороны рождественскую рощу. И присела на другом берегу. Длительная голодовка привела к тому, что даже после небольших усилий приходилось отдыхать. Женщина зачерпнула пригоршню воды, которая была такой ледяной, что суставы начинали от неё ныть. Время бодрствования заканчивалось. Небо серело. Скоро взойдёт солнце. Не то, которое знала прежде Мерыя, а новое — бледное, как она сама, и чахлое, как все вокруг. В грязи на берегу ручья отпечатались следы зверей. Мерыя поначалу бездумно смотрела на них. Но вдруг она оживилась. Стадо должно было насчитывать, по крайней мере, несколько голов. Они пришли на водопой.

— «Женщина думает, мужчина действует», — прошептала она, склоняясь над следами. — Так думай же! Думай и действуй!

Следы, хоть и глубокие, уже отчасти размыл дождь. Они не были свежими. Как давно их оставили?

— Думай!

С прошлого захода солнца? А может, стадо придёт сюда ещё раз? Может, оно всегда сюда приходит? Мысли Мерыи текли точно миниатюрные вайа по своим тропам. Она почти ощущала чудный вкус свежей крови и мяса. Убить и съесть! Как?.. Ждать. Как? Укрыться. Каким образом? На дереве? Как?.. Зеленоватая кожа ркхета, которая раньше прекрасно сливалась с лесом, теперь резко выступала на ярком фоне, как нечто чуждое и ненатуральное.

— Думай! Думай! — шептала Мерыя своему отражению в воде. Над плечом искаженного волнами образа что-то трепетало. Запутавшись в растрёпанных волосах, на затылке у неё торчала веточка с одиноким листком, который дрожал от лёгких дуновений ветра, точно нежное крыльшко насекомого. Как... кисточка степной травы. В мгновение ока Мерыя представила себе предводительницу чужого племени, украшавшую волосы травой. Расписанная извилистыми полосами, она сливалась с окружением, пропадая из виду у изумлённых людей.

Дрожа скорее от возбуждения, чем от холода, Мерыя набрала пригоршню желтоватой глины и начала размазывать ее неровными пятнами по своей коже. У неё было такое чувство, будто она творит нечто поистине великое. Что определит судьбу её и Вай-мира.

Укрывшись в кроне дерева, золотистая среди золотистой листвы, она терпеливо ждала. Что-то будто окаменело в ней. Все чувства — голод, отчаяние — заменила эта путающая терпеливость. Она готова была ждать в этом месте хоть до смерти.

* * *

Животные появились с первым лучом солнца, который просочился сквозь редкую завесу листвы и заплясал на поверхности воды. Это были стройные создания, ржаво-коричневого цвета, с длинными задними ногами и ещё более длинными хвостами. Мерыя медленно натянула лук. Каменный наконечник стрелы некоторое время неуверенно колебался, нацеливаясь то в голову, то в туловище или в бедро.

«Не стреляй в голову, стрела соскользнёт по кости», — вспомнила она слова Вай-мира.

Тетива зазвенела, и стрела воткнулась зверю в бок. Короткий болезненный вскрик вспугнул остальных. С бешеною скоростью, но плавно и грациозно они перескочили через ручей и исчезли между деревьями. Подранок тоже пытался спастись бегством, но упал на другом берегу, трясясь и перебирая задними лапами в помутневшей воде. Мерыя соскочила с дерева, от возбуждения даже забыв про высоту и чуть не переломав себе ноги. От удара коленями в грудь у неё перехватило дыхание. Она неуклюже вскочила, опираясь руками,

кашляя и пробуя вздохнуть. Но это всё было неважно. На расстоянии протянутой руки лежало мясо! Её мясо!

Женщина перебралась через ручей, бредя чуть не по пояс в воде. Тяжелораненое животное перевернулось на спину, из последних сил пробуя защищаться и размахивая ногами с большими твёрдыми когтями. Мерыя ловко уклонилась от этих ударов. Подобралась к своей слабеющей жертве со стороны головы, вонзила пальцы в ноздри животного и одним движением ножа распластала ему горло.

Вскоре она уже сидела рядом со своей добычей, напившись крови, и облизывала испачканные ею ладони. Промокшая, она дрожала от холода, но полный живот был великолепной наградой за охотничьи труды.

* * *

Шатаясь от усталости, она наконец доволокла до шалаша свою добычу, размером почти с неё саму. Встревоженный Вай-мир ждал снаружи. Он, должно быть, уже довольно долго так сидел, потому что посерел от холода, а мех под носом встал дыбом, и каждая волосинка была украшена маленькой капелькой. Он глянул на вымазанную глиной Мерью, на её добычу и попросту расхохотался. Долго раскачивался, покряхтывая и ударяя себя кулаками в грудь.

— Одурел?! — просипела Мерыя, глядя на этот приступ хорошего настроения, и быстро заслонила рот ладонью, чувствуя, как её губы сами приподнимаются к ноздрям в невольной ответной улыбке.

— Как ты выглядишь! — простонал Вай-мир.

Мерыя глянула на свои пятнистые руки и тоже безумно расхохоталась от облегчения.

Они ели и ели, так что наконец почти не могли уже двигаться.

— А что это за зверь такой?

Теперь, когда пустой желудок уже не заслонял целый свет, Мерыя задумалась, кого она всё-таки подстрелила. Насколько она помнила, ни один охотник ещё не приносил ничего подобного. Вай-мир долго рассматривал уже обгрызенную добычу, в задумчивости взъерошивая мех над мембранными.

— Кечтгрент-ра. Зерноглов, — наконец сообщил он.

И правда, узкий череп животного напоминал продолговатое зёрнышко.

— Откуда ты знаешь? — спросила Мерыя.

— Придумал. Я был один из лучших в придумывании историй, — Вай-мир посмотрел на Мерью, задорно шевеля носом.

— Значит... они новые? — Она коснулась пальцем мёртвой головы и тут же отдернула руку, точно животное могло ещё её укусить.

— Тут всё новое, — ответил Вай-мир.

— Кечтгрент-ра прибыли сюда? Как вайа?

— Наверное.

Мерыя подняла глаза на кроны деревьев, с которых осыпались листья.

— Всё меняется, всё двигается, — медленно проговорила она. — Когда мы передвигались с вайа, листья всегда были одинаковые и звери были те же самые в привычных местах. А теперь всё выглядит так, будто мы остановились, а всё остальное пустилось в путь.

Она не рассчитывала, что её товарищ поймёт точный смысл, который она имела в виду. И даже, кажется, боялась понимания с его стороны. Её беспокоили те черты, которые открывались в мужчине, ведь раньше он просто существовал рядом как представитель другой, полезной, но не до конца познанной расы.

— В последнее время у меня было много времени для размышлений, — сказал Вай-мир, поглаживая ногу в лубке. — Может, всё всегда двигалось, только мы этого не замечали?

— Двигается всё, кроме нас,— перебила Мерыя.

— Нет,— возразил он.— Мы тоже двигаемся, а ты даже больше, чем я.

Он снова глянул на свою сломанную конечность, но Мерыя откуда-то знала, что он не имел в виду своё состояние.

* * *

Новый способ охоты давал свои результаты. Мерыя каждый раз приносила добычу, иногда небольшую, но никогда уже не возвращалась с пустыми руками. Часто это были такие животные, которых они ни разу в жизни ещё не видели. К «зерноглову» скоро присоединился «нююхач» с длинной мордой, украшенной пучками шевелящихся усов, «греболап», убитый, когда он рылся в лесной подстилке, несколько «пятнашек» и, наконец, опасный «когтят», который едва не покалечил охотницу.

Мерью всё больше увлекала охота. Она перестала быть трудной обязанностью, а стала возбуждающим и даже приятным занятием. Ей нравилось рисовать на коже жёлтые и коричневые рисунки, дающие невидимость. Иногда она подкрадывалась и замирала в зарослях в шаге от кормящегося стада лесной мелочи — только для того, чтобы понаблюдать за животными. Она чувствовала себя более крупной, сильной и очень опасной. Вай-мир был прав: она «двигалась».

Мерыя приносила добычу, а Вай-мир набирался сил и все больше работал. Он выделявал шкуры добытых животных. С некоторых терпеливо соскрёбывал волосы, резал на полосы и сплетал из них целые охапки ремней и канатов, предохраняющие щитки, перевязи для инструментов.

— Для чего тебе столько? — спрашивала Мерыя.— Только шалаш забиваешь. Повсюду лежат шкуры.

— Пригодятся,— уверял он её.— Я люблю, когда у меня руки чем-то заняты. А потом, приятней укрываться мехом, чем холодными листьями.

Кончились трудности с едой, но холод остался и даже увеличивался, так что Мерыя оценила усилия товарища, когда возвращалась в шалаш мокрая и промёрзшая.

* * *

Сменяли друг друга дни и ночи. Мир двигался по своей колее к неведомому. Мерыя и Вай-мир перемещались по лесу как два едва уловимых призрака. Яркая раскраска на их телах уступала место чёрным и коричневым цветам по мере того, как пуша замирала, объятая вездесущей влажностью.

Нога большеглазого ркхета срослась немного криво. На бегу он прихрамывал и слегка пошатывался, что производило впечатление какого-то странного танца. Но ведь увечье не мешало ему сидеть в засаде на звериных тропах. А стрелял он так же точно, как и раньше. Мерью раздражало только его увлечение всякими чудными вещами. Он собирал листья, скорлупу, копался в земле. Терял время, разглядывая зубы убитых животных, осматривал их лапы, раздувал мех. Иногда разрезал им животы и проверял, что они ели.

— Зачем ты это делаешь? — не выдержала однажды рассерженная Мерыя.

— Пригодится,— спокойно ответил он.

— Копание в кишках этих жирных вонючек может пригодиться?! — фыркнула Мерыя, пхнув ногой добычу.

— Верно, они жирные,— согласился Вай-мир.— А я хотел бы знать почему. Что они едят, чтобы стать такими толстыми? Может, и мы можем это есть? Я учусь всему новому. Это может оказаться важным.

Сидя на корточках над выпотрошенной добычей, покрытой маскировочным рисунком,

с вымазанными кровью руками, он походил на демона из рассказов для детей.

— Может, я узнаю и совсем неважные вещи,— продолжал он,— но это будет ясно потом. А пока я делаю то, что делаю. Я хочу понять всё это.

Он широким жестом обвёл лес вокруг себя.

«Обучение» всегда состояло в том, чтобы слушать старших женщин, которые рассказывали, как было прежде и как должно быть теперь. Существовало много сказаний, содержащих знания. А вот теперь этот... этот мужчина говорил Мерые, что знания есть также в земле, в деревьях и в мясе. Это звучало просто кощунственно!

Женщина огляделась по сторонам. Ничего, буквально ничего не осталось от того мира, который она знала. Никто ей не скажет, что делать. Она сама должна была искать ответы на все вопросы так, как тогда, когда раскрасила себя глиной и убила зерноголова.

Следуя примеру Вай-мира, Мерыя стала собирать самые малые и на первый взгляд неважные частички знаний о мире. Она научилась находить удовольствие в вопросе: «Зачем? Для чего?», даже если временно он оставался без ответа. Оба они давали наименования животным, растениям и местам, беря их, таким образом, в своё владение... Вай-мир поддерживал Мерью своей тихой рассудительностью и терпеливостью, она же делилась с ним своей сообразительностью и жизненной силой. Сами того не замечая, они приспособливались к новому миру, врастали в него. И вот однажды в сумерках Мерыя во время обычного обхода рождественской рощи остановилась и подняла глаза к чернеющей на фоне пепельного неба путанице ветвей. Она протянула руки, коснувшись соседних стволов. Вай-мир последовал её примеру. У них мёрзли ноги, погружённые в слой опавших листьев. Пальцы поглаживали скользкие неровности коры.

— Я чувствую себя как дерево,— прошептал Вай-мир.

— Корни питаются землёй, а ветви — небом,— тихо произнесла Мерыя.— Думаю... мне кажется...

— Что?..

— Мир не умирает. Он попросту спит.

— Э-э-э... Значит, он проснётся.

— Э-э... Да, проснётся.

* * *

Маленький зверёк, обитавший в норке между корнями, осторожно высунул наружу мордочку. Пучок волосков дрожал, улавливая запахи и звуки. Мерыя почмокала, терпеливо приманивая трусливое создание. Зверёночек подался назад, а потом снова выглянул, разглядывая чужака чёрными кругленькими глазками. Ответил на чмоканье задиристым «чек-чек», потом окончательно скрылся, видимо решив, что и так был достаточно доверчив.

— Он выглядит вполне здоровым и довольным,— сказал Вай-мир.— Тебя это интересовало?

Мерыя плотно закуталась в кусок меха.

— Становится холоднее, а ему хоть бы что, а ведь он такой маленький.

— У него есть мех.

— Мы тоже позаботились о том, чтобы его иметь,— возразила она.— Немного помогает, но не так, как бы хотелось. Этот малыш зарылся под землю. Интересно, зачем?

Размышая, Вай-мир невольно пощипывал шерсть под носом.

— Прячется от врагов,— произнёс он.— Хотя это не лучший способ. Греболап легко выкопал бы его.

— А может, эта норка очень глубокая? Мерыя по локоть засунула руку в нору.

— Кажется... Эй!!

Она резко выдернула руку. Глянула на укушенный палец, потом стряхнула с него капельку крови.

— «Зубатка»? — предложил Вай-мир.

Она рассмеялась и облизала след от мелких зубов.

— Кажется, не слишком глубокая, но... внутри тепло!! — закончила она с торжеством.

— Значит, мы тоже выкопаем себе нору,— решил Вай-мир.

— Хм. Большую нору!

* * *

Строя новое убежище, они использовали углубление под одним из рождественских деревьев, которое пострадало от Пожирателей, но не засохло. Оно наклонилось, а от окончательного падения его удерживали соседние деревья. Несколько дней Мерыя и Вай-мир попеременно выгребали из-под корней землю, песок и камни, роя всё более глубокую яму. Они старательно обходили толстые корни, а маленькие сами отступали перед ними, ища себе новое место. Убежище под деревом получилось низкое и не слишком просторное. Внутри едва хватало места, чтобы лежать. К удовольствию Вай-мира, нашлось применение для кипы старательно обработанных шкур — он покрыл ими стены, чтобы удержать осыпающийся песок. Устланная мехами землянка превратилась в удобное, тёплое и безопасное жилье. Когда они, прижавшись друг к другу, чтобы было теплее, первый раз легли там, Мерыя подумала о маленьких ркхета, спавших и росших вокруг. Она сама теперь, как ребёнок, отдыхала в надёжных объятиях рождественских деревьев.

Из пучины зелёных снов Вай-мира вырвало ощущение, будто приближается что-то новое и тревожное. Вход в землянку явственно белел в полумраке. Вай-мир потихоньку выбрался из-под одеяла. Осторожно, точно трусливый зверёк, высунул голову наружу. Лишь спустя несколько мгновений глаза привыкли к ослепительному блеску.

— Да пусть меня съедят!! — воскликнул мужчина.

Всё вокруг стало однотонно белым. Воздух, который до сих пор был просто холодным, теперь стал таким ледяным, что от него ныли ноздри. Вай-мир почувствовал, что Мерыя подталкивает его сзади, и выполз из короткого туннеля, освобождая для неё место.

— Что это? — изумилась она, погружая ладони в ледяной белый пух.— Семена?..

— Семена чего? Эй-эй! А это больно! — Вай-мир с несчастным выражением лица переступал с ноги на ногу. Мерыя нырнула обратно в нору и вынесла первый попавшийся кусок шкуры.

— Встань на мех.

Вай-мир растерянно оглядывался по сторонам. Насколько хватало глаз, тянулась гладкая белая поверхность. Лёгкий пух осел даже на кронах деревьев и тонких ветках. Мерыя увлечённо исследовала новое явление.

— Это не семена.

Пригоршня белого «нечто» не имела никакого определённого вкуса. Если её растереть в ладонях, она пропадала, оставляя влагу. Мерыя полизала мокрую руку.

— Это вода! — с удивлением поняла она.

Вай-мир собрал горсть белизны и смял её в комок с явственно отпечатавшимися следами пальцев.

— Вода... Но откуда это взялось? Выросло или как?.. Оба как по сигналу взглянули на небо, потом друг на друга.

— Опять что-то надо называть. А я уж начинал привыкать. Я точно стебель травы. Едва ветер наклонит меня в одну сторону, как снова начинает дуть с другой — и мне опять приходится сгибаться.

Он качнулся вперёд и назад, с забавным озабоченным выражением на лице, потерял устойчивость и плюхнулся на холодный пух.

— Эй! Эй!

Он тут же вскочил и отряхнулся. Мерыя смеялась, развеселившись от его выкрутасов.

— Ну и как ты это назовёшь? Ты же чуть не самый хороший рассказчик историй!
— Дорт'тефх. Семена дождя.

* * *

Дорт'тефх оставались в течение нескольких ночные-дней. А потом исчезли, и двое ркхета уже думали, что больше их не увидят, но однажды утром в воздухе снова закружили белые лоскутки. «Семена дождя» падали гуще и гуще, наконец они укрыли всё вокруг толстым слоем и теперь уже остались надолго. Два стебля травы спокойно склонились под ветром судьбы. Умело связанные куски шкур хранили их от кусающего мороза. Мерыя придумала, как защитить ноги, завернув их до самых колен в длинные полоски меха, а Вай-мир ещё улучшил результат, смазав шкуры жиром. Они теперь охотились в открытую, выслеживая дичь по длинным цепочкам следов, оставленных на предательской белизне. В течение пары дней пропали греболапы. Зато появились нахальные кртуры-плоскозубы, от их прожорливости приходилось охранять кору рождественских деревьев.

«Семена дождя» и не собирались исчезать, наоборот, они всё прибывали. Зато стало меньше дичи и труднее было её поймать. Однажды худой отчаявшийся когтяр пробовал отобрать у охотников их добычу, и с тех пор Вай-мир носил его пятнистую шкуру.

* * *

Горьковатый стойкий аромат женской кожи плотно и тяжело осел в ноздрях Вай-мира, от него невозможно было избавиться. Мужчина шёл вслед за этим запахом, петляя между деревьями и оставляя за собой извивающийся след. Он был бос, но не чувствовал холода. Жар крови, струившейся в его теле, доводил его до безумия. Он уже давно сорвал с себя мех и нёсся прямо так — обнажённый, взъерошенный, дикий. Испуская глухие вопли, бил на бегу пальцами о шершавую кору, раздирая кожу до крови. Её капли падали на белизну дорт'тефх, напоминая раздавленные ягоды. Следы Мерыи окружали деревья, петляли, возвращались. Она не выбирала дороги. Убегая, она пересекала овраги, наполненные «дождевым семенем», продиралась сквозь заросли, оставляя на колючках прядки волос, чей запах ещё сильнее подхлёстывал вожделение мужчины. В одном месте даже упала. Вай-мир со стоном рухнул на отпечаток тела своей избранницы. Глотнул пригоршню белизны, которая не принесла ему облегчения, потом снова сорвался и побежал дальше, не отрывая глаз от следов. Бег его неожиданно закончился у пары стройных зеленоватых ног. Прекрасная, как лист, пахнущая горькой корой женщина ждала его, чтобы он наполнил её новой жизнью.

* * *

— Ты не должна так делать. Меня чуть не разорвало,— пожаловался Вай-мир, прекратив ненадолго лизать покалеченные ладони.

— Но ведь тебе понравилось, верно? — спросила Мерыя, вызывающе прогибаясь назад.

— Верно,— признался охотник и улыбнулся, блеснув "глазами.— Повторим в следующий раз? — Ноздри у него похотливо дрогнули.— Уфф... Только уж тогда ты будешь бегать за мной!

Это предложение так рассмешило женщину, что она просто вынуждена была покататься по дорт'тефх. Он присоединился к ней, и вскоре они снова любили друг друга среди поскрипывающих сугробов, не ощущая холода, согретые своей страстью. Привлечённый пылкими воплями хищник приглядывался из-за деревьев к тому, что казалось

ему жестокой борьбой не на жизнь, а на смерть. Нервно облизываясь, он то напрягал, то расслаблял мышцы, оттягивая прыжок. Но потом отказался от нападения и ушёл искать менее опасную добычу.

* * *

Любовники возвращались в своё убежище под рождественским деревом. Страсти понемногу успокаивались. Вай-мир всё время невольно ощупывал спину в поисках ременной перевязи.

— У меня даже ножа нет,— жаловался он.— А что будет, если мынаткнёмся на какого-нибудь зубастого и голодного зверя?

— Влезем на дерево,— отвечала Мерыя, шедшая за ним.— Иди скорей, мне холодно.

Охотник внезапно остановился, и Мерыя налетела на него.

— Что?..

Вай-мир молча всматривался в ряд глубоких ямок, пересекавший их протоптанную тропинку. Глаза стража раскрывались всё шире. Вдруг он со свистом втянул в себя воздух. Мерыя заглянула в ближайший след. Дорт'тефх на дне его был сбит до прочности камня с явным трёхлучевым узором. Она знала, кто оставил эти следы. Воспоминания, которые они с Вай-миром старались вытеснить на самое дно памяти и заслонить новыми впечатлениями, сейчас вернулись с силой налетевшего урагана.

...И снова всё вокруг стало зелено и молодо, горячее солнце рассыпало свои золотые улыбки по нагретым листьям. Мерыя дремала перед шатром, а Вай-мир, как обычно, сторожил её сон. Трои других стражей бродили по рождественской роще. Блаженный покой был прерван страшным криком. С этого момента события запечатлелись чередой то затуманенных, то выразительных до боли образов. Вай-мир, застывший в напряжённой позе. Раздираемый между обязанностью охранять женщину и желанием прийти на помощь товарищам. Мерыя помнила, как ветки хлестали её по лицу и как жёстко стиснули плечо пальцы её стража, когда он потащил её за собой. Тело кряжистого стража, залитое кровью. Располосованное ужасным ударом. Внутренности, валяющиеся на запачканной земле. Широко открытые, изумлённые глаза — точно смерть застала его врасплох.

Жуткое существо, стоявшее на лесном холмике, огромное, как гора. Его верхние конечности напоминали могучие ветви деревьев, по которым лениво ползали молнии. Громадный, чуждый глаз. Тёмный, блестящий, точно у насекомого, панцирь. Мерыя снова ощутила тошнотворную вонь пришельца. Увидела его лицо — омерзительное, бесформенное, точно кто-то вбил ей щёки в глубь черепа.

Стрелы Вай-мира не причиняли демону вреда. Они торчали из его большого тела, безвредные, точно птичьи перья.

Страшные, блестящие когти, готовые нанести удар.

Последняя стрела охотника.

Потрескавшаяся кора сухой ветки под пальцами женщины.

Прыжок.

Удар вслепую.

Вспышка.

Гигантская фигура, падающая на крошечного стража.

Мерыя опустилась на колени, заломила переплетённые руки над головой. Она могла думать только об одном: вернулся... вернулся... вернулся... вернулся...

— Стражница!

Мерыя подняла голову. Как он её назвал?

— Стражница!

— Яне...

Он перебил её:

— Мы теперь оба стражники. И мы уже убили одного Пожирателя Деревьев и то же самое сделаем с другим!

— Я даже не знаю, как это произошло,— мрачно возразила Мерыя.— Я его огrelа, а он попросту упал.

— Утыканный моими стрелами. Мерыя бледно усмехнулась.

* * *

Пожиратель Деревьев не появился. Старые следы замело, но тревога осталась. Стражники-ркхета теперь старались не слишком далеко отходить от своего жилья. Стали более внимательными. Беспечная погоня по лесу показалась им теперь недопустимым легкомыслием. Когда вскоре снова вернулся аромат горькой коры, а с ним и возбуждение, они поспешили совокупляться, не испытывая от этого особой радости. Точно призрак Пожирателя Деревьев стоял за их плечами, что бы они ни делали.

Первым добрые вести принёс ветер. Повеял уже забытым теплом, и «семена дождя» стали исчезать, открывая коричневую землю. Мир пробуждался ото сна, как и предчувствовала Мерыя. Они с радостью приветствовали первые зелёные побеги и первого греболапа, возившегося в грязи среди талой воды.

«Скоро вернутся вайа»,— повторяли они ежедневно. Мерыя при этом таинственно улыбалась, а Вай-мир был задумчив и как бы чуть грустен.

Они больше не находили следов присутствия Пожирателей, но их бдительность не ослабевала. Они жили в постоянном ожидании опасности, и, когда на одном из деревьев среди старых шрамов обнаружилась свежая рана, а вытоптанный мох подтвердил, что тут прошёл кто-то тяжёлый, они даже почувствовали облегчение.

— Началось,— объявил Вай-мир.

— А может, он больше не придёт,— но в голосе Мерыи не было уверенности.

— Он возвращался уже три раза. Думаю, их, по крайней мере, несколько. Одному не удалось бы повредить столько леса.

— В одиночку он справился с тройкой хороших стрелков. Он огромный,— ответила Мерыя. Она замерла, обхватив себя руками за плечи, будто хотела уберечь себя саму. Широко открытые глаза её смотрели куда-то вдаль, ничего не видя. Вай-мир ждал, не смея ей мешать. Такое же выражение на лице он видел когда-то у Во-грт.

— Огромные, тяжёлые...— шептала Мерыя.— Тяжёлые... Они ходят по земле, а мы... мы можем влезть на дерево. И притаиться... Там они нас не достанут... И не схватят, даже не увидят. Невидимые ркхета.

Вдруг, уже очнувшись и ожив, она радостно посмотрела на стражника, раздвигая губы в улыбке.

— Мы будем на них охотиться! Сверху! Вай-мира одолевали сомнения.

— Мы можем сидеть на дереве целыми noche-днями, а ни один Пожиратель Деревьев так и не пройдёт под нами. Это ж не зерногловы!

Мерыя склонилась к нему с хитрым выражением на лице.

— Нет, не зерногловы. Но каждого зверя можно чем-то приманить, а я, кажется, знаю, чем можно приманить Пожирателя.

* * *

Останки Пожирателя Деревьев лежали там, где они их оставили. Небрежно прикрытые ветками и пальми листьями в неглубокой яме. Откапывать их было не слишком приятно. Тошнотворная вонь разложения поднималась в воздух.

Они открыли гниющее тело, и Мерыя заставила себя посмотреть на жуткую маску его

лица.

— А это что?

Вай-мир палкой поднял маленький череп.

— Трупояд,— ответил он сам себе, прежде чем Мерыа успела опознать клочки полосатого меха.

Они огляделись по сторонам.

— Тут их много.

На трупе чужака и поблизости от него валялись скелетики мелких поедателей падали. Пять... семь... всего их было с полтора десятка.

— Да пусть меня сожрут! Что тут произошло? Вай-мир долго раздумывал, потом осторожно сказал:

— Они, кажется, отравились. Хорошо, что мы его тогда не съели,— добавил он.

Мерыа даже посерела от отвращения.

— Фу-у-у-у... Перестань!

Мёртвый Пожиратель Деревьев уже не казался таким огромным. Он, собственно, даже не мог сравниться по величине со свежевылупившимся вайа. С помощью верёвок и кольев им удалось вытащить труп из ямы и подпереть его жердями.

— Выглядит не слишком-то хорошо,— решил Вай-мир.— Точно на четвереньках ползёт. Ну и дохлый он...

— А он и не должен выглядеть живым. Его просто должно быть видно,— прошипела Мерыа.

— Лапы слишком большие. Вот его и перекаивает вперёд,— продолжал Вай-мир.— Да ещё эта скорлупа...

Он постукал палкой по спине Пожирателя. Подумал и стукнул ещё раз.

— Долго ты ещё будешь развлекаться? — огрызнулась Мерыа, беспокойно оглядываясь.

У неё всё время было такое ощущение, будто из окружающей их зелёной чащи на неё смотрят чьи-то враждебные глаза.

— Послушай,— сказал Вай-мир, снова стуча по панцирю. Он схватил за пучок толстых жгутов, торчавших из затылка трупа, и потянул. Что-то тихо треснуло, и часть панциря отогнулась.

— Он пустой в середине! У него панцирь, как у вайа! Вай-мир слегка очистил кусок огромного плеча. Из-под

накопившейся грязи простирали нерегулярные зеленоватые, коричневые и чёрные пятна. Нож зазубрился о твёрдую и гладкую поверхность.

— Интересно, что у него внутри? Мерыа похлопала товарища по щеке.

— Следующего ты сможешь разобрать на кусочки. Он, по крайней мере, будет свежий. Но этот следующий сначала должен быть убит, ясно?!

Вай-мир покорился.

— Понимаю. Только ещё одно...

Мерыа, хоть и разозлившись, решила ещё чуток потерпеть.

— Поедатели падали только надкусили Пожирателя и сдохли. А там, где на землю вытекла его кровь, ничего не растет. А если б он сожрал трупояда, или кого-то из нас, или вообще хоть что-нибудь — он бы тоже сдох?.. Понимаешь...— Он говорил, торопясь, видя, что Мерыа вот-вот треснет его в нос— Я вот подумал: мы можем смазать наконечники стрел кровью...

Мерыа не опустила занесённой для удара руки, но, вместо того чтобы ударить, нежно расчесала пальцами шерсть на лбу охотника.

— «Женщина думает, мужчина действует»? Ну-ну... если б Во-грт слышала...

Она коротко рассмеялась.

— Пойдём, мужчина, поищем какой-нибудь отравы для твоего чудовища.

* * *

Мерыя натянула тетиву, стараясь взглядом найти мягкие места между частями панциря. Пожиратель Деревьев с лёгким треском пошевелился. Она опустила лук, мысленно ругая себя.

Она наткнулась на Пожирателя во время обычного обхода по краю рождественской рощи. Его пятнистый панцирь сливался с листвой, и Мерыя только случайно заметила его. Она осторожно отступила за дерево и вглядывалась в широкую спину врага, решая, что делать дальше. Место, которое они выбрали для ловушки, находилось за много вай-рт отсюда. Там Вай-мир и Мерыя знали каждый пригорок, каждую ямку, каждый куст и ветку. И наметили себе быстрые перебежки с дерева на дерево, от одной кроны до другой. Незаметные под слоем маскирующей раскраски, на безопасной высоте, недосягаемые для Пожирателей Деревьев.

Мерыя сняла стрелу с тетивы и сунула её обратно в колчан. Вай-мир стрелял лучше её. Стараясь избегать резких движений, она нащупала пальцами босой ноги камушек, подняла его и кинула. Он загремел по неровной поверхности панциря укрывшейся в зарослях фигуры. Пожиратель Деревьев резко повернулся. Потом с хрустом и странным визгом, ломая ветки, выскочил из кустов. Мерыя первый раз услышала его голос — невероятный язык, в котором чуждые слова звучали будто протяжный звук спускаемой тетивы.

— Без-ззззззззз...

Мерыя прижалась спиной к толстому стволу, мечтая, чтобы кора расступилась и укрыла её.

— Зеепеет гоот... кееллиоан...

Земля дрожала, когда чужак проходил мимо, отделённый от Мерыи только тонким — и каким тонким! — стволом дерева. Тихая и неуловимая, как тень, женщина проскользнула под низкими ветками. Обошла медлительное чудище сзади и, укрывшись среди спасительной зелени, с громким треском обломила сухую ветку. И вот так подразнивая чудовище, кидаясь в него кусочками коры, шелестя листьями, она вела его прямо в ловушку. Проползала под прикрытием густых трав, забиралась на деревья, перебираясь поверху. Наконец она увидела мёртвое тело, бессильно обвисшее на подпорках. Она прощебетала условленный сигнал. Раз и ещё раз. Вай-мира она не видела и даже не старалась его разглядеть. Ей достаточно было знать, что он есть где-то там, начеку — как всегда, надёжный.

Пожиратель Деревьев остановился, поражённый неожиданным зрелищем. Некоторое время он что-то бормотал бренчащим голосом, насторожённо оглядываясь по сторонам. Мерыя, укрывшись на дереве в раздвоении ствола, нетерпеливо грызла пальцы. Где же стражник? Тем временем Пожиратель подошёл к трупу, непропорционально огромной лапой начал стирать засохшую грязь с панциря мертвеца. Но тут же зашатался и громко закашлял, хватаясь за своё горло, где вдруг расцвела стрела. Задыхаясь, он размахивал огромными ручищами. Что-то с частым треском, точно внезапно хлынувший ливень, ссыпалось с него и понеслось в лес, сдирая кусками кору и срывая листья. Мерыя, укрывшись за деревом, послала свою стрелу. Она попала великану в живот. Он вслепую кинулся в лес, а Мерыя с изумлением и дикой радостью осознала, что враг удирает. Очередная стрела Вай-мира нашла чувствительную точку на ноге беглеца. Хромая, он проковылял ещё несколько шагов и упал, неловко шевеля конечностями, как подыхающий рак. Вай-мир вынырнул из зелени неподалёку от поверженного врага. Он осторожно приближался к лежащему, держа нож наготове. Пожиратель Деревьев был ещё жив. Он задыхался, выкашливая струйки ярко-красной крови. С протяжным, пронзительным «винг-кланг» из тяжёлой лапы высунулись блестящие когти. Вай-мир отскочил. Но это была уже последняя угроза Пожирателя. Больше он не двигался.

Вай-мир с любопытством наклонился над неподвижным телом. Он увлечённо

исследовал непонятное соединение не-кожи, не-камня и не-дерева. Ковырял, царапал, тянул. И тут вся верхняя конечность Пожирателя Деревьев с громким хлопком отделилась от остального панциря и покатилась по траве. Из-под панциря показалась уже совсем другая рука, значительно более тонкая, с локтем, запястьем и ладонью без длинных когтей — хотя на ней было целых пять пальцев и только один — большой. Выглядела эта рука очень странно... как будто её покалечили. Мерыя мрачно наблюдала за действиями стражника. Вай-мир потянулся к огромному блестящему глазу Пожирателя, но Мерыя схватила его за руку и остановила.

— Нет. Перестань.

— Почему?

Мерыя глянула на бесформенный нос и полуоткрытые губы, за которыми виднелись плоские и ненормально белые зубы — это были единственные не покрытые чем-то участки тела мёртвого существа. Цвет его кожи был странный, похож на гриб, растущий на стволах поваленных деревьев.

- Если я увижу, что у него под этим тоже есть два глаза, как у нас, то потом не смогу их убивать.

Громкий шелест раздвигаемых ветвей и треск сухого хвороста вовремя предупредил охотников. И они успели мгновенно укрыться до появления следующего Пожирателя Деревьев. Как и первый, он приостановился около трупа. Потом заметил тело своего товарища. Медленно приблизился к нему, настороженный и напряжённый, всё время оборачиваясь и оглядываясь. Верхние его конечности, прикрытые несуразно толстым панцирем, совершали короткие округлые движения.

— Неточный выстрел,— прощебетал Вай-мир.

— Подожди,— по-птичьи свистнула Мерыя. Пожиратель склонился над убитым. Перевернул тело

навзничь.

— Он видит наши стрелы,— просвистела охотница.

— Неважно,— ответил стражник.

Пожиратель Деревьев выпрямился, что-то говоря самому себе.

— Коррииелл ззорт изздеед... уогт...

Дальнейшие его слова заглушил внезапный грохот. Необычайная сила потащила Пожирателя, швырнула его в воздух. Он свалился в густые заросли, раскидывая вокруг обломки панциря. На кусочек свободного от деревьев пространства упала огромная тёмная фигура ещё одного существа. Оно явно тоже принадлежало к расе Пожирателей, но было не пятнистое, а матово-чёрное. И значительно больше! Намного, очень намного крупнее, как поняла помертвевшая от страха Мерыя. Оно наступало на поваленного Пожирателя, занеся когти для удара. Со стороны раненого донёсся громкий рев, и наступающий... разлетелся на куски! Звук удара промчался над охотниками точно тяжёлый зверь, вдавливая им мембранны в черепа. Заставляя втискивать лица в мох и жёсткие сухие листья. Что-то шипело, трескалось, разрывалось. Наконец наступила тишина.

— Пусть меня... съедят,— слабо выругался Вай-мир. Мерыя осторожно пошупала свои мембранны и осознала, что странный шум звучит у неё в голове. Затаив дыхание, охотники выглянули из своего укрытия. От чёрного Пожирателя Деревьев осталось только приличное углубление в земле, раскиданные вокруг обломки панциря и куски мяса. Мерыя и Вай-мир ошеломлённо осматривались. Маленькая полянка выглядела так, будто на ней рылось целое стадо обезумевших греболапов.

— Быть не может,— пробормотал охотник.— Да пусть меня съедят, это неправда!

Мерыя легко дёрнула его за волосы.

— Не пьялься так. Пойдём посмотрим, не слишком ли кровавит тот, второй. А то он лежит слишком близко от рождественского дерева.

Тело Пожирателя полулежало, опервшись на густую поросль молоденьких деревьев. Растрескавшийся панцирь частично отпал, открывая искромсанное содержимое.

— Мёртв,— оценил Вай-мир.

— Ты всё ещё хочешь посмотреть, что у него внутри? — мрачно спросила Мерыя.

— Нет,—ответил он коротко и указал на лицо Пожирателя.

Блестящий щиток треснул и раскрошился. Открытое таким образом веко Пожирателя Деревьев дрогнуло и поднялось. Глаз был маленький и светло-зелёный. Мерыя прерывисто вздохнула, когда этот глаз посмотрел прямо на неё. Толстые губы существа растянулись, показав грозные зубы.

— Эл... вес... — выдохнул он из последних сил.

— Ух... ходим-м отсюд-да!.. — дрожащим голосом потребовала Мерыя.

* * *

— Вайа приближаются! — прокричал Вай-мир с верхушки дерева. Он тут же соскользнул на самую нижнюю ветку, повис на ней, зацепившись руками, и соскочил на землю рядом с Мерыей, которая заканчивала рисовать извилистые линии на своей коже.

— Значит, кончился ещё один круг,— сказала она.— Крут Пожирателей Деревьев. Какой будет следующий?

— Не знаю,— ответил Вай-мир, присаживаясь.— Может, у меня его вообще не будет? Я же хромой, Мерыя.

— Ты великолепный! — уточнила она.— Во-грт никогда не пошлёт тебя в кладовку, пока моё слово ещё хоть что-то значит!

Она встала, приняв задиристую позу.

— Как я выгляжу?

Вай-мир с пристрастием оглядел её. Тяжёлая жизнь в лесу закалила её. Она очень внушительно смотрелась с охотничьей перевязью, с ножом и луком. Волосы на затылке связаны в узел, украшенный двумя когтями Пожирателя Деревьев.

— Во-грт не сможет нам ничего приказывать,— сказала она, вызывающе поводя носом.

— Хм?.. — с сомнением ответил Вай-мир.

Мерыя взяла посудину с краской и нарисовала себе на животе три плодознака.

— ОГО!!! И ты ничего не сказала!.. — потрясённо вскрикнул Вай-мир. Сразу три женских зародыша у одной женщины — это было неслыханно.

— Были более важные дела,— небрежно ответила Мерыя, но она явно была довольна произведённым впечатлением.— Во всяком случае, Во-грт ничего нам не может сделать. Это Я буду новой предводительницей.

Вай-мир с непроницаемым выражением лица играл с ножом, тоже изготовленным из когтя Пожирателя. Мерыя обняла его голову обеими руками и нежно прижалась носом к его носу.

— Во-грт уйдёт вместе с вайа, а с нею — те, кто захочет. А другие выберут лес и племя Стражников. Наши дети снова будут выбирать, и их дети тоже.

Вай-мир поднял нож, так что лезвие сверкнуло в солнечном луче.

— Нас ждёт хорошая жизнь,— удовлетворённо сказал он.— Может, и короткая, но интересная.

Эва Бялоленская "Angelidae, или ангелоподобные" (перевод с польского Маргариты Бобровской)

Бывшая рыночная площадь Длинный (Дlugий) Тарг — сердце старинного Гданьска — в четыре часа утра, как всегда, была пустынна, безлюдна, очищена от голубей и даже, можно смело утверждать, декотизирована, поскольку все бродячие кошки Старого города, успешно

завершив ночные прогулки, хоровое пение под окнами горожан и посещение мусорных куч, вернулись уже в свои дома, подвалы или на старую кошачью базу на Оловянке. Небо румянилось на востоке, точно девица на первом свидании. Чердаки и мансарды старинных каменных домов уже приветствовали раннее начало дня, подмигивая глазами-окнами, а в узких ущельях улиц и на просторной площади всё ещё медленно и сонно бултыхалась ночной мгла и сивые испарения, точно в кotle неряшливой ведьмы, забывшей снять посудину с огня, перед тем как пойти спать. Почекневший Нептун, расположившийся под (а скорее над) адресом Длинный Тарг, 81, уныло косился с крыши вниз, на вход в ближайшую пивную, а более крупный двойник морского повелителя в фонтане на площади с презрением игнорировал это заведение, выплёскивая струйку воды со скучающим и горестно-озабоченным выражением каменного лица.

Какой-то страдающий от бессонницы голубок застонал, прикорнув на лепнине, украшавшей дом, но тут же умолк, возможно почувствовав, как глупо и не к месту разевать клюв в столь раннюю пору. И снова воцарился глубокий покой — сюда не доносился даже извечный шум двигателей с ближайшего шоссе, точно весь старый центр города кто-то укрыл под гигантским чехлом.

Как уже было замечено, ни одна живая душа не могла оценить этот магический раннеутренний час, поскольку даже гражданин, расположившийся в живописной позе на ступенях, ведущих к входу в старинный Дом купеческого собрания, иначе Артуров Двор, не слишком активно взаимодействовал с окружением. Другими словами, он просто тихо и неподвижно возлежал на холодных ступеньках, оперев голову на задницу каменного льва. Столь странное место и положение, похоже, ни в коей мере не мешали оному обитателю, а уж тем более льву.

И только появление двух городских блюстителей порядка, которые возникли из глубины пикасовской перспективы улицы Длинной (точнее, Дlugей), выходившей на Длинный Тарг, слегка нарушило застывшее спокойствие псевдостаринной архитектуры. Их башмаки на толстых резиновых подошвах не издавали ни малейшего звука. Стражи городского порядка с не слишком уверенным видом пялились на изученное до мельчайших подробностей зрелище многочисленных витрин кафешек, пиццерий и магазинчиков с сувенирами.

— Господи, да тут, блин, прям жуть какая-то,— буркнул один, а другой скривился.

— Ну так сразу и «жуть»... Тихо тут, вот и всё. Никто пустые бутылки в стены не швыряет, пьячуги не волят во всё горло, вот и тихо... — ответил он и тут же понизил голос, потому что на пустынной улице слова прозвучали как-то странно — глухо, безжизненно, точно тонули в невидимом киселе.

— Глянь! Наш клиент на одиннадцати часах.— Полицейский толкнул товарища в бок.

И вот они уже стоят над мужчиной, прижавшимся к каменному заду символа Гданьска, точно к пуховой подушке.

— Да он, похоже, не дышит! — с тревогой заметил один полицейский и неуверенно вытащил радиотелефон.

— Зеркальцем проверь! — удержал его товарищ.

— А что я тебе, педик, что ли? Откуда у меня с собой зеркальце? — буркнул первый, напряжённоглядящаясь в лицо предполагаемого трупа.

Словно почувствовав этот взгляд, гражданин вздрогнул и начал громко и равномерно сопеть, точно матрас надувал.

Полицейские с облегчением вздохнули. Один из них по-*I* тормошил лежащего за плечо.

— Ради бога...

Спящий медленно приоткрыл один глаз.

— И Сына, и Духа Святого, сын мой... — пробормотал он.

Стражи порядка слегка прибалдали.

— Во, хрен, да это, видать, ксёндз... — предположил полицейский, который-не-носит-

зеркальца.

— А матушка моя так хотела, чтоб я в монахи пошёл,— с глубоким отвращением сказал его напарник.— Классно бы я сейчас выглядел.

— Так этот вроде светский ксёндз, не монастырский.

— Эй, да ты послушай, что ты мелешь: «светский ксёндз» какой-то!

— Ну что, берём его или, может, положим перед Моряцким костёлом? Утром откроют на мессу, так причетник его и подберёт.

Тем временем предмет обсуждения со страдальческим выражением лица приоткрыл другой глаз и, слегка кося, глянул на двух служащих городской полиции. Потом, видно решив, что они ему просто привиделись и сие видение лучше вообще проигнорировать, снова задремал и даже начал похрапывать.

С ратушной башни планировали вниз голуби. Один за другим рассаживались они на бортике фонтана и железной ограде вокруг него, круглые птичьи глазки не отрывались от полицейских, которые всё ещё препирались, что же делать с найденным на ступенях даром судьбы.

Скоро число голубей возросло почти до сотни, им стало несколько тесновато.

— Гражданин, вы нарушаете... э-э-э... общественный порядок! — заявил полицейский, который-чуть-не-стал-монахом, потянув лежащего за рукав пиджака.— Придётся встать и пройти с нами.

— «Гражданином» называли при коммунистах,— буркнул его напарник.— Вставайте же, чёрт подери! — Полицейский крикнул, но голос его утонул во мгле, как в вате.

Реакция «гражданина» была весьма странной. Не открывая глаз, он сунул руку во внутренний карман — оба полицейских машинально стали нащупывать парализаторы в кобурах — и вытащил... мобильник. А потом направил его в сторону надоедливых полицейских, точно пробовал отключить им звук пульта дистанционного управления, как в телевизоре. Блюстители порядка в Старом городе и его окрестностях одновременно раскрыли рты, соколиный взор их помутился, а секундой позже они оба уже нерешительно переминались с ноги на ногу.

— Ну эта... Пойдём, что ли? — И они удалились неверными шагами по направлению к Зелёным Вратам.

Голуби заворковали с одобрением. Мучимый похмельем гражданин тупо взглядался в клавиатуру своего «эриксона», потом его внимание обратилось к старинному фонтану и резво струящейся воде. После героического подъёма в вертикальное положение бедолага попробовал преодолеть ограду, ёжившуюся ужасными остриями из кованого железа, которые, видимо, должны были оберегать памятник от вандалов, а на самом деле являлись недоступным объектом страсти местных охотников за ломом. Гражданину в пиджаке каким-то чудом удалось преодолеть ограду, не наколовшись на железные пики. Голуби в презрительном молчании соизволили освободить ему место. Вода как ни в чём не бывало продолжала соблазнительно журчать. Обладатель мобильника (и приличного похмелья) наклонился над каменным бассейном...

— Приветик, Фанни,—лениво изрекла дева, плававшая в бассейне. На ней был чёрный топик из эластика на бретельках-шнурочках, а изготовитель её кожаных шортов бесстыдно экономил на материале. На физиономии мужчины появилось выражение умственного усилия.

— Э-э-э-э-ы-ы... Эйшет? — неуверенно спросил он хриплым голосом.

— Эйшет отпала ещё в «Летучем голландце»,— ответствовала дева.

— Кама? — снова рискнул мужчина.

Девица повела глазами, а её собеседник, не выдержав дольше, подставил голову под хлорированную струю, которую извергал лев Нептуна, и, судя по выражению на морде, вода уже одарила зверя препаскудной язвой желудка. Довольно долго слышно было только бульканье: Фанни усердно пытался погасить похмельный пожар.

— Это ж я, Эрос! — фыркнула девица, когда он наконец вынырнул.— Совсем крыша

съехала, что ли?

У мужчины даже челюсть отвисла.

— Парень, да ты просто псих... — простонал он.

— Только не псих! Ты лучше Психею сюда не примешивай. Впрочем, я всегда чувствовал себя немного женственно, дорогой Фанес³, — прибавил (прибавила?) Эрос, соблазнительно поводя бедрами.

— Нет, ты точно ненормальный.

— Ох, и кто это говорит! Тот самый, что в Сода-кафе всех пораспихивал, когда отплясывал пого.

— Пого? — Фанес скривился, прижав палец к виску.

— Именно пого, — повторил Эрос, радостно ощерившись. — В бассейне с макаронами. Честно говоря, эффект был бы лучше, будь у тебя волосы подлиннее.

— Не знал, что тут есть бассейн с макаронами.

— С сегодняшнего дня есть.

— Ага... Где Загреус? — Фанес с подозрением огляделся.

— Последний раз я видел его в «Абсенте». Возможно, он до сих пор там пьёт. — Эрос оперся локтями о край фонтана. Вода с него лилась ручьями, но ему это, по всей видимости, никаких неудобств не доставляло.

Голуби вдруг разом вспорхнули, заслоняя небо тучей шелестящих крыльев. Некоторое время птичье торнадо вращалось на месте, а потом из него возникла некая фигура в ослепительно-белом одеянии, точно с рекламы отбеливающего стирального порошка.

— Жалкое зрелище, — сообщил новоприбывший, откинув со лба золотистые волосы. Его прекрасно очерченные губы презрительно кривились. — Маклер и гуляющая девка... — Он окинул взглядом Эроса и Фанеса. — Воистину жалкое зрелище.

За его плечами радужное мерцание обрисовывало размытый контур огромных крыльев.

— Позёр, — снисходительно фыркнул Эрос, поведя точёными плечиками. — А что такого дурного в проститутках? Они играют важную общественную роль.

— У вас, господа, серьёзные проблемы, — издевательски продолжал ангел. — Руководство весьма недовольно, я бы даже уточнил, «весьма» — это слишком слабое слово. Что можете сказать в свое оправдание, ангелочки?

— Тоже мне, было бы о чём говорить, ну развлеклись мы немного под конец сезона, — буркнул Фанес, с деланой небрежностью махнув рукой.

— Только не «ангелочки»! — тут же огрызнулся в ответ Эрос, скрестив руки на мокром бюсте. — Ангелок — это ты, а мы творческие Божьи создания. Как это говорится: крутые мужики. Дошло до тебя, ангелок на побегушках?

— Или крутые тёлки, — тихо пробормотал Фанес.

С губ крылатого посланца не сходила слашавая усмешка.

— Ну-ну... посмотрим, куда денется эта ваша «творческая одарённость», когда вы запоёте где-нибудь в последнем ряду среди трёх сотен других хористов. Сопрано, — мстительно уточнил ангел с плохо скрываемым удовлетворением. — Одиннадцать нелегальных зачарований. Три из них закончились неразрешённым внебрачным сексом! Об остальных эксцессах даже вспоминать грех. У вас сутки на то, чтобы прибрать за собой весь этот бардак. А если нет... Его Святейшество Абалидот предпримет надлежащие меры.

Произнося эти слова, ангел сбросил на землю что-то блестящее, а потом исчез в облаке сивых перьев. Одурелые голуби врассыпную опустились на ступени Двора Артура и на стоящую на крыше этого здания фигуру голого Гермеса, который с каменным спокойствием демонстрировал небесам фигу.

— Паршивец. «Надлежащие меры», видите ли! И где только он такой древний словарь

³ Фанес (от греч.) «явленный» — в орфизме бог-демиург, родившийся из «серебристого яйца», созданного Хроносом-временем из эфира (воздуха). Первый царь богов. Он творит небо и землю, а также «другую землю» — Луну, одно из доклассических воплощений Эроса.

нарыл? — прокомментировал Эрос, вылезая из фонтана. Фанес начал преодолевать ограду в обратном направлении. Эрос наблюдал за его стараниями, а когда напарник зацепился полой пиджака об остриё и разорвал подкладку, сухо подвёл итог: — Все мужики безнадёжны.

Потом уселся на каменном бордюре и поднял ноги над головой, чтобы вылилась вода из высоких, до половины икры, сапожек.

— Эрос, неужели женские гормоны тебя совсем разума лишили? — пропыхтел Фанес, поднимая с земли блестящую металлическую пластинку.

— Да что ты, я прекрасно себя чувствую,— возразил Эрос, снимая с уха каменного морского конька крохотную серебрянную сумочку. Потом подошёл к калитке из кованого железа и без всяких усилий открыл ее. Фанес решил пропустить его замечание мимо ушей. Эрос, как и всегда, впрочем, был оптимистично настроен, полон непринуждённого очарования и охренительно действовал на нервы.

— А собственно, чего ради он нам чип оставил? — задумался Фанес, глядя на серебрянную пластинку, густо покрытую сетью тонких, как волос, золотых ниток.— Нам ведь только развоплотиться и... — Он небрежно прищёлкнул пальцами.

Секундой позднее по просторной площади разнёсся вопль взбешённого бога:

— Заблокировал меня! Он меня заблокировал! О, чтоб его чёртов птичий грипп прихватил!

Эрос с философским видом слушал изощрённые проклятия, которые так и сыпались из уст его приятеля. Положение, разумеется, было не слишком удобным, но и не трагическим. Фанес реагировал, как всегда, преувеличенно и истерично. Ну и что за трагедия, если они на некоторое время застряли в людских телах? Эрос даже был вполне доволен своим теперешним обликом. Красивый перед, не дурной зад, возможно, всё вместе слегка недотягивает по размеру до античных стандартов, но вполне-вполне.

— Похоже на то, что моё приключение с изменением пола продлится несколько дольше,— подвёл итог Эрос.

— Да ведь это дермо даже к считающему устройству не подходит,— исходил желчью Фанес, разглядывая свой мобильник.— Орнитологическое недоразумение хреново, и он ещё хочет нам нос утереть! Это ж чип к стационарке! Вот блин...

— Веди себя прилично. Корректнее было бы сказать «дама широкого потребления»,— сообщил Эрос, поправляя маечку. Его волосы быстро сохли, из влажных макаронин превращаясь в массу тёмных пружинок.

— В конце концов, нас поставят наблюдать за брачными циклами пингвинов! — продолжал жаловаться Фанес.

— Кажется, они неплохо ступают...

* * *

Классик утверждал, что «человек — это звучит гордо». Для двух невезучих божков любви это слово — «человек» — прозвучало как раз болезненно. Если б кому-то захотелось докопаться до истоков оного дела, то они обнаружились бы в глубоком прошлом, добрых пару веков назад, когда Абалидот — крупная рыба в христианских небесах — протолкнул свой закон об Angelidae. Angelidae, или Ангелоподобные, то есть все неземные создания, божки и божества; когда-то их баловали поклонением верные приверженцы, но потом, с появлением Истинного и Единого Господа, им оставалось только блуждать в одиночестве по разным измерениям, нищим и покинутым. Разумеется, о них следовало позаботиться и с точки зрения моральной, и — что ещё важнее — материальной, как это принято с бедными родственниками. А прежде всего — вернуть их на путь праведный, к общему благу небесной общественности, поручив, например, полезную работу во славу Господа, аминь.

Правда, значительная часть слуг Господних назвала выводы Абалидота псевдогенетикой и попыткой «взять на сиротку», тем не менее под это постановление попала

добрая пара тысяч языческих оппортунистов, которым уже давно никто не то что свечки, но и огарка не поставил. Таким образом, Эрос и Фанес получили тёпленький уголок в раю у печки и места инспекторов по делам Любви и Родственных Чувств, а также право на пару служебных крыльев и использование безлимитного метафизического Интернета. Известное дело, что приверженцы должны множиться, иначе в течение одного поколения любой кульп провалится — причём даже не к чёрту в тартарары, поскольку в чёрта тоже кто-то должен верить, а в некое нелепое и тревожное НИЧТО. Итак, Абалидот, божеский министр, заведовавший людской сексуальностью, раздавался, троился и даже десятился, лишь бы только люди плодили новых верующих — разумеется, вполне пристойно и согласно с регламентом. А поскольку большинство древних греческих, римских, вавилонских и даже египетских божков плодородия очень даже могли поспособствовать в этом деле, Его Святейшество облёкся облаком толерантности и с воистину небесной снисходительностью поглядывал на их маленькие развлечения — например, на традиционное празднование открытия европейского сезона в последнюю майскую ночь. Известно ведь, что май — это месяц влюблённых, а 1 июня — Международный День ребёнка. Каждый год веселились в другом городе, и к празднующим присоединялись даже «любители» из неевропейского культурного ареала, например индуистская Камадева, прекрасно себя чувствовавшая в Индии и Тибете.

Таким вот образом однажды вечером Фанес и Эрос оказались в Центральной Европе в изумительном административном образовании, именуемом Троеградие и на самом деле состоящем из трёх городов — Гданьска, Сопота и Гдыни, а также в телаах некоего шатена, украшенного красными подтяжками, и юной девицы в чёрной коже и лайкре.

И ничего дурного бы не случилось, если б они не потеряли контакт с действительностью где-то между развесёлой гулянкой в сопотской «Мандаринке» и Длинной Набережной в Гданьске.

— Последнее, что я помню, — это как ты пробовал ходить по водам Мотлавы, — сказал Фанес, усаживаясь на ступени.

— И как у меня получалось? — заинтересовался Эрос, занимая место рядом с ним.

— Средненько. Вода тебе доходила почти до колен.

— Странно. Ведь тут она наверняка погуще, чем в Генисарете. — Эрос на секунду задумался над свойствами воды из гданьского канала. Тем временем Фанес всё глубже погружался в депрессию.

— Ну и что теперь? Оборудование у меня дома, а я ведь туда не попаду в теперешнем состоянии. — Он натянул и щёлкнул своей красной подтяжкой. — А у тебя как?

Эрос для проверки подвигал плечами.

— Без изменений, — доложил он. — Крылья не действуют.

Фанес застонал и принял биться головой о статую льва.

— Эй ты, тело-то не твоё. Имей к нему хоть каплю уважения, дья... дьякон тебя побери, — упрекнул его Эрос — Хм-м-м... что это за регион... Хм-м-м... А! — обрадовался вдруг он. — Ведь сюда Сурок перевёлся!

— Какой такой сурок? — неуверенно переспросил Фанес.

— Да есть один такой. Сурок... поморский. — Эрос встал и потянул товарища за воротник. — Идём, сиротка. Дядя... Тыфу, тётя тебя спасёт. Есть у тебя деньги на такси?

И вскоре оба персонажа растаяли в перспективе улицы Длинной, а на площади со старинным фонтаном вдруг стали слышны звуки пробуждающегося города — рокот двигателей, треск поднимающихся решёток на магазинных витринах и стук каблучков по асфальту — точно каким-то таинственным образом со старого центра города кто-то снял стеклянный колпак.

Фанес решил, что польская многоэтажка ничем не отличается от аналогичных сооружений в Англии или Португалии и выглядит столь же гнусно, как её подобия в других странах Евросоюза или даже за океаном. В ободранном, дёргающемся лифте они поднялись на последний этаж, а потом направились ещё выше по узкой лестнице между гнетущих стен, выкрашенных в цвет заплесневелого кофе с молоком и покрытых граффити. На дверях в конце коридора висела позолоченная табличка с демонстративной надписью «Ян Ковальский»⁴. А пониже какой-то отчаявшийся неудачник со спреем криво намалевал первые буквы ругательства: «ХТВЖ».

А уже явно другая рука эту непристойную надпись перечеркнула и дописала толстым маркером тетраграмму Яхве: «JHWH».

У Фанеса возникли неясные предчувствия относительно того, кем может оказаться знакомый Эроса, и относились сие предчувствие к числу самых мрачных. Звонок выдавил из себя электронную пародию на «Голубой Дунай», и на пороге возник длинноволосый, плохо побритый брюнет, на котором красовались только рваные джинсы.

— Сузи ещё на работе,— сообщил он при виде девицы в соблазнительных сапожках, с хрустом почёсывая заросли на груди. Лицо его неизменно сохраняло выражение сонного безразличия.

— Сурочек, старик, не узнаёшь? — разулыбался Эрос, слегка пхнув хозяина.

Сурок очухался и внимательно оглядел гостя, а потом вдруг расхохотался:

— Эрос, ну ты даёшь! Неплохое тельце. А это кто?

— Приятель по работе,— коротко пояснил Бог Любви.— Нам срочно нужна твоя коробочка.

— А деньги есть? — спросил Сурок, отступая в глубь квартиры и делая приглашающий жест.

— Достаточно будет, если я тебе дам? — парировал Эрос. Квартира Сурка была нетипичной, так как её соорудили из нескольких чердачных помещений, предназначенных для сушки белья, и она оказалась намного больше, чем можно было представить, учитывая наружные размеры дома. Хозяин квартиры явно использовал какие-то фокусы с пространством, что было вполне обычным делом среди Ангелоподобных, обитавших на краю тесного человеческого измерения. Следуя за хозяином, гости лавировали среди эклектичной коллекции разнокалиберной мебели, вьющихся растений в горшочках и пачек книг. На полу валялись кубики, машинки и разнообразные «супермены», а посреди помещения — ни к селу ни к городу — торчала алюминиевая труба, закреплённая между полом и потолком. Фанес молчал, как зачарованный, только с подозрением оглядывал углы, однако не обнаружил ничего более подозрительного, чем плюшевая летучая мышь, повисшая вниз головой на гвозде.

— Это спец,— шепнул ему Эрос конфиденциально.— Один из создателей Windows 2000.

«И это многое объясняет»,— не без сарказма подумал Фанес.

«Коробочка» спеца по винтам выглядела как самая обыкновенная персоналка в сером корпусе. У неё не было даже таких примочек, как мигающая диодами мышка или силиконовая клавиатура. На мониторе дремал маленький чёрный кот. Звук приближающихся шагов вызвал у него лишь лёгкое движение одного остроконечного ушка — кот даже не соизволил выйти из *режима ожидания*. Фанес глянул кошачью ауру и быстро пришёл к выводу, что не хотел бы оказаться на месте вора, который позарился бы на «железо» Сурка. Или мастера из компьютерного сервиса, пожелавшего заглянуть в бездну этих жёстких дисков.

Мрачный ангел взял у Эроса серебряно-золотую бляшку. Осторожно дунул на её поверхность, так что тоненькие волоски поднялись и заколыхались, точно электронные

⁴ Что-то вроде «Ивана Кузнецова» по-польски.

нематериальные водоросли.

— Да ведь это примитивный лепесток,— сказал он с лёгким неудовольствием.— Вы это могли бы прочитать даже на тостере. И какого хрена ты морочишь мне голову, Эрос?

— Видишь ли, в настоящее время у нас нет под рукой то стера. Не углубляй моего отчаяния, а то начну тебе изливать душу и рассказывать про свои любовные неудачи,— проворчал бог любви.

— Неужели у тебя бывают неудачи? — вежливо спросил ангел.

— Сплошные неудачи. Я не могу прожить ни с одной женщиной дольше пятидесяти лет, у меня проблемы с определением половой принадлежности... и ещё у меня выработалась зависимость от телесериалов.

— Хватит! Что я с этого поимею?

— Ответную услугу в любое время.

— Три услуги,— быстро отозвался ангел.

— Я правильно понял? ДВЕ услуги? — воскликнул Эрос, театрально вздымая руки вверх, а в голосе его появились нотки, характерные для хора греческих трагедий.

— Ты ослышался. ТРИ,— возразил его собеседник и, видимо желая сохранить остатки приличия, прибавил: — Две могут быть маленькие.

— Торгуешься, как финикиец,— заявил Эрос.

— А ты не изображай мне тут грека. Одна значительная услуга и две малых, точка, конец песни.

— Идёт,— быстро вмешался Фанес, пока Эрос снова не начал торговаться.

Программер усился перед монитором, ввёл чип в считающее устройство, держатель беззвучно втянулся во внутренности компа. Контуры серых пластмассовых корпусов размылись и как бы растаяли, открыв свое истинное обличье — пульсирующие голубоватым светом конструкции, напоминающие не то паутину, не то пылающую купину. По ним сновали во всех направлениях ослепительно сияющие звёзды информационных сгустков-битов. Вот в лучащейся сети приподнял шипастую голову огненный силуэт, демонстрируя красные сталактиты зубов и извивающееся пламя язычка — душа кота пробудилась в глубинах компьютерной души. Лицо ангела, с которого неземной свет стёр обыденный камуфляж, облагородилось тревожной нечеловеческой красотой. Кромешно чёрные волосы разевались, будто из приоткрытых в нездешние миры врат ворвался беззвучный вихрь. За плечами распостёрся туманный веер крыльев — согласно с христианской иконографией они должны быть из перьев, но на самом деле они скорее напоминали полуопрозрачные дымные струи, плавно изгибавшиеся и без препятствия входившие в стены, пол и потолок. На наивного средневекового художника это зрелище могло бы произвести впечатление, а вот первый попавшийся современный дизайнер тут же потребовал бы «чего-нибудь поприкольнее». Фанес чуть пошевелил лопатками и тихонько вздохнул. Телесность бывала даже забавна — все эти заморочки с дыханием и перевариванием пищи,— но теперь ему так не хватало того единственного в своём роде ощущения единения с абсолютом, которое давали крылья. Ладони программера, погруженные в энергетическую сетку, изгибались под таким углом, что у наблюдателей даже суставы заныли. Фанес готов был присягнуть, что мгновеньями эти ладони превращались в руки ледового скелета, а иногда на них вырастали острые когти. В задумчивости ангел посвистывал сквозь зубы — то повыше тоном, то пониже — без конкретной мелодии или ритма.

«Ну теперь ясно, почему его Сурком называют»,— подумал Фанес. В компьютерной паутине мигали призрачные лица. На сияющих ветках отрастали новые побеги и шипы. Огненное кошачье Ка чутко отзывалось на угрозу, открыв пылающие очи — два миниатюрных солнца. Одно движение челюстей, и желтоватая бусинка, двигавшаяся к сердцу паутины, исчезла, а кошачья шёрстка засияла ещё ярче, точно огонь в камине, куда подкинули дров.

— Недурной у тебя блокиратор вирусов,— похвалил Эрос. Он заглядывал Сурку через плечо, как бы ненароком опираясь на него грудью.

— Я перекину тебе данные на шпильку. Сойдёт?

— Угу...

Руки чёрного ангела затанцевали по призрачной клавиатуре, а потом оторвали один шип, который, оказавшись вне области небесного света, налился металлом, побледнел и принял вполне обыденный вид, мало отличающийся от заурядного гвоздя.

— Спасибо! — Эрос жадно схватил его, одновременно вытягивая из сумочки маленький мобильник. И воткнул гвоздик в отверстие для блока питания.

— Подходит. — Мгновение он смотрел на экранчик.— У нас есть координаты почти полутора десятков клиентов. У-у-у... ночка была ударная, дражайший коллега.

Тем временем пульсирующая, как огромное сердце, пылающая купина снова стала простой, серой, как обыденность, персоналкой, антивирусная программа обернулась ленивым котом, а предполагаемый Падший — бледным и слегка недомытым программером. Фанес заметил на плече ангела татуировку в виде веночка из роз и черепов, обрамлявшего выполненную готическим шрифтом надпись: «GA-TES TO HELL», то есть «ВРАТА В АД». Двузначность этой надписи заставила Фанея на мгновение призадуматься.

— Чип,— решительно потребовал Фанес, протягивая руку. Сурок слегка скривился, но отдал носитель.

— Можешь не сомневаться, моя благодарность гарантирована, как в банке,— заверил Эрос, когда хозяин провожал их к выходу.

— Это в каком банке? Может, в Сбербанке? — буркнул Сурок, демонстративно почёсывая голый живот.

Прежде чем Эрос успел ответить, в замке заскрежетал ключ, и в квартиру вошла стройная брюнетка. На её волосах мерцали блёстки, лицо под толстым слоем макияжа было усталым и удручённым. Под мышкой она держала пластиковый пакет, сквозь который просвечивали паетки и цветные перья.

— Привет... — машинально бросила она, потом вопросительно глянула на Сурка.

— Клиенты,— объяснил тот.— Они уже уходят. Девушка равнодушно кивнула.

— Что за гнусная ночь. Какой-то урод кидался в меня оливками. Придётся теперь чистить костюм.

Сурок поцеловал брюнетку в подкрашенные губы.

— Иди в душ, Су. Я заварю тебе чай. Мачик у бабушки.

— Ты просто ангел, Рышек,— успели ещё услышать два божка, прежде чем двери за ними закрылись.

— Так как его, в конце концов, зовут: Яшек, Рышек или Сурочек? — спросил Фанес уже в лифте, который с грохотом и скрипом тащился вниз, невольно заставляя опасаться ускоренного приземления в подвале.

— А я знаю? — Эрос выбрал наименее грязный участок стенки, чтобы опереться о неё. Лифт тут же остерегающе завыл.— Малины и имена он меняет чаще, чем рубашки. То встречаешь его в Бруклине как господина Д. Й. Смита, а не прошло и несчастных десяти лет, как глядь — а он уже продает креветки где-нибудь в Южной Африке под фамилией, допустим, Мубуту. Только вот кличка «Сурок» приклеилась к нему попрочнее.

— Демон и креветки?

— Ой там! Он ведь даже не Падший, во всяком случае, не до конца. Всего только во время второго путча заявил о своей нейтральности, и его выгнали за отсутствие энтузиазма по поводу Единого Истинного Пути. Сам видишь: жена, ребёнок... скорее всего, не его, но всё-таки. Из него такой же демон, как из меня — самолёт.

* * *

Первый «объект неразрешённого вмешательства» они настигли на парковке, где он усаживался в канареечного цвета «Матисс», что-то напевая себе под нос. Таким радостным

по дороге на работу мог быть только очарованный человек, смотревший на свет через розовые очки, то есть попросту влюблённый.

— Неужели так необходимо? — простонал Эрос.

Оба невезучих божка укрылись за серебристой «тойотой», точно парочка бездарных автомобильных воров.

— Посмотри, какой он счастливый!

Фанес только засопел в ответ. Совесть его восставала. В конце концов, оба они были спецами по приворотам, а не отворотам! А тут они должны были буквально предать своё призвание. Какой смысл быть Богом Любви, если ты эту самую любовь не творишь, не организовываешь, а даже наоборот, действуешь ей во вред? Занимайтесь любовью, а не политикой, или что-то вроде того.

— Твой счастливец втюрился в официантку из ночного заведения. Посмотри-ка его досье: женат, двое сыновей, скоро родится дочь. Продлишь это его счастье ещё пару дней, и супружница начнёт что-то подозревать. Хочешь, чтоб мужик поломал свою порядочную семейную жизнь ради романчика? Хочешь отобрать у двух мальчишек отца, а у достойной женщины — почтенного мужа? — Произнося эту тираду, Фанес повышал и повышал голос, так что под конец уже по-настоящему кричал, пробуя заглушить внутренний голос, который упрямо твердил, что всё обстоит не совсем так...

Владелец канареечного автомобиля помедлил перед тем, как сесть за руль. Он заметил у соседней машины какую-то явно ссорившуюся парочку. Помахал им рукой и добродушно сказал:

— Прошу вас, не стоит ссориться, день такой хороший! Жаль тратить жизнь на ссоры!

Прежде чем он успел захлопнуть дверцу, Фанес в приступе отчаяния направил на него свой телефон и нажал на кнопку с красной трубкой. Жёлтенькая машинка выехала с парковки как ни в чём не бывало, улыбающийся водитель по-прежнему кивал в такт доносившейся из радио популярной мелодии. И только где-то на полдороге в контуре его великолепное настроение начало портиться. Остатки его сохранились даже до вечера. Только в душе мужчины нарастало неясное ощущение потери, как будто он что-то потерял или у него отобрали. И в конце концов, поцеловав на ночь детей, случайно влюбившийся бедолага стал над раковиной, чтобы почистить зубы, посмотрел в глаза своему отражению в зеркале и заплакал.

* * *

— Едва успели,— вздохнул Фанес, глядя вслед автомобилю.— Вот она, жизнь... что есть жизнь человеческая перед лицом вечности.

— А что есть вечность по отношению к солёному огурцу? — уныло бросил Эрос.

— И?.. — заинтересовался его напарник.

— Понятия не имею. Не люблю огурцов. Кто следующий? Это была любовь с взаимностью?

— Да, к сожалению.

* * *

Анна Дубна, официантка из ночного заведения, как раз отсыпалась после работы, причём процесс этот происходил исключительно приятно. А именно: ей снился ОН. Великолепный, нежный, романтичный... Обсыпал её цветами и говорил именно то, что должен говорить женщине каждый мужчина: «Ты похудела», «Тебе просто необходимы эти туфли», «Ты посиди, а я помою посуду», «Пойдём по магазинам» или «Тебе удивительно к лицу этот фиолетовый цвет»... Боже, он отличал даже фиолетовый от серо-лилового — в общем, был

ИДЕАЛОМ. Распахнул перед ней дверцу сумасшедшего (жёлтого, как канарейка) лимузина, но едва она села и пискнула центральный замок, как пронзительно завыла сирена охраны! Потрясённая Анна рванула ручку, пытаясь выскочить из машины, разрывавшейся от электронного воя, но дверцы заклинило. Прошло добрых полминуты, пока она сообразила, что невыносимый звон принадлежит миру яви, а она елозит рукой по краю матраса. В дверь снова позвонили.

Не вполне ещё очнувшись, одна рука в рукаве, пола халата волочится по полу, женщина потащилась к дверям. Сквозь глазок увидела смутное розовое пятно лица, увенчанное форменной фуражкой.

— Почта!

— Оставьте в ящике! — простонала Анна, стараясь пошире открыть глаза. Который час? Неужели эти люди даже представления не имеют, что такое милосердие?

— Но тут подписать нужно! Уж простите, но у меня есть свои обязанности, и я стараюсь их выполнять как следует, согласно регламенту и правилам.— Мелкий труженик почтового ведомства не сдавался.

Побеждённая регламентом, Анна приоткрыла двери, накалякала какой-то зигзаг в первой попавшейся клеточке на подсунутой почтальоном квитанции и взяла посылку.

— Всего хорошего,— пожелал почтальон. Игристо поблескивая глазами и галантно салютуя ей приложенной к козырьку ладонью. Анна кивнула, пробормотала «спасибо». До её затуманенного сном разума до конца так и не дошли два странных факта: почтальон был незнакомый и вёл себя весьма странно для измученного тасканием тяжёлой сумки, плохо оплачиваемого служащего.

В посылке оказался маленький флакончик духов. Душа Анны тут же взлетела на седьмое небо, на розовое облачко умиления и восхищения. От НЕГО!! Подарок!!

Погрузившись в фантазии на тему будущего чудесного совместного проживания с любимым, окутанная ароматом «Arden Blue Grass», Анна снова упала в постель. И спустя мгновение уже хрепела, как гренадёр, зато с нежной улыбкой на устах. И вот странность: вместо того Единственного- Великолепного- Сейчас-И-Навеки- Данного- Дарителя- Духов в её сне появился какой-то совершенно чужой субъект. «Ох, знаешь, из этого всё равно было ничего не вышло»,— сказал он с извиняющейся улыбкой. Глаза у него были невероятно голубые и золотистые локоны до плеч. Сложён, как модель с календаря «Космополитэн», а на шее носил золотое сердечко, пробитое стрелой. Это было, впрочем, его единственное одеяние. Правда, он не раздавал духов, зато великолепно разбирался в женской анатомии. Сон набирал темп, а Анна Дубна в процессе его узнала, что духи, даже от Элизабет Арден, явно чрезмерно разрекламированы.

* * *

— С тем ты так не возился,— заявил Фанес, разглядывая содержимое кошелька. Эрос пожал плечами:

— С женщинами следует обращаться особенно деликатно.

— Я же не спорю, только почему за мои деньги?

— Положим, деньги не *твои*. Причём это относится также и к одежде, и даже к телу.

— Ну тогда как мне прикажешь это назвать? Кражи? — нудил Фанес— В конце концов, парень недосчитается добрых пары сотен.

— Засчитай их как пожертвование на религию и перестань ныть,— обрезал Эрос. У него самого в кармане было только двадцать золотых и ни на грош больше.— Какое счастье, что у нас осталось ещё что-то от наших способностей,— добавил он, многозначительно указывая на свои глаза.— Видишь? Обычный гипноз, немного везения — и такие хорошие результаты. Для выполнения задания больше ничего и не надо.

— Могли бы нам ещё оставить телепортацию, потому как, насколько мне известно, мой

носитель скоро разорится на такси,— кисло сообщил Фанес.

— А как насчёт автобуса?

— Автобуса?..

— Ав-то-бус. Такой длинный, обычно красный, на колёсах. Я на нём ездил в Лондоне. Весьма увлекательный вид городского транспорта. Особенно тут и сейчас, когда главная улица в центре вся раскопана.

Фанес ссгутился. Быть смертным оказалось смертельно тоскливо.

Очередные пары сделали им любезность и всё ещё находились поблизости друг от друга (даже в очень тесной близости), что позволило невезучим богам сэкономить время и деньги на билеты. Двое молодых, похожих на студентов, особенно если судить по раскиданым всюду рукописям и заметкам, усердно целовались на лавочке около общежития. Они предавались этому занятию с таким пылом, что весь остальной мир, включая недовольную дамочку, прогуливавшую пёсика на газоне, стоил для них не больше, чем пробки и растоптаные окурки.

— Я себя чувствую Бондом, — буркнул Фанес, осторожно выглядывая из-за ствола тополя.

— А я — убийцей,— ответил надутый Эрос— И кому это могло помешать: молодые, белые, гетеро, прям сливки общества. Но нет, кому-то наверху они явно пришли не по вкусу!

— Неисповедимы пути Господни... Какой там сливки, скорее уж отбросы? Ну и что? Нажимать?

— Как хочешь. Я на это смотреть отказываюсь.— Эрос демонстративно закрыл глаза. Мгновением позже дело было закончено.

— Завтра они решат, что это было только минутное увлечение. И что им не суждено быть вместе,— грустно сказал Фанес, пряча свой как-бы-телефон.— Кто следующий?

Эрос глянул на экранчик.

— Не хочу тебя волновать, но это молодые, белые и не гетеро.

Его товарищ душераздирающе вздохнул.

— Ты даже представить себе не можешь, как я тоскую по славным добрым временам в старой Греции. Тогда и взгляды были намного более здравыми.

* * *

Обсаженная старыми деревьями и расположенная в непосредственной близости от покрытых лесом холмов, улица Яськова Долина — одна из самых красивых в Гданьске. Застроена она в основном старинными доходными домами в приличном состоянии и старательно отреставрированными довоенными виллами, украшенными башенками и барочными замысловатыми украшениями. Прогулка по такой улице, даже в горку, была бы сплошным удовольствием, если б не одна деталь, которую нельзя не заметить...

— Умоляю тебя, умоляю,—тверdził Фанес, нервно оглядываясь по сторонам.— Только скажи, что они НЕ работники консульства!

Эрос изящно семенил на своих высоких каблучках по тротуару, не сводя глаз с экрана мобильника. Они как раз приближались к очередному пристанищу международной политики, окружённому кружевной оградой из кованого железа. Изгородь выглядела не слишком солидно, а в будке около ворот сидел только один охранник и украдкой читал газету. Но Фанес всем своим существом чуял, что это только видимость и их тут же расстреляют, едва они поставят ногу на каменное основание ограды.

Очевидно, единственными посторонними существами, которые могли попасть на территорию консульства, были полудикие утки, у которых имелись особые права на пользование прудиком в саду. В иных обстоятельствах Фанес мог бы рискнуть и попытаться убедить охрану, что он — исключительно большая утка, но после поездки в набитом

пассажирами трамваа божок вынужден был признать, что со времён Спарты ему не приходилось так сильно ощущать хрупкость человеческого существования. Он смог перевести дыхание только после того, как Эрос миновал ворота, бормоча под нос: «Не тут».

Для посторонних наблюдателей Эрос выглядел как девица, занятая писанием исключительно длинного сообщения, за которой тащится её расстроенный парень. «Тут» оказалось домом начала XX века, странным и неухоженным, совершенно неподходящим к соседним зданиям, всё-таки придерживавшимся какого-то приличного уровня. От старых времён сохранилась деревянная двухэтажная веранда, сверху донизу покрытая лущащейся краской, как будто находилась в последней стадии строительной скарлатины. Перекосившееся здание держалось, видимо, только благодаря солидной работе довоенных каменщиков и молитвам святого Бенедикта — патрона архитекторов, хотя он должен был бы с истинным отвращением смотреть на сие творение.

С одной стороны дома какой-то изобретательный (и начисто лишенный вкуса) доморошенный строитель приделал серенькую пристройку, расширив своё жизненное пространство, благодаря чему силуэт дома издалека напоминал горбатую бабу с огромным задом. Навигационное устройство как на верёвочке привело обоих богов прямиком к этой пристройке. Окна в ней были закрыты шторами, но, к счастью, не очень плотно. Эрос нашёл между краем ткани и рамой щелочку, сквозь которую можно было заглянуть внутрь. Но там ни звука, ни движения не было отмечено.

— А может, никого и нет? — предположил Фанес, вытягивая руку по направлению к дверям.

— Не звони! — прошипел Эрос, моргая, чтобы глаза скорее привыкли к темноте.— Они там на сто процентов. Спят.

Он кивнул напарнику:

— О, сам посмотри. Фанес глянул.

— Как же мило.— Он был растроган.

В тёмной комнате, где царил истинно холостяцкий беспорядок — груды книг и журналов, свёртки мяты одежды на всех стульях, непременные грязные стаканы на столике,— на матрасе около стены на готически чёрном белье цвели две юношеские головы — светлая и рыжая, точно две растрёпанные хризантемы. Ребята спали крепко, прижаввшись друг к другу, точно...

— Как два хомячка, или два горностайчика... или эти, как их... хорьки,— сказал Фанес, вздыхая с нежностью. Эрос тоже вздохнул.

— Наверное, ночью мы смогли бы застать их на работе,— шепнул он, указывая на что-то пальцем. Неподалёку от матраса на полу лежали две характерные красные сумки для разноски пиццы.

— А может, всё-таки?..— В голосе его послышались молящие нотки.

Фанеса аж передёрнуло.

— Сам знаешь, если б это от меня зависело. И знаешь, что нам устроят «наверху», если мы тут этих отпустим с миром. Стирай! Пусть уж всё скорее закончится!

— Сам стирай их, ты, безжалостный пер⁵... Перс! — рявкнул Эрос.

— Только не перс!

— Ты... Ты — «Персил»⁶! Совесть у тебя выстирана!

— А тебе лишь бы от работы увильнуть! Только я и стираю всегда!

Тем временем внутри лениво зашевелились. Какой-то предмет шумно покатился по полу. Фанес в панике потерял голову — два раза торопливо нажал кнопку, направив телефон на окно, и кинулся прочь, а Эрос поскакал за ним, спотыкаясь в своих шпильках на неровной

⁵ Эрос не смог выговорить слово "перверсия".

⁶ Марка стирального порошка.

дорожке. В окне появился рыжий эфеб, жмуря глаза на ярком солнце и морща нос. Сонно огляделся и, успокоившись, пропал за шторой.

* * *

— Уфф, ради Зевса, едва успел,— пропыхтел Эрос— Да не лети так! Ну и зараза эти сапоги!

— Так сними их,— буркнул Фанес, замедляя шаги. Эрос на момент задержался, разглядывая своё отражение в оконном стекле.

— Э нет. Они такие стильные!

Они надолго замолчали, возвращаясь на главную артерию района Вжещч. Фанес окончательно потерял желание болтать, а Эрос снова проглядывал данные в мобильнике. По мере их приближения увеличивался торговый центр «Манхэттен», расположенный в конце улицы,— гигантские площади окон для мытья снаружи и гигантская ярмарка тщеславия внутри.

— До сих пор нам везло, разумеется, если смотреть на ситуацию с определённой стороны,— заметил Эрос, когда они оказались около здания.

— Да? И что ты называешь везением?

— Ещё только полдень, а мы уже обошли шестерых. Подумай только, а если б кто-то оказался приезжим? Пришлось бы нам ехать, например, в Варшаву... или на этот лыжный курорт, где прыгают на лыжах. Поездом.

— Ох... Мне нехорошо,— сказал Фанес, бледнея от волнения.

— Эй, не дури,— забеспокоился Эрос— Честное слово, все местные.

— А мне на самом деле нехорошо... — И правда, Фанес для разнообразия аж поголубел и зашатался, так что приятель вынужден был поддержать его.

— Как ты себя чувствуешь?

— Голова кружится, перед глазами какие-то жёлтые недоразумения летают, и что-то сжимается вот здесь.— Фанес показал на область желудка.— Так себя чувствуют смертные, когда болеют?

— Если внимательно прислушаться к себе, то я чую то же самое,— ответил Эрос— Может, мы съели какую-нибудь бактерию? Я слышал, что... Эй! Всё ясно. Мы же НЕ ели. Со вчерашнего вечера ничего не ели, а выпивка не считается. Мы попросту голодные, дорогой мой товарищ.

— Совсем забыл. Я не привык есть. Фанес огляделся по сторонам.

— Книжный... зоомагазин, еда для собак... ну нет. Газеты... кофе... О, там есть «Сфинкс»⁷.

Эроса передёрнуло от отвращения.

— Я не настолько голоден, чтобы есть в «Сфинксе»!

— «Макдоналдс»?..

— Ну у тебя и шутки...

Оголодавшие путешественники пошли дальше, ища источник питания, пока вдали не засверкала весёлая красная вывеска с надписью «Олимп».

— Как дома! — восхитился Фанес, с новыми силами кидаясь к нему.— Вареники! Овсяные оладушки!

— Запеканка из чечевицы! Осьминоги в сметане! Молодое вино! Сидр! — с энтузиазмом отозвался Эрос.

Красная вывеска была уже недалеко.

— Ой... — разочарованно вздохнул Фанес, резко остановившись.

⁷ Марка стирального порошка.

У обоих даже лица вытянулись от огорчения. Что бы ни предлагала столовка «Олимп», сидра и морских деликатесов тут явно не подавали.

— Хрен с ним. В конце концов, мы бессмертны,— решил Фанес, толкая стеклянные двери.

* * *

— К сожалению, должен заявить, что это, однако, была лучшая пицца, которую я ел с... с прошлого года и вечеринки в Милане,— решил Эрос. Вопреки своим словам выглядел он весьма довольным.

— А почему тогда «к сожалению»? — поинтересовался Фанес.

— Подумай только, столько стран, столько великолепных метрополий, такой технический прогресс, а чтобы съесть приличную пиццу, мне пришлось ехать в какой-то городок на Балтике!

— Такова жизнь. За икрой ты тоже не в Париж летаешь. А в посёлок Мумра под Астраханью.

— И на блины.

Они коротали время за болтовней, сидя в центре старого Гданьска под Моряцкой базиликой на постаменте исключительно безобразной современной скульптуры и пялясь на дубовые ворота как баран на... вот именно, на ворота, хотя эти и не были новыми. Первой причиной этого сидения и пяления было то, что в костёле в настоящий момент присутствовали оба «объекта» — «номер семь и восемь». Судя по данным с мобильника, они бродили по боковым нефам с действующей на нервы медлительностью. А второй причиной была слишком энергичная монашенка, которая чутко бдела у входа, дабы не допустить в храм слишком уж скромно одетых туристок. От её ястребиного взгляда не укрылся наряд Эроса, который был настолько короток, что ещё чуть-чуть — и он совсем бы пропал.

— Разрази меня гром,— бормотал Эрос — Что за вредная баба. Вот загипнотизирую её и внушу, что я ксёндз.

— В святилище Безымянного Бога не подействует. Иммунитет,— бесстрастно ответил Фанес — «Лжи нет места в Доме Божьем» или что-то в этом роде.

— В таком случае, теперь я понимаю, почему Гермес⁸ так часто нет дома. Эй, в давние времена было проще. Почтенный Зевс ко всему подходил с лёгкостью. Соблазнял девиц, скандалил с женой, а время от времени швырялся молниями и не вмешивался в мою работу,— с горечью констатировал Эрос.

— Он был нашим лучшим клиентом,— с ностальгией добавил его напарник.

Стрельчатая готическая башня скребла небо с извечным занудством, пониже изобретательные голуби легко преодолевали колючие ограждения и гнездились в изломах стен, издевательски покакивая сверху на консерваторов памятника, а ещё ниже клубились толпы туристов и школьных экскурсий. Оба бога безразличными взглядами провожали извивавшиеся мимо них оживлённые и беспорядочные гусеницы из детворы всех возрастов — от малышни до подростков, разноцветные, горластые и слегка грязноватые, оставлявшие за собой дорожку из конфетных обёрток и упаковок из-под жвачки. К счастью, эти экскурсанты обходили костёл, направляясь поближе к кинотеатрам, музеям и праздникам, организованным по случаю Дня ребёнка.

— Снова перемещаются,— оповестил Эрос, наблюдая за экраном.— А тут есть боковой выход?

— Наверняка. Мы уже тут около часа кукуем, с меня хватит! Только время тратим.—

⁸ Эрос пробует шутить. Гермес так часто лгал, что, если бы тоже подчинялся принципу "лжи нет места в доме Божьем", то не смог бы даже в свой собственный дом зайти.

Фанес решительно вскочил и снял пиджак.— На, надевай! Не сверху, болван, снизу!

— Мне что, ноги в рукава засунуть?! — разнервничался Эрос.

— Прикрой им свой зад и завяжи рукава на животе. И как ты только умудрился влезть именно в того, кто сам носит только пару носовых платков!

— Ты преувеличиваешь, точно как та монашка,— огрызнулся Эрос, сделав, однако, то, что было велено.

Церберша у входа поджала губы при виде его наряда, но пропустила, сообщив только сладеньkim голоском:

— Просим не использовать мобильных телефонов в доме Божьем.

Эрос демонстративно вложил телефончик в сумочку и тут же вытащил его снова, едва они вышли из поля зрения бдительной сестрички, которая уже нашла себе новую жертву в слишком короткой юбочке.

— Там! — Эрос указывал в сторону бокового нефа, где собралась кучка туристов.— Шшшш... слишком их много там. Можем задеть постороннего человека.

— В таком случае, установим личный контакт,— ответил Фанес, подхватывая напарника под локоток и направляясь с ним прямиком к цели. «Цель номер семь» был, на глазок, лет двадцати двух, имел длинные, связанные в хвостик волосы и очки, сквозь которые он бросал влюблённые взгляды на «цель номер восемь» — хрупкую блондинку, обладавшую совершенно мышиной внешностью.

— У меня просто сердце болит. Где она найдёт другого такого же олуха? — бормотнул Фанес.

— Олухов везде сколько угодно,— буркнул в ответ его товарищ.— Видно, ей на роду написано быть с другим олухом, а не с этим.

Но прежде чем они успели подойти и занять удобную позицию, Мышку и Олуха вместе с остальными посетителями втянуло в какие-то боковые узкие дверцы.

— За ними! — прошипел Фанес, в котором вдруг пробудился охотничий инстинкт.

— Ваши билетики, пожалуйста! — Вход загородил безукоризненно вежливый, но зато впечатляюще огромный господин, одетый в том же мрачном готическом стиле, что и убранство самого костёла.— Вы хотели бы подняться на башню?

Фанес скользнул взглядом по скромной колорадке⁹, почти полностью скрытой под его чёрным одеянием ксёндза.

— Мм... два. Кхм, вот именно, два билета, пожалуйста.

— Очень остроумно. Осторожней на ступеньках,— сказал билетёр, разглядывая необычный костюм Эроса и его высоченные каблуки.

* * *

Узкая кирпичная лестница обвивалась вокруг центра башни как обезумевший червяк. Если б она вела вниз, то Эрос вполне мог бы себе представить, что спускается в какой-нибудь из кругов ада — может, как раз тот, где коварные демоны велят грешникам целую вечность развлекаться на каруселях, бочках смеха и тому подобных адских устройствах.

— Ради Зевса, сколько тут этажей? — пропыхтел он.

— Один,— ответил идущий сзади Фанес.— Зато высокий.

В конце концов они дошли до огромного, слабо освещённого помещения, дальний конец которого тонул во мраке. Эрос остановился и с удивлением пригляделся к солидным серым выпуклостям, покрывавшим весь пол и пробуждавшим отдалённые ассоциации со стадом спящих слонов.

— А это что такое?

⁹ Белый воротничок священника.

— Готические «хрустальные» своды шестнадцатого века,— сообщил Фанес с явным превосходством.— Вид сверху. У меня было нечто подобное в одном святилище.

Эрос злобно фыркнул.

— Я не привык лазить по чердакам своих святилищ! И отдав этот путеводитель. Думаешь, я не видел, как ты его украдкой читаешь, умник?

Но это был ещё не конец мучений бога любви. Выше находилось ещё одно помещение со ступеньками — на сей раз из бетона и железа. Тут было светлее, свет сочился сквозь огромные арочные окна, защищённые кружевными решётками. Посередине стояли солидные леса, поддерживающие два огромных колокола. Фанес, преодолевая ступени, посмотрел на них с одобрением. Он любил колокола, хотя тутошние не могли, разумеется, равняться ни с его любимцем, девяностотонным Мингунем из Бирмы, ни даже с Биг-Беном.

— Не слишком нарядные и небольшие, но миленькие,— милостиво оценил он.

В этот момент миленький колокол начал бить. Эрос вцепился в плечо Фанеса, точно перепуганная белка — всеми десятью ногтями.

— Т-т-титаны! Ат-т-такуют!

От неожиданности Фанес споткнулся и вынужден был схватиться за перила. Глубокий бас колокола накапливался в углах помещения, пронизывал мышцы, кости, выбрировал в пазухах носа и зубах, казалось, он даже мысли заглушал. Путь к бегству был только один — вверх, поскольку за плечами неудачливых богов уже собрался довольно значительный хвост жаждавшей впечатлений туристской саранчи.

Наконец они достигли вершины башни и входа на обозревательную площадку.

— Ну тут и сквозняк, как на вокзале,— буркнул Эрос, стараясь пригладить свои локоны, разлохмаченные сильным ветром.

— Вон они,— прошептал Фанес, украдкой показывая на влюблённую пару, стоявшую рядом с ограждением. Как и положено влюблённым, они больше обращали внимание друг на друга, нежели на прекрасную панораму Старого города, простиравшуюся внизу. Олух как раз заботливо окутывал Мышку курткой, оберегая её от сквозняка.

— Идём, только осторожно.

— Как тут красиво, дорогой,— защебетал Эрос, входя в роль пресыщенной куколки, отмечающей очередные пункты в путеводителе Паскаля. Оскалив жемчужные зубки, он небрежно стал перемещаться к краю площадки, где весело развевались соломенные пряди Мышки. За ним двигался неискренне улыбающийся Фанес, он держал руку в кармане, точно гангстер, стискивающий в потной ладони пистолет.

* * *

Эрос в очередной раз пришёл к выводу, что Фанес переживает какой-то кризис. Слишком уж серьёзно он относился к делу. Работа работой, конечно, но из всего следует, по мере возможности, извлекать какое-нибудь удовольствие. Между тем бедолага мучился, как обслуживающий персонал водопровода в Тартаре,— кретинки, они ж только через четыре года сообразили, что этот номер с черпанием воды ситом был всего лишь шуткой. Вот и Фанес вошёл в мученический режим и застрял в нём по самое «не могу». Эроса же, наоборот, несмотря на его жалобы, ситуация только забавляла. В итоге всё свелось к внепрограммному осмотру Гданьска. Сейчас, например, можно при случае полюбоваться очаровательными пейзажиками — старинные узкие улочки, красные покатые крыши домиков, позеленевшие медные крыши соборных башенок, ратуша с четырьмя циферблатами и курантами...

Эрос подошёл к ограждению и оглядел представленный его вниманию вид.

Башня костёла с достоинством наклонилась слегка вперёд. Эрос судорожно вцепился в предохраняющую сетку, у него вырвалось какое-то нечленораздельное кваканье. Башня выпрямилась на долю секунды, чтобы снова отклониться, на сей раз назад. Эрос, намертво впившись в ячейки сетки побелевшими от усилия пальцами, опустился на колени, издавая

писк, точно стекло, терзаемое пенопластом. Нечто внутри его сознания пришло к выводу, что и так уже не владеет реакциями тела и остаётся только пассивно наблюдать за происходящим и ругаться на греческом, латинском, испанском и ещё паре других языков. А всякие странные скользкие вещи, которые в настоящее время являлись его внутренностями, перемещались абсолютно беспорядочно и вообще хотели удрать.

В его ближайшем окружении наметилось некоторое замешательство.

— Женщине плохо!

— Что с вами? Вам плохо?!

«Остановите эту чёртову башню!» — хотел выкрикнуть Эрос, но ему удалось только жалостно мяукнуть.

* * *

Разнообразие развлечений постепенно начинало действовать Фанесу на нервы. А, чтоб тебе Гадес и прочая гадость! Неужели в этой стране ничего не может быть нормальным? Просто какие-то залежи абсурда, и его обильные запасы, похоже, воздействуют на всё и вся вокруг, в том числе и на этого повелителя кретинов, который выпендривается у барьера, а «объекты» тем временем двигаются и сейчас опять выйдут из радиуса воздействия. Несколько секунд несчастный Фанес пребывал в сомнении, что ему делать: отрывать товарища от сетки или, может, последовать за целями, которые уже направились к выходу, смущённо посматривая на блажившего Эроса. Но внимательный взгляд на напарника убедил его, что приоритетно состояние Эроса. Глаза у божка были вытаращены, как у совы, а из горла вырывался уже хрип. В момент божественного вдохновения Фанес стремительно нацелил свой гаситель на облюбованную пару и нажал вслепую, чувствуя себя как чендлеровский детектив Марлоу, стреляющий через карман плаща. Оставалось надеяться, что он попал.

Потом сконфуженно похлопал товарища по плечу:

— Ты, ну дыши, что ли...

— Господи! Что за мужчины пошли! — возмутилась какая-то женщина, бросаясь к запаниковавшему Эросу. — Глаза закрой, дорогуша. И дыши спокойно... Отпусти сетку, я тебя держу. Всё в порядке. Что вы так стоите? Помогите же!

С помощью энергичной дамы всё-таки удалось оторвать Эроса от барьера, хотя сначала казалось, что его намертво приварило к сетке, и благополучно увести под крышу.

— Вдох и выдох! Вдох... и выдох! — повторяла взволнованная женщина, похлопывая Эроса по руке. Он сидел на грязных досках у стены, серовато-бледный, как извёстка за его плечами. Фанес, дабы соответствовать, держал его за другую руку, хотя не слишком хорошо понимал, что ему следует делать.

— Вдох и выдох... как если бы рожали.

— Я никогда не рожал... ла! — возразил Эрос, внезапно открывая глаза и недоверчиво оглядываясь вокруг. Здание перестало шататься. Всё снова выглядело вполне солидно. Посетители, которые, направляясь к выходу, проходили мимо, нахально плялились на них.

Жутко заботливая туристка ещё добрых пять минут засыпала обоих богов градом добрых советов и названий успокаивающих лекарств, после чего наконец отстала от них и вернулась в свою экскурсионную группу.

— Сваливаем,— буркнул Фанес— Собирайся, дорогая... — прибавил он с иронией.

Присмиревший Эрос поднялся с пола и потащился за напарником туда, куда указывала стрелка с надписью «Выход».

«Что за деньги! Почти как на войне. Не знаешь, откуда свалится следующая бомба», — думал Фанес. Он уже спустился на несколько ступенек вниз, когда за его спиной послышался испуганный женский голос:

— Фа... Фанес! Подожди! Я... я... Он раздражённо обернулся:

— Что опять?

Эрос стоял на вершине лестницы точно статуя отчаяния.

— Н-не могу сойти! — выдавил он из себя.— Мои сапоги!

Фанес посмотрел на его ноги и тут же понял, в чём дело. Каблуки невероятно оригинальных сапожек Эроса напоминали скорее холодное оружие, нежели сапожное изделие. И если подняться по лестнице в них ещё было относительно легко, то *сойти вниз* оказалось делом нелёгким, угрожающим выбитыми зубами и поломанными конечностями.

— Пошевеливайся, дамочка! — сердито бросил парень, которому Эрос загораживал дорогу.

— Как?! — пискнул Эрос фальцетом.

— Задом! Как по стремянке,— пояснил тот и пробурчал под нос: — Вот кретинка...

Метод оказался действенным. Судорожно вцепившись в перила, Эрос как-то умудрился сползти вниз и едва сдержал вдруг овладевшее им желание поцеловать мать сырой землю. Впрочем, остановило его только осознание того, что до настоящей земли ещё около метра, а вид женщины, целующей пол в соборе, вызвал бы нездоровые сенсации. Фанес предусмотрительно потянул его за ближайшую колонну.

— Убью этого дряня, который меня так подставил! — пообещал Эрос, увлеченно и глубоко дыша.

— Ангела? Так он же бессмертен.

— Тем лучше. Я его несколько раз убью!

— Что ты устроил там наверху?

Эрос задумался. На земле он чувствовал себя намного уверенней, поэтому рассудок немедленно к нему вернулся.

— Если не ошибаюсь, у меня был неоднократно описанный в художественной и медицинской литературе приступ боязни высоты, называемый также акрофобией.

Фанес побелел.

— Какая там эринниями засиженная боязнь высоты?! Ты что, блин, совсем свихнулся? Ты же БОГ! У тебя есть хреновы крылья и ты летаешь! Ты же прогуливался по стратосфере. У ТЕБЯ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ФОБИИ ВЫСОТОЙ! — горячо зашептал Фанес.

— Верно. Только это не моя акрофobia, а её. Её, её как таковой.— Эрос слегка скосил глаза, будто хотел заглянуть в глубь себя.— Эвелины. Кажется, она начинает пробиваться. И взяла на себя контроль над моим телом. Представляешь? Контроль надо мной! Эти смертные сегодня уже ничего не уважают,— осуждающе добавил он.

— Контр... Стой! Секунду! Что ты сказал перед тем, как мы поднялись на самый верх?

— Э-э-э... Как тут красиво, дорогой?

— Раньше!

Какая-то пожилая женщина, проходя мимо, неодобрительно глянула на болтающую парочку и недовольно причмокнула, Эрос тут же понизил голос до шёпота.

— Сквозняк тут, как на вокзале?

— Откуда у тебя такие сравнения? — упорствовал Фанес— «Как на вокзале»? «Вечность и солёный огурец»?

В тот же момент он осознал, что и сам никогда не читал детективов Чендлера и не был поклонником фильмов про Бонда, и уже всерьёз забеспокоился.

— Боюсь, это их личности просачиваются. Если мы пробудем в этих телаах слишком долго, то это закончится шизофренией, или нашей, или их. Давай скорей покончим с заданием и свалим отсюда! Проверь, кто следующий.

Эрос украдкой вытащил из сумочки мобильник.

— Объект номер девять. Р. Грушечский, холост... Странно, нет пары.

— Нет? — Фанес глянул на экран.

— Нету. Зеро, ноль, сифр¹⁰... Один был, один и остался. Неспаренный, но влюблённый.

¹⁰ По-арабски "пустота".

— Интересно. А где он?

Эрос выступил пальцем код. Оба бога одновременно подняли брови от изумления. «Цель» находилась на расстоянии двадцати метров.

* * *

— Гнусно,— прошептал Фанес.

— Ничего ты не понимаешь, это такой современный стиль,— возразил Эрос.

Они стояли перед изысканной решёткой из кованого железа, которая перегораживала вход в боковую часовенку. Судя по путеводителю, эта часовня была посвящена людям моря, а в особенности тем, кто с моря не вернулся и, в силу обстоятельств, не мог быть похоронен по христианскому обычаю, что художник и пытался всеми силами передать.

— Ладно, я ничего не понимаю, но это всё равно выглядит гнусно,— упорствовал Фанес— Святилище есть святилище. В нём должно быть золото, серебро, пурпур и мрамор. А тут что? — Он с нескрываемым отвращением посмотрел на стены, покрытые неровными складками-волнами грязно-зелёного и грязно-синего стекла.

— Тут сделано по-современному. Оторвись хоть слегка от классики.

— Мне три тысячи лет, и я *имею* право быть слегка несовременным. А там что?
Утопленник?

— ЭТО Божья Матерь, балда.

— Да что ты, совсем не похожа.

На алтаре, покрытом стеклянными складками, должноствующими, видимо, изображать морские волны, висела натуральной величины человеческая фигура в развевающихся (или, скорее, расплывающихся) одеждах, по краям и вовсе напоминавших морскую капусту. Фигура подняла руки в благословляющем жесте, склонив к верующим красивое, смертельно бледное, андрогенное лицо, на котором застыло выражение беспредельной тоски. Фанесу эта статуя напоминала одновременно и сына Шефа, прогуливавшегося по водам, и знакомого ангела. Только утопленного в аквариуме.

Единственным человеком, находившимся в тот момент в часовне, был ксёндз в форменной сутане до земли. Сначала он молился, сидя на стуле в первом ряду и глядываясь в лицо загадочного святого (или святой). Потом поднялся и принялся наводить порядок в часовне, поправлять свечи в подсвечниках и белые хризантемы в вазах. Проходя мимо алтаря, он смиренно склонил голову, перекрестился, а потом вдруг быстро встал на цыпочки и поцеловал ногу статуи, сильно прижимаясь к ней губами.

— Ничего себе... — пробормотал Фанес, отступая от решётки.— Теперь всё ясно. Неспаренный, понимаешь ли...

— Минутку. Но тут-то что, собственно, не понравилось наверху? — Эрос поймал его за локоть.— Разве у них случайно не записано в правилах: «Будешь любить Господа Бога твоего всем сердцем своим, всей душою своей... et cetera и т. д.»? По-моему, этот вот экземпляр весьма усерден в своей любви к Богу. Вполне согласно с регламентом и предписаниями.

— Может, они имели в виду любовь более... платоническую? — тихо выразил предположение Фанес.

— Платоническую?..

— От Платона, ну, знаешь, такая, безекса.

— Платон был идиотом,— с презрением вынес приговор Эрос.

Потом посмотрел на капеллана, который снова сел, чтобы помолиться, покивал с сочувствием, внимательно огляделся по сторонам и старательно нажал на кнопку с красной трубочкой.

— Фанни, уходим.

* * *

— Жаль. Такая интересная парочка. Настоящий второй Пигмалион и его девица. Вот только одно меня интересует: каким чудом мы прошлой ночью наткнулись на этого ксёндза рядом с баром? Чем там мог заниматься слуга божий, а? — сказал Эрос, снимая с бёдер пиджак своего напарника.

— Неважно. Как только ты мог ему такое сделать? С куклой? Отвратительно,— скривился Фанес.

— Я?! С тем же успехом это мог быть ты. Мы оба тогда были в стельку. А в конце концов, ни твои, ни мои желания тут ничего не значат, сам знаешь. Склонность к твёрдым красоткам должна была дремать в этом парне изначально. А мы только невольно вытащили её на поверхность.

— Ну а теперь снова впихнули обратно...

— Что не означает, будто её нет вообще.— Эрос потянулся и огляделся по сторонам. — Не знаю, как тебе, а мне после этих развлечений на башне нужно передохнуть. И выпить кофе.

— Чем дольше...

— Да, знаю, чем дольше я сижу в этой тёлке, тем больше её черт перенимаю. Энергетические матрицы взаимопроникаются. Я прекрасно отдаю себе отчёт, что, на самом деле, это она хочет кофе, а не я. Но пойми, дорогой мой, я тоже устал. Я как я. И хочу расслабиться. Нам осталась последняя пара, а сейчас только пять часов вечера. Самое время на чаепитие. И вообще, у нас ещё куча времени до рассвета.

— Чаепитие... Ты ж не англичанин, чтоб в пять часов священодействовать над чаем,— проворчал Фанес, дабы хоть бы для проформы выразить свой протест. На самом деле, он тоже почувствовал, что чайная или кафе, где подают добрый кофе, в настоящий момент является самым желанным для него местом. Ну может, за исключением его собственных апартаментов, наполненных дорическими колоннами, статуями, подушками и с плазменным экраном вплоть до стены.

— Я гражданин вселенной, зануда,— возразил Эрос, потянув его в сторону — туда, где виднелось многообещающее заведение типа кафешки под зонтиками.— И могу священодействовать где и когда хочу. А сейчас я хочу есть и пить кофе.

* * *

— У нас куча времени... У нас куча времени... — В голосе Фанеса звучала горечь, щедро приправленная иронией.— Ты знаешь, который час?

— Шесть,— очень неприятным тоном отозвался Эрос.

— Какой там шесть?! Одиннадцать вечера!!

— Шесть часов на Багамах и в Гренландии. Ты же не уточнил где.

— Гренландия — это именно то место, где мы очутимся через несколько часов. Из-за тебя и твоей некомпетентности! — нервничал Фанес.

Эрос только пожал плечами.

— Если б ты опять не потащился по всем кафешкам, мы бы успели поймать эту последнюю пару до темноты! А теперь уже нет шансов, что они выйдут из дома,— не отставал Фанес.

— Одно-единственное кафе и одна порция спагетти! — пробормотал Эрос— И это ты называешь «таскаться»? Должен тебе напомнить, что в этих тела нам приходится есть! Иходить в туалет!

Он вскочил с лавочки и решительно направился к входу в дом. Нажал на звонок домофона, некоторое время прислушивался, потом сдался и вернулся на прежнее место.

— И что, он исправился за эти пару минут? — желчно поинтересовался его напарник.

— Может, кинуть им камень в окно? — предложил Эрос, задирая голову. — Они выглянут и...

— Хорошая мысль. Ты попадёшь камнем в окно на четвёртом этаже?

— Попаду! — бодро заявил Эрос, хотя в глубине души совсем не был в этом уверен.

— Ладно, в таком случае, найди камень и кинь его, — позволил Фанес, делая приглашающий жест.

Эрос огляделся. Солнце, правда, давно зашло, но везде горели фонари, так что света было довольно. Он начал прогуливаться то в одну сторону, то в другую, склонившись над землёй и внимательно её разглядывая, точно искатель золота. Но потом всё-таки вернулся к напарнику и тяжело плюхнулся рядом с ним на скамью.

— Что за улица — прилична до идиотизма, — процидил он сквозь зубы. — В Риме у меня был бы богатый выбор снарядов — от камня до дохлого кота. А ещё говорят, что Польша грязная...

Уже три часа невезучий божеский tandem дежурил около дома в Гданьском Старом городе, так что даже привлек внимание местных жителей. Кажется, почти всех, кроме тех двух, что им были нужны!

— А это точно правильный адрес? — спросил Фанес в десятый раз.

— Да! — буркнул со злостью Эрос — Святого Духа, сто четырнадцать! Они оба живут в одном доме, по соседству.

Адрес, воистину, соответствовал ситуации. Похоже, только Святой Дух и знал, когда влюблённая пара соблаговолит выйти из дома. К сожалению, самым правдоподобным сроком казалось утро второго июля — а это уже выходило за двадцатичетырёхчасовой предел, назначенный Абалидо том.

— Святого Духа... Ради косы Береники, что за ирония. — Эрос посмотрел вверх с миной грустного спаниеля. — Я не хотел бы показаться навязчивым, но полагаю, что сие несправедливо. Разве Ты не можешь, хотя бы на основании догмата о бесконечном милосердии Господнем, исправить домофон? Это очень облегчило бы нам пару вещей. Заранее спасибо, Эрос.

— Совсем спятил, — констатировал Фанес пришибленно.

— Нет. Просто стараюсь найти альтернативные решения. А сейчас спасти нас может только окаянное чудо, — ответствовал Эрос, с ненавистью глядя на ярко освещённое окно на четвёртом этаже.

Фанес вскочил со скамейки, подбежал к подъезду и нажал на кнопку. Потом вернулся.

— Чудо не совершилось. Свет в окне погас.

— Пошли выпьем, — предложил Эрос с душераздирающим вздохом. — Я раньше понятия не имел, как тяжело быть человеком. Будь у меня крылья...

— Шшш!.. — Фанес сжал его плечо. — Есть чудо!!

В вечерней тишине щёлкнул замок и раздался скрип старых дверных петель. На каменные ступени выскочил огромный косматый пёс и сбежал вниз, постукивая когтями. Он начал с энтузиазмом обнюхивать окружающую среду, а потом задрал лапу около каменного столбика. Вслед за псиной из плохо освещённого подъезда появились ещё две фигуры. Мужчина и женщина.

Эрос сорвался с места, точно его укусили. Проверка личностей заняла две секунды, приближение к «объектам» — ещё две.

* * *

— Чем могу служить? — поинтересовался мужчина с лёгкой тревогой, увидев скупо

одетую девицу с вытаращенными глазами, а за её спиной — парня со столь же блуждающим взглядом и перекосившимся галстуком. Он заботливо взял под руку свою спутницу, почти незаметно загораживая её своим телом от потенциальной опасности. Пёс присел на дорожке, наблюдая за происходящим.

— Э-э-э... Н-не знаете ли вы телефон вызова такси? М-м-м... мы тут... приезжие и... — запинаясь, произнесла девица, глядя на белую тросточку в руке женщины. Слепая чуть улыбнулась, устремив глаза в пространство.

— Девять один, девять два, — ответила она. — Но такси сюда заезжают очень неохотно. На Широкой им будет легче развернуться. — Она показала пальцем направление. — Это следующая улица.

— Спасибо. Доброго вам вечера. — Девица продемонстрировала зубки в деланой улыбочке, схватила спутника за рукав и грубо потянула за собой по направлению к набережной Мотлавы.

— Уфф... Конец. У меня точно статер¹¹ камней с души спал. — Фанес глубоко вздохнул, опервшись локтями о каменный барьер над каналом.

— Конец... — мёртвым голосом повторил Эрос, уставившись в тёмную воду. — Я... я не мог.

— Что?!

— Не мог, — ответный стон. — У него сороковник за спиной, она слепа... А тут вдруг любовь. Это же как дар с неба. Ну не смог я...

Фанес слушал его с вытаращенными от ужаса глазами и отвислой челюстью. Временно он даже онемел. Эрос поднял лицо к небу и с бешенством заорал:

— Чихать я хотел на такие правила, слышишь?! Чихать! Это несправедливо! НЕСПРАВЕДЛИВО!! Я — Бог Любви, а не ра... раз-во-дов... — У него перехватило горло, и Эрос вдруг громко расплакался. — Я уже не могу-у-у...

Фанес стоял будто парализованный. Эрос осел на каменное основание барьера и жалостно рыдал, закрывая лицо ладонями. Поздние прохожие с изумлением оглядывались на необычную сцену. Кто-то неприязненно прокомментировал:

— Посмотри только, похоже, он её бросил, скотина... Только этот комментарий вывел Фанеса из ступора.

— Ради титек Амалтеи, не устраивай тут представления!

— Нена-видишь меня, правда? — прорыдал Эрос.

— Пока я слишком потрясён, — возразил Фанес, роясь по карманам в поисках платка. — А потом, вполне возможно, начну тебя мучить и пытать. Вытри нос и перестань реветь. У тебя тушь поплыла.

— Уй! — Эрос вытянул из сумочки зеркальце и стал разглядывать себя при свете уличного фонаря. — Проклятые бабские гормоны.

Фанес торопливо размышлял.

— Ладно, ещё не всё потеряно. Они пошли выгулять.

Походят и вернутся домой, а тогда мы...

Эрос молча вынул свой мобильник и швырнул его в Мотлаву. Послышался всплеск, по тёмной, маслянистой поверхности воды побежали круги. Бог Любви махнул рукой в сторону Врат Святого Духа.

— Иди...

Фанес с шипением выпустил воздух.

— Тебе кто-нибудь уже говорил, что ты страшен?

— Все мои бывшие, — ответил Эрос, хлюпая носом, а потом, громко трубя, высыпался в платок.

Неожиданно Фанес начал истерично смеяться.

¹¹ Древнегреческая весовая единица.

— Ты невыносимо страшен, и за это я тебя люблю.

* * *

Гданьский Длинный Тарг в четыре утра, как обычно, был пуст, безлюден и лишен даже голубей. Единственный представитель местной кошачьей богемы сидел на балюстраде, окружающей площадку, увенчивающую лестницу в Артуров Двор, и с жадностью поедал кусочки лосося с ладони Эроса.

— Слушай, зачем ты обманываешь кота? Ведь это не настоящий лосось,— заметил Фанес, наблюдавший за действиями приятеля.

— А ты только посмотри, как он счастлив,— возразил Эрос, почёсывая за ухом размурлыкавшегося в экстазе котяру.— Который час?

Фанес посмотрел на часы:

— Четыре ноль шесть...

— Последние мгновения относительной свободы. Интересно, кто примет наши регионы.

— Четыре ноль семь...

На этот раз посланец обошёлся без специальных эффектов. Он попросту явился на площади, точно так же сияющий и безукоризненный, как и сутки назад. Рядом с небритым Фанесом и не до конца отмытым после великого ряда Эросом он выглядел столь же реалистично, как герой какой-нибудь компьютерной игры. Окинув обоих провинившихся тяжёлым взглядом, он вытащил из складок своего одеяния свиток пергамента.

Боги переглянулись с иронией.

— У Шефа диктофон испортился? — бросил Эрос.

— Без нахальства, язычники! — огрызнулся ангел, разворачивая рулон.

— Ладно, ладно, читай свой ср...ный приговор. У нас же не целый день в запасе.

Ангел откашлялся и начал громко читать:

— Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится...

— Ну ясно, Священная Книга, просто отказать себе не мог,— вполголоса буркнул Фанес, подталкивая приятеля локтем.

— ...не бесчинствует... Кхм... Кхм... — продолжал ангел, с неодобрением поглядывая на одеяние Эроса.— ...не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине¹². Конец.

Он свернулся рулон и снова спрятал его.

— Э-э-э... И это всё? — спросил Фанес.

— Да.

— Понимаешь, мы ведь всего лишь простые жители Эллады. И вместе с нашими бесписьменными родственничками ещё только тысячу лет назад коптились в жертвенном дыму. Может, ты бы просветил нас, простачков? —sarcastically предложил Эрос.

Посланец «верхов» скривился, точно лимон надкусил.

— Да, понятно, Его Святейшество Абалидот слишком полагался на ваш ум и понимание метафор. Другими словами: вы попали под амнистию. Вы свободны.

— Не будет никакого хора? И никакой Гренландии? — переспросил для верности Фанес. Эрос, стоя рядом с ним, с трудом удержался от восторженного пристукивания каблучками.

— К сожалению. Его Святейшество узрел в вас запасы милосердия и христианской любви к ближнему. Из этого я делаю вывод, что его око прозорливее моего. Аминь.

¹² Первое послание к корифянам святого апостола Павла, гл. 13, ст. 4-6.

С этими словами ангел исчез, не оставив ни малейшего следа своего пребывания.

— YES! YES! YES!¹³ — крикнул Фанес, воздевая к небесам кулаки...

Гданьский Старый город в пять утра начинает просыпаться. Первые голуби расправляют крылья. Перед Артуровым Двором стоят, держась за руки, мужчина и женщина. О ноги женщины трётся кот, а сама она неуверенно оглядывается по сторонам.

— А что я тут, собственно, делаю?

Она всматривается в своего спутника, который только потерянно качает головой.

— Странно, я совершенно трезв, а ничего не помню.

— А зовут-то тебя как?

— Анджей.

— Очень приятно, Эвелина.

— Похоже, мы хорошо погуляли. Отвезти тебя домой? Я оставил машину на парковке около банка.

— Конечно. Спасибо.

Пара удаляется прогулочным шагом. Одинокий кот побежал было за ними, но потом, разочарованный, передумал. На лосося рассчитывать явно не стоило.

* * *

На вершине башни Моряцкого костёла стоят двое молодых людей. Они очень похожи друг на друга: идеально сложённые, мускулистые тела, кожа покрыта золотистым загаром и копна кудрей цвета бронзы вокруг лиц с классическими античными чертами. На одном голубой хитон и сандалии, на другом — вылинявшие джинсы до колен и кеды. За спиной у них внимательный наблюдатель смог бы разглядеть туманные радужные крылья, едва заметные при дневном свете.

Эрос легко вскочил на барьер и развёл руки над пропастью.

— О-го-го! Я король мира!

— Ты понимаешь, что ведёшь себя по-детски? — рассмеялся Фанес.

— Да! Но я должен был так сделать. Иначе это не давало бы мне покоя следующие сто лет! Не позволю, чтобы какая-то глупая башня такие шутки со мной продевала! Нету у меня акрофобии! Я летаю! — И золотистый Бог Любви в обтрепанных джинсах кинулся в воздух, точно пловец в воду.

— Летает, болтает, всё в ажуре,— прокомментировал Фанес, пускаясь за ним следом.

* * *

В укромном закутке под аркой Зелёных Врат страстно целуются двое городских полицейских.

— Только я не педик! — предупреждает один, оторвавшись на мгновение, чтобы перевести дыхание.

— Да что ты,— бормочет его напарник.— Ведь ты даже зеркальца не носишь.

P. S. Дорогие мои российские читатели, все места, улицы и рестораны, где побывали Эрос и Фанес, на самом деле существуют в моём городе или существовали до недавнего времени. В Моряцкой базилике действительно висит утопленница, на Длинном Тарге всегда множество голубей, колокольный звон в костёле я слышала лично, а на территории Весьма Важной Институции живут утки. Вы сами можете в этом убедиться, если приедете в Гданьск.

¹³ Да! Да! Да! - знаменитый в Польше возглас премьера Марцинкевича после успешных переговоров в ЕС.

Эва Бялоленская
"Дверь в..."
(перевод с польского Маргариты Бобровской)

На написание этого повествования меня вдохновил цикл картин художника-сюрреалиста Здислава Бексиньского. Пусть оно послужит данью уважения уже умершему творцу.

Лестничная площадка в этом доме была точно с картинки.

Пётр видел когда-то такую картину в галерее, хотя, по прошествии многих лет, уже не мог припомнить фамилии художника. Наверняка кто-то не слишком известный. Зато он прекрасно помнил грязно-бурый свет, льющийся на зрителя из высокого узкого окна над входными дверями. Окно больше напоминало бойницу, тем более что углы представленного на полотне помещения тонули в полумраке. Кисть художника небрежно выловила из пригашенных теней очертания перил, одну или две ступени и какую-то рухлянь в углу — это мог быть и сломанный зонтик, и лапы паукообразного монстра. Не то сюрреализм, не то плохая открытка из довоенной фабричной Лодзи.

Ступив на лестницу, Пётр закрыл на мгновение глаза, чтобы избавиться от светящихся кругов, вращавшихся под веками. На площадке между этажами, как и было условлено, ждал хозяин квартиры. Он сидел на подоконнике и курил вонючую сигарету. Небритый, с жирными прядями волос, спадающими на уши, он как нельзя лучше подходил к этому неряшливому подъезду.

— Моё почтение,— сказал хозяин, бросая окурок на пол и растирая его подошвой.— Вам квартирку посмотреть?

— Да... Здравствуйте. Индивид забренчал связкой ключей, поднимаясь на этаж. На дверях горчичного цвета висели две таблички.

— Там еще кто-то живёт? — довольно резко спросил Пётр, пока мужик возился с тремя замками.

— Только коридор общий! — торопливо заверил хозяин.— Сами понимаете, квартира довоенная, поделённая на две. Посмотрите, понравится — возьмёте, не подойдёт — так нет. А мне так всё равно.

И в самом деле, за стальной дверью оказался узкий коридорчик, который одновременно служил складом для ненужных вещей. Там стояла секция старой «стенки», пустой цветник и какие-то коробки. Чуть повыше стены пытались украшать низкопробные репродукции, пришпиленные булавками,— Пётр внутренне даже содрогнулся от отвращения. На коричневых дверях в глубине коридора явственно виднелась надпись К+М+Б 2007¹⁴, а ту, перед которой остановился неряшливый мужичонка, украшало деревянное распятие, старательно прикреплённое с помощью клейкой ленты.

— Охренела баба! — со злостью рявкнул хозяин, срывая крестик. Замахнулся, будто хотел треснуть распятием о стену, но в последнее мгновение изменил намерение и положил его на шкафчик.

— Во дурная! — ворчал он.— Только и делает, что в костёл таскается, верно, от этого уже совсем крыша Поехала.

Соседство фанатички, быть может слушающей Радио Мария¹⁵ на полную громкость,

¹⁴ Инициалы трех Волхвов-царей-магов (Каспер, Мельхио и бальтазар), принесших дары новорожденному Христу. Надпись мелом на дверях делают в Польше в "Праздник Трех Царей" 6 января.

¹⁵ Католическое радио весьма крайних взглядов.

совершенно не улыбалось Петру, но он решил всё-таки осмотреть квартиру.

Она была однокомнатная, что соответствовало описанию в объявлении, зато обещанная ванная оказалась клеткой с поддоном, насилиу втиснутым рядом с туалетом, и ободранным бойлером посредине стены, напоминавшим угасший адский котёл.

В кухонной нише теснились жестяная раковина и двухконфорочная плита.

Комната была квадратная, потолок очень высокий даже для необузданных довоенных стандартов. Помещение казалось довольно просторным, возможно, потому, что меблировано было прямо по-спартански. Стол, два стула, узкий шкаф, стоявший ни к селу ни к городу точно посередине стены, а напротив — не первой молодости раскладная тахта. Паркет привычно скрипел под ногами.

Однако квартирка производила вполне милое впечатление, наверное, оттого, что была очень светлой. Пётр подошёл к высокому окну — посмотреть, где находится солнце. Как он и предполагал, окно выходило на восток, это означало, что тут будет хорошее освещение, по крайней мере до полудня.

— Сколько? — спросил он.

— Две сотни в месяц, и живите себе, — сообщил хозяин, почуяв, что рыбка попалась. — А та за стенкой — невредная. Если что — звякните мне, я её пошлю, она и отцепится.

— Послать я и сам умею. И не только бабульку, — сухо ответил Пётр с завуалированным предостережением. — А оплаты?

Двести злотых — это дёшево. Даже подозрительно дёшево. Где-то должен был быть укрытый подвох, но Пётр пока ничего не заметил, за исключением религиозной маньячки за стеной. Три с половиной сотни в месяц вместе со всеми оплатами он мог себе позволить, а к примитивным условиям привык ещё в старом общежитии. В конце концов, Ван Гог тоже не в роскоши творил, а Пётр его обогнал уже на четыре проданных картины.

Они заключили сделку, деньги и ключи перешли из рук в руки.

* * *

Разогревшись слегка трубочкой с травкой, Пётр принялся осваивать свою новую обитель. На тахте он быстро нашёл уютную, высаженную ложбинку, как бы специально созданную для многочасового сидения, отслеживания взглядом струек сигаретного дыма и укладывания в голове новых картин. Все его скромные пожитки разместились посередине комнаты на полу. Набитый рюкзак, старый чемодан, небольшая коробка, в которой сотни репродукций, газетных вырезок и открыток с изображениями картин. Кроме того, ещё мольберт и папка с набросками. На старых гвоздях, вбитых в стены, уже висело несколько маленьких пейзажей, а около дверей Пётр уважительно повесил оправленный в рамочку собственный детский рисунок. Выцветшая акварелька представляла красного кота со всеми присущими кошмарненькому детсадовскому вкусу последствиями. Автор, теперь уже повзрослевший на двадцать лет, много раз пробовал повторить на новых полотнах невероятную, сюрреалистическую и слегка зловещую морду котятры. Пока безуспешно. Молотка у Петра не было, поэтому пару новых гвоздей пришлось вбить с помощью старого разводного ключа, найденного в шкафчике под раковиной. Он собирался устроить небольшую личную галерею. Держать картины в штабелях под стенами он считал противным природе.

В процессе устройства появилась соседка. Сама манера её стука уже свидетельствовала об определённых претензиях, но, когда Пётр открыл дверь, женщина — высохшая, лет шестидесяти, как успел он заметить, — молча отступила и поспешно ретировалась на свою территорию. Интересно, что её больше испугало: разводной ключ в руке нового жильца или скорпион, вытатуированный на его обнажённой груди.

Пётр, которого это происшествие скорее рассмешило, чем рассердило, снова занял облюбованную ложбинку на тахте, созерцая дымовые спираль и глядя прямо перед собой —

а конкретно, на шкаф. Постепенно он осознал, что ему что-то мешает. А именно: шкаф.

* * *

Эта гнусная машина оскверняла белое пространство стены. Она высились, точно угрызения совести, точно кучка экскрементов на белой скатерти. Символ паскудного, низкого мещанства как раз посредине того, что могло предоставить свою поверхность для новой «Тайной вечери» или хоть копии Шагала.

— Прочь с моих глаз, мерзкая мебель! — изрёк Пётр, но шкаф, естественно, даже не шелохнулся. Художнику ничего не оставалось, как только встать и принадечь плечом на упёртый предмет обстановки. Он легко сдвинулся с места, тем более что внутри были только пустые полки и вешалки.

— Ну да, теперь всё понятно...

Загадка странного расположения шкафа разъяснилась. Шкаф отправился в угол — самой природой предназначеннное место для такого рода предметов обстановки, а на стене открылся рисунок огромной двери. Видимо, хозяин, желая сэкономить на краске, попросту заслонил то, что, с его точки зрения, было неприличной мазней, снижающей стоимость квартиры.

Художник вернулся на прежнее своё место и, заинтригованный, принялся разглядывать набросок. Он не ожидал увидеть ничего подобного. Трудно было это назвать фреской — просто рисунок карандашом по белой побелке, но выполненный очень старательно, так, что каждая чёрточка излучала целенаправленность этого произведения. Пётр отслеживал взглядом каждую линию. Таинственный рисовальщик не использовал линейки, но обладал твёрдой рукой и точно знал, что хочет сотворить. Он тщательно воспроизвёл на стене все подробности: неровные края дверной рамы, овальный глазок сучка и гвозди. Сама дверь по-старинному была разделена тремя массивными перегородками. Рисовальщик изобразил даже дверную ручку в форме листа аканта, с нарядным медальоном, не забыл он и о дырке для ключа. Только вот пропорции слегка подкачали, поскольку чуть наклонённая «кнаружи», приоткрытая дверь как-то неправильно сужалась, точно шириной была метра четыре, и край её терялся в глубине перспективы. А за дверью таились млечная пустота и седые тени.

* * *

Соседка, видно, сторожила, прильнув к глазку, потому что появилась она тут же, едва Пётр ступил за порог. Возможно, ей придало смелости отсутствие убийственных орудий и то, что мужчина на сей раз был полностью одет. Пётр вежливо ответил на её «добрый день», хотя тон его был скорее холодным. Лучше не допускать до излишнего сближения, а то кончится тем, что будешь выносить старушке мусор и снимать кошку с дерева или, что ещё хуже, разглядывать семейные фотографии за чаем. Он уже ждал вопросов вроде: кто он, откуда, где работает. Но уж наверняка не ожидал того, что услышал.

— Этот Жемла, верно, и не сказал вам... — выпалила женщина, сверля Петра горящим оком гарпии. — Ведь та девушка, что перед вами тут жила,— она понизила голос,— так она с собой покончила! А этот только в комнатке прибрался и как ни в чём не бывало опять жильца нашёл. Такой жадный до денег. Безбожник!

Пётр онемел. В голове его была звенящая пустота. Он даже не сумел выдавить из себя: «Да что вы говорите!»; впрочем, женщина, кажется, и не ждала никакого ответа. Она с достоинством задрала подбородок и двинулась к выходу, крепко зажав в руке сумку для продуктов.

— И двери не забывайте закрывать, а то сквозняк.

* * *

Мысль о прежней обитательнице комнаты возвращалась к Петру, точно бумеранг, в самые неподходящие моменты. Когда он таскался по галереям, сидел со своими полотнами в Старом городе или для экономии повторно заливал кипятком кофейную гущу в чашке. Она пользовалась тем же чайником. На полках в шкафу лежала её одежда. Пётр со смущением ловил себя на том, что самым абсурдным образом его возбуждает даже мимолётная мысль о женском белье. А точнее, он пытался представить её трусики. Идиотизм... Спала она наверняка на «его» кровати и, может, точно так же убивала время, пляясь в стену. Неужели именно таинственная, чарующая своей неопределенностью Она нарисовала картину «Дверь»? Может, она убежала из жизни с помощью горсти таблеток, скорчившись в уютной ложбинке, которую сейчас согревал своим телом Пётр? А может, если б он зажёг в ванной специальную лампу, которая есть у полицейских, то в её свете кровь девушки засветилась бы призрачным голубым сиянием, всё ещё присутствующая, хоть и невидимая — точно дух минувших событий. И почему она лишила себя жизни? Как её звали, как она выглядела?

Он начал рисовать пастелью ню. Женщины со «звериной» натурой, слегка напоминающие рисунки Дега. Обнажённые, худые блондинки с заострёнными грудями — смазывающие ноги кремом, выжимающие мокрые волосы свернутым полотенцем, бесстыдно раздвигающие бёдра во время чтения книжки... «Недурны, можно трахнуть», — оценивали приятели. Он возвращался к себе, открывал горчичного цвета дверь и прицеплял к доске новую картонку. Из-под его дрожащих пальцев появлялись очередные эфирные девушки. А если быть точным, это была одна и та же... Одна-единственная, в десятках вариантов, в разных позах и ситуациях. Пока, в конце концов, с последнего этюда она не глянула ему прямо в глаза.

Охваченный приступом иррациональной паники, он смял лист, бросил его в угол. Выскочил из дома, накинув куртку на бегу. Даже не обратил внимания, запер ли дверь. Но что там у него могли украсть? Краски? За полчаса добрался до Карины. А она даже не спросила, что случилось. Втянула через порог, вытряхнула из старой кожаной куртаки, точно каштан из шелухи. Вдвоём они оприходовали две бутылки дешёвого вина, а потом Пётр лечил свою изболевшуюся душу яблочными губами Карины и теплом её тела. Она отдавала всё, что могла, и брала взамен то, что он мог ей предложить. Без вопросов, без обязательств, без претензий. Утром он проснулся с ощущением здорового, реального похмелья. Демоны отступили.

* * *

Самое время было озабочиться хлебом насущным. Пётр мог, правда, сдать угол в своей снятой пятнадцатиметровой квартирке какому-нибудь приятелю, но он всё больше и больше входил во вкус свободы — пусть даже в таком скромном метраже. Хотя и понимал, что, чем выше поднимет чашу с пьянящим Libertad, тем скорее увидит её дно, но отгонял от себя эту мысль. В конце концов, даже Гогену приходилось халтурить телесных нужд ради, так что наклеивание обоев или мытьё витрин — не такой уж позор для художника. Безымянная блондинка покинула его мысли, изгнанная физической усталостью.

Хозяин квартиры на вопрос о самоубийце только пожал плечами. Одни живут, другие умирают, почему он должен из-за этого волноваться? Какое ему дело до этого? Хозяин отказался даже назвать имя той девушки. Взял деньги, бросил напоследок пару «ласковых» про соседкин длинный язык, и только его и видели.

А теперь Пётр снова сидел перед мольбертом с сангиной в руке и пробовал хоть что-то набросать.

— Твою мать, всё-таки мытьё окон мешает, — буркнул он про себя.

Он отложил мелок, чтобы вытащить из коробки джойнт. Ну что ж, может, ему удастся «писать по Виткацию»¹⁶, посмотрим, каков будет результат.

Карандашная дверь на стене приглашала войти. Соблазняла неизведанной землёй за порогом. Вот если б можно было толкнуть эту дверь... Дым скручивался вращающимися спиральюми, напоминавшими маорийские узоры. Где-то на самой границе слышимости зарождался низкий гипнотический звук, как будто в соседнем измерении играли на аборигенском диджериду¹⁷. Или мякал кот величиной с трактор.

Зажав косячок в зубах, Пётр вытащил из чемодана коробку с плакатными красками. Принёс в стаканчике воду и начал приготавливать краску, поглядывая на эскиз фрески и сатанински усмехаясь.

Два часа и два косяка позднее Пётр клал белой темперой блики света на ручке двери. Произведение было готово. Почти готово. Он по-прежнему понятия не имел, что поместить за дверью, на виднеющемся клочке пустоты, ожидающей заполнения. Кусочек тротуара? Деревенский пейзаж с полевой дорогой, оканчивающейся (или, может, начинаящейся) сразу за порогом? А может, сюрреалистический пейзаж: райский сад в кухне, миниатюрные джунгли в ванной или железнодорожный вокзал под кроватью? Прямо в духе Йерки¹⁸... От этого замысла он тут же отказался. В стиле одного, в стиле другого... Самое время найти собственный стиль, а не подражать чужой работе, пусть и гениальной.

Руки у него всё ещё рвались к кистям и краскам, и Пётр в очередной раз попробовал нарисовать безумного кота — на сей раз огненно-красной и оранжевой темперой на чёрном фоне. Творение шестилетки иронично косилось со стены на своего двойника. Котяра получился прекрасно, хотя ему опять не хватало того неопределённого «нечто», которое художник пытался ухватить в течение многих лет. Но наверняка в воскресенье на толкучке котик пойдёт за вполне приличные деньги и обеспечит Петру обед и, может, пару джойнов.

* * *

Он проснулся в ночи и понял, что заснул сидя, полностью одетый. Горло и язык высохли от жажды. Вода из крана отдавала хлоркой, но он жадно напился, облив рубашку. Закашлялся, мокрыми ладонями протёр лицо, потом направился к тахте. Есть ли ещё смысл стелить постель? Который час?

Уличный фонарь нахально светил прямо в окно призрачным бледно-оранжевым светом, точно дух умершей мандаринки, если б такие существовали. Дверь в стене медленно открылась. Очень медленно. На фоне тёмного дерева появилось белое женское плечо, потом светлая волна волос и овал лица. Девушка в красном платье призывающе тянула к нему руку. Пётр невольно сделал пару шагов. Коснулся приоткрытой двери, но вместо холодной стены ощутил под ладонью тёплую неровную поверхность. Ноздри уловили едва заметный запах морилки и неповторимый, ни с чем не сравнимый аромат старого дерева. Так пахнут чердаки довоенных домов, сараи и горные приюты в Бещадах. Пальцы девушки сомкнулись на запястье мужчины.

— Не бойся,— шепнула она.

Но он не ощущал страха, хотя, возможно, и стоило бы. Он знал это лицо с десятков своих эскизов. Оно столько раз сплывало на бумагу с кончика его карандаша, что Пётр мог бы нарисовать его с закрытыми глазами. И это тело, окутанное тонким шёлком платья, под

¹⁶ Известный польский художник С. Ватикевич, который писал под воздействием наркотиков.

¹⁷ Музикальный духовой инструмент аборигенов Австралии.

¹⁸ Яцек Йерка (р.1952) - популярный в Польше современный художник-сюрреалист.

которым проступали ясно различимые даже в полумраке соски. Девушка отступила на шаг, а мужчина, точно загипнотизированный, двинулся за ней. Когда он переступал порог, что-то вроде сгустка ржавого пламени проскользнуло у него под ногами.

* * *

Пётр на мгновение прикрыл глаза. Он слышал, как за его спиной с тихим скрипом закрывается дверь. По другую её сторону был ясный день. Хотя, вероятно, определение «ясный» оказалось несколько преувеличенным. Свет, струившийся с хмурого неба, напоминал цвет нежной сепии, как у натурального шёлка. Вокруг до самого горизонта расстилалась водная поверхность — такая спокойная, что поначалу производила впечатление твёрдого стеклянного зеркала. Простор этот сразу наводил на мысль о море или даже океане, но столь необычная гладкость воды скорее подходила бы озеру. Под ногами зашуршала галька.

Девушка по-прежнему держала Петра за руку. При лучшем освещении он теперь прекрасно видел мягкий овал её лица, светлые брови и ресницы, прозрачные глаза со смолистыми капельками зрачков и почти белые волосы. Она напоминала одну бледненькую актрисочку из фильма ужасов по сценарию Кинга. Ту, на которую некие одуревшие сопляки вылили ведро свиной крови — да ещё это невероятное красное платье. Между обнажёнными ногами девушки выписывал восьмёрки весьма самодовольный кот карминного цвета.

— Удрал с моей картинки, скотина? — беззлобно проворчал Пётр. Потом снова посмотрел на девушку. — Это ты раньше жила в моей комнате?

— Да.

— Соседка сказала мне, что ты покончила с собой.

— Возможно... Неважно,— безразлично ответила она. И, выпустив руку Петра, наклонилась и медленно, как бы в раздумье, погладила кота.

— Как тебя зовут?

Она ответила не сразу, почёсывая за ухом чёртова кошака, который мурлыкал точно целый оркестр.

— Алиса.

А кого еще можно встретить в кроличьей норке? Пётр оглянулся назад. Дверь — ни к селу ни к городу — красовалась прямо в обветренной скале. Высокий утёс возносился, казалось, почти под самое небо. Петр запрокинул голову и задумчиво свёл брови. Там наверху, на самом краю, беспорядочно теснились здания. Сцепившиеся вместе, точно грибные семейки или воюющие пауки, топорщившиеся бессмысленными галерейками, лестничками, кривыми балками, они скорее напоминали свалку, но это всё-таки были именно дома. Теперь уже полуразрушенные и опустевшие, но ведь когда-то кто-то все же построил это безобразное скопище и жил в нём.

— Что это за город? — спросил Пётр.

— Попросту город, — отозвалась Алиса. — У него нет названия.

— Как мы сюда попали?

— Вошли.

Пётр глубоко вздохнул. Какая же идиотка ему попалась! Блондинка снаружи, блондинка внутри. Приятный дурман, желание, которые он испытывал, рисуя её, куда-то улетучились. Сейчас, когда эта сексуальная длинноногая Алиса оказалась совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, она начала раздражать его своей рыбьей безучастностью и односложными ответами. В ней было столько же жизни, сколько в шпротине из банки.

Да и всё это странное место выглядело каким-то мертвенным. Неужели так выглядит потусторонний мир? А может, это попросту сон? Вполне вероятно. Глупый утомительный бред после травки.

В спокойной маслянистой воде неподвижно застыло отражение опустевшего города на

вершине утёса. Неровный гребень обветшалых строений завис над обрывом, каждую минуту рискуя обрушиться вниз. Пётр пытался разглядеть наверху хоть какое-то движение — птица, крыса, всё равно кто,— но ничто не нарушало мертвенностии пейзажа. Хотя ветер и насвистывал жалобные мелодии в скальных трещинах, ни малейшая рябь по-прежнему не нарушала безукоризненную гладь бескрайнего моря-озера. Пётр недоверчиво тронул воду носком ботинка. Поверхность слегка и как бы неохотно прогнулась, потом мелкие бисеринки янтарной жидкости перекатились по его кроссовке. Пётр нагнулся и опустил в озеро кончики пальцев. Он почувствовал лёгкую прохладу, а когда вынул руку, она по-прежнему была суха. Это оказалась не вода, скорее, нечто напоминающее ртуть. Копировавшая своим зеркальным отражением этот тревожный опустевший мир. Тёмные глазницы окон всматривались друг в друга, сверху вниз, точно столкнулись в зловещей борьбе воль. Тем временем спутники Петра успели отдалиться, не ожидая его. Они были единственными яркими пятнами в монотонном пейзаже цвета грязи и засохшей крови. Платье Алисы трепетало на ветру точно знамя, а пушистый кошачий хвост колыхался у ног девушки как блуждающий язычок пламени.

Пётр побежал, чтобы догнать их. Нет, он ни за что не хотел бы остаться тут в одиночестве. У подножия утёса появилось нечто вроде растительности. Сначала он обрадовался, но тут же инстинктивно отдернул руку. Стебли, выраставшие из коричневой гальки, были рифлёными, точно толстые черви, и фрактально разветвлялись на всё более и более тонкие идентичные отростки. Пётр заметил, что зеленоватые кисти, венчавшие нежные кружевные зонтики соцветий, беспрерывно двигались — ритмично увеличиваясь и снова сокращаясь.

— Что это? — спросил он.

Алиса безразлично глянула в сторону. Он думал, что она снова ответит какой-нибудь банальностью, вроде «кусты», но на сей раз девушка отличилась некоторой изобретательностью.

— Лёгкие акации.

— Мерзость. А что они делают? Алиса едва заметно пожала плечами:

— Растут. А что ещё они могут делать?

— А они не едят прохожих?

— Тут никто не ходит.

Этот мир напоминал все постапокалиптические фильмы сразу и был наголову даже галлюцинации, порождаемые мухоморами. Красный кот сзывающе заданным хвостом трусил впереди, не оглядываясь назад. Наконец он остановился и сел, нехотя облизывая свою лапу.

— Туда, — сказала девушка, остановившись около животного. Она смотрела вверх. Только теперь Пётр заметил, что голая скала уступила место бетонной стене. Он с сомнением проследил взглядом узенькую тропинку, которая шла поперёк пепельно-серой стены. В одном месте дорожка вдруг резко, под углом в сорок пять градусов, заворачивала и снова продолжала карабкаться вверх. Казалось, что стёжка эта — немногим шире макаронины, крутыми зигзагами поднималась она до самого верхнего края утёса, смутно видневшегося где-то на высоте одиннадцатого этажа.

— Туда?.. — повторил он. — Зачем?

Кот принял вылизывать себя под хвостом, поднимая заднюю ногу и позирия, точно модель для подсвечника. Петру показалось, что животина выражала таким образом своё полное презрение по отношению к невежеству человека, но вопросы сами собой выпархивали у него изо рта, точно воробы из клетки.

— Высоко. И опасно. Разве мы не можем и дальше идти вдоль берега? — упирался он.

— Нет, — ответила Алиса, а потом добавила как бы через силу: — Тут сейчас будет ещё хуже. — И она указала пальцем на тонкую линию горизонта, где появились какие-то тёмные очертания. — Это приближается. Надо подняться выше.

Не ожидая Петра, она ступила на жалкое подобие тропинки. Красный котяра

сопровождал её как тень. Пётр ещё раз оглянулся. На горизонте уже явственно росло что-то тёмное, мрачное, точно чёрный вал грозовых туч. Но поверхность озера по-прежнему была спокойной и гладкой. Он вдруг ощутил приступ иррационального страха. Тишина перед бурей, тишина в оке циклона... Что бы ни приближалось, оно тревожило Алису, обитательнице зазеркальной страны. Или, точнее, задверной.

Кот вопросительно глянул на Петра сверху вниз: мол, ты идёшь или нам не стоит морочить себе голову? Подошвы скользили по крошившемуся бетону, поэтому мужчина, по примеру своей спутницы, торопливо снял ботинки и носки. Выступ был шириной в полторы человеческих стопы. Мужской стопы. Пётр с облегчением заметил, что стена тут слегка наклонена, так что ему не грозило немедленное падение и перелом костей на каменистом пляже.

Где-то на половине пути он осмелился приостановиться, опираясь спиной о шероховатый бетон. Пётр поднял глаза, и у него перехватило дыхание.

Песочного цвета пространство над ртутным морем беззвучно распахивалось, раздвигая облачный занавес в противоположные стороны небес. Под бледным солнечным кругом левитировал космогоничный шестигранник, точно развёртывавшийся из одной бесконечности в другую. Ниже бесшумно приближалась гигантская стена цунами — смертоносный Конь Посейдона, он нёс на спине два корабля. Лишённые мачт и парусов плавающие гробы — старые, прогнившие, густо обросшие водорослями, точно десятилетиями скитались по морям и только теперь буря пригнала их к земле, чтобы на берегу нашли они последнее пристанище после своих странствий. На глазах Петра один из остовов распался на части, а волна с глухим рокотом, напоминавшим барабанную дробь, поглотила обломки. Другой корабль величественно развернулся, показывая расколотую корму, сделанную точно из бледно-голубого камня и отмеченную огромным крестом.

«Я знаю этот корабль! — закричало что-то в сознании Петра.— Знаю, я его уже видел!»

Но прежде чем он успел облечь свою мысль в слова, она исчезла, вспугнутая резким криком девушки: — Выше! Выше, а то тебя достанет!!! И он стал подниматься выше и выше, сражаясь с ветром и убегая от волны, которая легко могла раздавить его на бетонной стене, как паучка. Наконец Пётр добрался до вершины. Ноги у него кровоточили. Задыхаясь, он встал на краю между стихиями разбушевавшейся воды и земли, не сводя глаз с невероятного зрелища, разворачивавшегося перед ним. Корабль-призрак размером с «Титаника», казалось, находился уже на расстоянии вытянутой руки. Потрескавшийся купол надстройки медленно и величественно колебался всего на несколько метров ниже вершины утёса. Наконец волна разбилась о берег, так что земля под ногами задрожала, точно её ударили огромным молотом. Замшелый корпус тихо и с достоинством рассыпался, как детская игрушка. И глубина поглотила его, точно этот корабль никогда и не существовал.

Пётр уселся на краю утёса, свесив босые ноги. Он бы сплюнул вниз, если б во рту осталась хоть капля влаги. Цунами отступало. Он терпеливо ждал, пока полоска пляжа не стала такой же, как была раньше, с той только разницей, что теперь на границе земли и моря лежало множество огромных спиралевидных раковин. Даже с такого расстояния было видно, что это, по сути, окаменелости. Он вспомнил название. Аммониты... Самые небольшие экземпляры не меньше метра. Отлив продолжался. Обнажалось дно, чёрное и мерцающее, а на нём покоились кости морского чудовища. И Пётр уже не понимал, смотрит ли он на землю или, может, на небо антиподов,, видит ли останки левиафана или расколотые шпангоуты корабля, так обманчиво похожие на рёбра кита.

Ни Алиса, ни карминное порождение Петровой фантазии больше его не торопили. Он неторопливо обулся, завязал шнурки и только после этого принялся разглядывать высший «уровень». Внимание наблюдателя прежде всего привлекала гора, неожиданно вздымающаяся посреди почти совсем плоской равнины. Гора — или, скорее, титаническое строение, а может, лучше было бы назвать это творение скульптурой? Чудовищный купол окружали лепившиеся к нему меньшие купола, спиралью поднимающиеся кверху и производившие впечатление перевёрнутых вверх дном мисочек,— это были крыши меньших

зданий. Пётр, прикрыв глаза ладонью, различал новые элементы: белые колонны портиков, аркады, лестницы, мосты и красочные пятна росписей или мозаик, контуры которых размывались расстоянием. Всё вместе составляло поразительный город-статую. Именно так, поскольку вершину основного купола увенчивала огромная женская фигура, изображённая от бёдер вверх, что производило впечатление, будто весь город — это её юбка-кринолин. Окна, порталы, террасы и балкончики доходили ей до самой груди — ни дать ни взять украшенное кружевами платье. Дополняли сюрреалистическое произведение архитектуры волосы фигуры, уложенные в искусную причёску.

— Там, кажется, живут какие-то люди,— произнёс Пётр, увидев развевающиеся на ветру флагги.

— Обитают,— поправила Алиса, как будто это слово имело особое значение.

— Идём?

— Можно,— согласилась она, а кот уже бегом пустился в путь по тропинке, вытоптанной на равнине. Вокруг лежала жёлтая каменистая пустыня с торчащими повсюду странными геологическими творениями, напоминавшими каменные грибы. Почти идентичные, низкие, не выше колен. С плоских верхушек некоторых возносились струйки дыма, точно это были миниатюрные вулканы. Только через некоторое время Пётр разглядел, что на верху каменных столбиков обитают какие-то создания. Они собирались тёмными кругами вокруг микроскопических костерков. Кот, хоть и нарисованный, видимо, вспомнил про свой охотничий инстинкт. И сцепил когтистой лапой одно из таких созданий — так у Петра появилась возможность убедиться, что это существо отдалённо напоминает человечка с косматым телом и четырьмя тонкими, похожими на паучьи ножки конечностями. Только головка была белой с алыми пятнами на месте губ и носа. Глаз Пётр не заметил. Отчаянно пища, существо пропало в кошачьей пасти. Ещё мгновение виднелись дрыгающиеся лапки, а потом паучок сгинул в бездне кошачьей глотки. Алая bestia с удовлетворением облизнулась. И снова, как и в случае с кораблём, Пётр чувствовал, что уже встречал такие создания, что он должен их знать. Но не мог припомнить, появлялись ли они в его снах, или что-то подобное мелькнуло где-то в кино.

Алиса отнеслась к страхолюдным созданиям с несвойственным женщинам стоицизмом, хотя уродики после нападения кота беспокойно Зашевелились, ещё более напоминая отвратительных чёрных пауков. Ещё до того, как они дошли до предместий, место каменных грибов заняли целые россыпи криво расставленных ящиков-шкафчиков без дверей — запылённых, грязных и рассохшихся от долгого стояния под открытым небом. Хотя Пётр сомневался, чтобы тут часто шли дожди. Всё вокруг выглядело очень сухо. Сухо, пыльно и как-то старо, точно внутри гигантского чердака. Ассоциация ещё усилилась, когда Пётр заглянул в один из ящиков. Он был такой низкий, что мужчине пришлось согнуться вдвое. В тесном пространстве внутри висела летучая мышь. Или некто, напоминавший летучую мышь. Из бледно-синего туловища торчали две негнувшиеся лапы, вцепившиеся в горизонтальную жёрдочку. Верхняя (а может, и нижняя — как посмотреть) половина существа была туго обёрнута перепончатыми крыльями. Только движение рёбер под тонкой кожей свидетельствовало, что в создании ещё теплится искра жизни. Пётр не стал жалеть, что ничего больше не смог разглядеть. Его одолевала мысль, что у сей помеси тощего цыплёнка и нетопыря могут вдруг обнаружиться кровавые глазищи и пасть с вампирими клыками. Остальные шкафчики-ящички занимали подобные же обитатели разной величины и на разных стадиях сворачивания. Время от времени они шевелились, зловеще шелестя. Похоже, никому нельзя было находиться в этом месте после наступления сумерек, для собственной безопасности. Тем более что своеобразный «городок» насчитывал сотни «домиков». Даже кот, заглянув в один из ящиков, отказался от охоты, фыркая с отвращением и отряхивая лапы.

В пределах видимости в стене, являвшейся одновременно лентой на платье гигантской скульптуры, были только одни ворота.

Пётр поднял голову. Вокруг башни, которая составляла талию статуи, величественно

кружили сапфировые дирижабли. Только через некоторое время Пётр понял свою ошибку: пузатые творения были не транспортными средствами, а летающими рыбами с блестящей металлической чешуйёй. Одна из них опустилась ниже, тяжело загребая золотыми плавниками. Если Пётр правильно определил расстояние до неё, животное должно было быть величиной, по крайней мере, с касатку. Теперь он лучше понимал причину отсутствия особых эмоций у Алисы — после дышащих кустов, космического зрелища над океаном или колоний шкафных нетопырей летающие карповидные гиганты вызывали гораздо меньшее удивление. Они попросту составляли одни из элементов окружающей действительности. Или недействительности.

Греческий профиль статуи с достоинством склонялся над городом. То, что Пётр издалека принял за двойной кок, оказалось парой великолепных изогнутых рогов — бараньих или позаимствованных у муфлона. И на них развевались длинные цветные ленты.

Строители, вероятно, страдали гигантоманией. Городскими воротами служил огромный срез ствола великанскоого дерева, потрескавшийся, с явственными годичными кругами, висевший на чудовищных железных петлях. Дерево, от которого отпилили этот пласт, было скорее всего баобабом — неким мамонтом или динозавром среди деревьев. Собственно говоря, петли у ворот имелись с обеих сторон створа, зато не наличествовало ни засова, ни ручки, ни вообще чего бы то ни было, что подсказывало бы, как их открывать. Пётр поднял руку, чтобы постучать, чувствуя себя при этом невероятно глупо.

— Не надо.— Алиса положила ладонь на его кулак, а потом сделала два шага и исчезла в воротах с такой лёгкостью, будто погрузилась в воду. Пётр замер с поднятой рукой. Кот шмыгнул вслед за девушкой, а его коротенькое «муур» одиноко повисло в воздухе. Мужчина глубоко вздохнул, потом опустил ладонь на полосатое дерево... «Может, это всё-таки не баобаб?» — промелькнула у него совершенно бесполезная мысль. Растопыренные пальцы провалились, не встретив сопротивления. Он ощутил только пронизывающий холод. И, отдернув руку, со страхом оглядел её. Ничего, никаких тревожных отметин. Прямо перед его носом из ворот вынырнула бледная женская ладонь, призывающая его пальцем. Он с раздражением втянул воздух сквозь зубы и, уже не колеблясь, вошёл в, казалось бы, сплошную твёрдую поверхность. Мгновение атавистичного страха, сердце забилось быстрее, по коже точно тысяча ледовых паучков пробежала — и он уже внутри.

Жители прогуливались по узкой улице. Белые и розовые стены кое-где изгибались в необычной перспективе, обманывавшей глаз. Улица должна была идти под гору, но иногда казалось, что она заворачивает или гротескно всучивается, как на гравюрах Эшера¹⁹. Никому это не мешало. Женщины в кринолинах и шляпках, напоминающих плоские ящики, газоны или цветущие кусты, прогуливались в обществе арлекинов, мужчин в костюмах, изображающих судейские тоги, карликов или даже существ, имевших черты животных. То и дело проезжали полосатые возки, которые тянули псы и огромные крысы. Это была пёстрая ярмарка — с изобилием зодиакальных знаков, геометрических узоров и сочных красок, так резко отличавшихся от монохромных пейзажей, расстилавшихся неподалёку, за воротами. Хватало также лент и флагов, свисавших чуть не с каждого балкона или окна. Алые, зелёные, фиолетовые, индиго и охра — чистые цвета. У Петра глаза разбегались, он вылавливал из этой феерической пестряди разные символы: рыба, глаз в треугольнике, пентаграмма... Но эта изумительная сценография начала его тревожить. Что-то было не так. Наконец он понял: тут было слишком тихо. Толпа гуляющих должна была бы испускать оглушительный шум, даже несмотря на отсутствие машин. Между тем слышалось только хлопанье флагов на ветру, шелест одежд и стук колёс по мостовой, иногда нехотя брошенное отдельное слово. Казалось, что прохожие спят на ходу. Никто не работал, никто не занимался ничем конкретным.

«Театр,— мрачно подумал Пётр,— а это — артисты».

¹⁹ Эшер - нидерландский художник-график (1898 - 1972).

Его внимание привлёк дорожный указатель. На стрелке, указывавшей налево, красовалась надпись готическими буквами «СУДЬИ», а на обращённой вправо — «ПРОРОКИ». Из любопытства он повернулся в переулочок, такой узкий, что двое людей не могли бы в нём свободно разойтись. По обе стороны переулка тянулись ряды ниш. Большинство из них были пусты, в некоторых стояли стулья — выкованные из железа, обыкновенные деревянные, украшенные изысканной резьбой или обитые пыльным бархатом. Пётр заметил, что тут живые чистые цвета уступили место более приглушённым, смешанным краскам. Одно из сидений оказалось занято восковой кукольной головкой, стоявшей на низеньком постаменте, элегантно задрапированном шёлком. Глаза куклы были однотонно чёрными и пустыми. В зеркальной спинке стула отражались её чёрные волосы, кусочек пасмурного неба и беспокойно мечущаяся в зеркальной раме чайка.

— Неплохая инсталляция,— пробормотал Пётр.— Куколка, я тебя знаю. Ты — из старого Бексинского. Фантастический период. Ну и дела...

Он наклонился, внимательно изучая пейзаж, ставший фоном инсталляции. В чёрно-смоляных глазах куклы отразилась его искажённая фигура. Как получается это изображение? Монитор там, что ли? Но откуда такие устройства в мире, где проходишь сквозь стену, точно по волшебству, а в небе роятся гигантские летающие рыбы?

Он невольно глянул в противоположную сторону, бездумно ища проектор, и вдруг от отвращения горло его перехватила судорога. Это было хуже, чем паукообразные на равнине или селения лысых уродиков, напоминавших нетопырей. К стулу было прикреплено женское тело — без головы и плеч, отчасти сросшееся с мебелью в кощунственном соединении живой и неживой материи. Живой — поскольку худая грудь поднималась и опускалась, свидетельствуя о нерегулярном дыхании, как будто жертва этой казни страдала от мук, не будучи в состоянии даже выразить свою боль криком. Бесстыдно раздвинутые бёдра открывали срамные губы, а по сиденью разливалась стекловидная красная слизь.

Дрожа от отвращения и ужаса, Пётр отступал, не в силах оторвать глаз от чудовищного зрелища. Стоявшая рядом голова куклы медленно опустила веки, из её бескровных уст стало истекать жуткое шипение.

Будучи не в силах повернуться спиной к этим фрагментам человека, Пётр пятился аж до начала переулка, где его ждала Алиса. Ему полностью отбило охоту дальше исследовать переулок, ведь там можно было наткнуться на предполагаемых «судей», которые, похоже, не были настроены слишком дружелюбно по отношению к посетителям.

— Это было не слишком разумно,— лениво бросила девушка. Кот разлёгся на её плечах, точно меховой воротник.

— Да неужели? — буркнул Пётр, вытирая пот со лба. У него уже начинала проклёвываться пока неясная теория, что же такое на самом деле этот «город без имени», куда он попал. Слишком много он тут видел знакомых или даже хорошо известных ему деталей! Хотя бы те отвратительные останки, на которые наткнулся только что.

— А что с «пророками»? — спросил он, глянув на указатель.— Они опасны?

— В зависимости от того, что говорят. И от того, веришь ли ты в их слова,— пояснила Алиса, рассеянно почёсывая кота за ухом. Петр, молча повернулся в уличку пророков.

И снова стены цвета зеленоватой сепии, а в них ниши, некоторые пустые, некоторые заняты существами, которые, казалось, дремали или погрузились в глубокие размышления. Там была женщина с одновременно прекрасным и страшным лицом, как бы составленным из кожистых вуалей. В её огромных очах заходило солнце, а красные вороны опускались на лишённые листьев ветви. Был человек без губ, с жёсткими бумажными брыжками, он смотрел прямо перед собой тёмными круглыми, как у совы, глазами, в которых таился страх. На лице его как будто отразились все печали мира.

Пётр только головой покачал, проходя мимо. Переулок заканчивался тупиком. Без особого удивления он увидел резную колыбельку с распятием в изголовье. Колыбель мерно раскачивалась, её толкала ладонью фигура в голубом пышном плаще с капюшоном. Рядом на земле валялись части скелета. На обшарпанной стене за плечами фигуры висела потрёпанная

марионетка — точно извращённая пародия распятого Христа. По верху стены расселись рядком чёрные птахи неведомой породы, их глазки-бусинки неприветливо разглядывали пришедшего, точно раздумывали, выклевать ли ему глаза прямо сейчас или ещё чуток подождать. Ниже, на потрескавшейся штукатурке, виднелась надпись на латыни: «IN HOC SINGO VINCES»²⁰.

— Под каким знаком? — спросил Пётр.

Полозья колыбельки постукивали по неровной мостовой. Звук эхом отбивался от пустых стен.

— Под каким знаком?!

Фигура пророка подняла голову, но под капюшоном была лишь темнота.

— Каждый побеждает под своим,— был ответ, произнесённый сухим, шелестящим голосом, точно тасковали пергаментные карты.

— Да? А мой какой же? — с горечью спросил Пётр.— Может, тот самый проклятый кот, что преследует меня с детства?

— Кот — это символ твоей гордыни,— ответил пророк, а какая-то птаха глумливо застремкотала.

— А девушка? Пророк молчал.

— Похоть?..— подсказал Пётр.

Пророк покачал головой, окутанной капюшоном, точно одновременно и кивал, и отрицал его слова.

— Плохо ты мне помогаешь,— буркнул художник. А в ответ услышал тихий, свистящий смех.

— Пророки и не должны помогать. Они... пророчествуют.

— А что ты мне напророчествуешь?

— Следуй за розой.

Наступило продолжительное молчание.

— Это всё?

Несколько птиц перепорхнули на марионетку и принялись нехотя её клевать. Молчание длилось, и Пётр пошёл обратно, решив, что больше ничего нового тут не узнает.

* * *

Пётр только теперь заметил, что у указателя имелась ещё одна маленькая стрелочка, указывавшая в глубь разноцветного бульвара. Надпись на ней гласила: «ДУРАКИ».

«Вот это как раз для меня,— подумал он, направляясь вверх по улице.— Как бы там ни было, но я всё-таки кретин».

По дороге ему попались другие таблички — «Жрицы», «Маги», «Отшельники»... Когда же увидел «Повешенных» и «Колесницы», то понял, что все эти названия связаны с картами Таро. Он протискивался между пышными и жёсткими юбками дам, обходил торчащие-шпаги кавалеров в разноцветных шапочках, неуклонно следя по стрелкам. Последняя висела на столбике на самом краю террасы, выразительно указывая вниз, за барьер. Пётр расхохотался: насколько он помнил карту «ДУРАК», там изображен был молодой человек, беззаботно ступающий в пропасть.

— Нет уж. Спасибо, не воспользуюсь,— громко произнёс он.

С террасы открывался очаровательный вид на поголубевшее небо. Кое-где на просторе величаво покачивались сапфирно-золотые рыбы великаны, а прямо напротив Петра посреди неба распускалась невероятно огромная — точно пурпурная туча — роза²¹. Несколько минут

20 "Под этим знаком ты победишь".

21 Картина С. Дали "Медиативная роза".

он любовался великолепным зрелищем, потом оглядел террасу. И тогда заметил в ближайшей стене знакомую дверь.

— Есть роза. Ну и есть выход! — обрадовался он, кладя ладонь на ручку. Ручка поддалась, и Пётр, не раздумывая, переступил порог.

И снова он стоял на знакомом каменистом пляже, теперь усеянном гигантскими ракушками. Рядом он увидел девушку и кота. Они вглядывались в него, как будто чего-то ожидали. Он заскрипел зубами, сдерживая проклятие.

— Эта дверь открывается только в одну сторону,— произнесла Алиса, стоя неподвижно, с руками, брошенными вдоль тела.

Пётр со злостью дернул ручку ещё раз. Она рассыпалась у него в ладони на мелкие крошки, точно цветной мелок.

— Это Дверь в. Внутрь. Она не ведёт Туда.

— Ты всегда была такой деревянной? — сердито бросил Пётр.

Девушка свела брови.

— Да,— медленно ответила она.— Потому что была больна. И грустна. Поэтому предпочла перейти сюда. Там я была бы только духом...

— А я?! — сорвался он.— Кто я такой, блин? Тоже дух? Это всё тут,— он обвёл рукой вокруг,— это ж хреновы картины! Старый Бекса, Сентовский, Грач и бог знает кто ещё, кого я насмотрелся на выставках! Та роза,— он повернулся в сторону всё ещё висевшего на небосклоне цветка-гиганта,— это ж, блин горелый, Дали! Медитативная роза! А то хреновенькое солнышко — наверняка какой-нибудь Фразетта или ещё какой пачкун. Я что, внутри собственной головы нахожусь?! Ведь даже ты на самом деле не существуешь, это я тебя на-ри-со-вал.

Алиса с обычным для неё спокойствием смотрела, как он мечется.

— А какая разница? — наконец спросила она.

— Ну да, никакой,— саркастически ответил он.— Итак, я влип. Ведь я же не могу вернуться назад, верно?

— В общем, нет,— осторожно ответила она.

— Я умер?

— В общем, да.

Он замолчал. И побрёл по берегу у моря золотой ртути в сторону, противоположную бетонному утёсу. Если это ад художников, есть ли для них рай? И где он? Может, ему удастся добраться до радостных акварелей Ларссона²², на которых полно играющих светловолосых детей и деревянных шведских домиков, где примут утомлённого путешественника и угостят его чаем. А может, за мглистым горизонтом пирюют гребцы Ренуара, а презираемый до сих пор Бугеро²³ выпускает на лужки своих кичеватых пастушек и пухлощёких купидонов.

Коричневая галька размеренно шуршала под ногами художника. Он оглянулся через плечо. Его грехи тихо следовали за ним.

А роза в небе цвела.

* * *

Лестничная клетка была запущенной и унылой, синяя масляная краска на стенах лущилась. Моника подумала, что, если квартира выглядит так же, она там ни на минуту не

²² Карлтон Ларсон (1854-1905) - шведский художник.

²³ Вильям Бугеро (1825 - 1905) - французский академический художник.

останется, даже если придётся потом по два часа добираться до института и томиться в пробках. Кася бодро топала впереди по деревянным ступенькам, настроенная явно оптимистично. Хозяин уже ждал под дверью цвета заплесневевшего какао со связкой ключей в руках. Неужели зелёная, солнечно-жёлтая или красная краски стоят аж так дорого? Почему люди собственоручно уродуют свое окружение?

— Моё почтение, барышни,— произнёс мужчина с ключами, с поклоном приподнимая старомодную шляпу. Он носил бурого цвета пальто и галстук и ассоциировался у Моники с типом опустившегося чиновника самого низкого уровня, точно сошёл прямо со страниц «Шинели». Но от гоголевского Башмачкина отличал его какой-то жуликоватый блеск в глазах, что ей не слишком понравилось. Каська, разумеется, этого не заметила, кокетничая с этим типом, точно он был самим Брэдом Питтом. Моника даже украдкой закатила глаза от раздражения.

Общий коридорчик был заставлен барабахом, как обычно бывает в такого рода домах и многоэтажках. Хозяин с неловкой усмешкой снял с двери деревянный крестик, приклеенный липкой лентой.

— Ох, это всё соседка,— смущённо проворчал он, откладывая распятие на цветник.

— Маньячка? — подозрительно поинтересовалась Кася. Ну хотя бы настолько ещё инстинкт самосохранения у неё работал.

— Да нет! — махнул рукой хозяин.— Не слишком. Прошлые жильцы не жаловались. Только оставляет иногда на половике костёльные газетки, так ведь это легко выбросить.

Комната оказалась светлой и, к счастью, довольно чистой, хотя и скромно меблированной. Столик, два стула и две тахтушки, всё дешёвенько, но зато новое. В одном углу шкаф, в другом углу мольберт художника.

— Ой, мамочка! — вскрикнула потрясённая Каська, глядя на левую стену. У Моники даже перехватило голос.

Кто-то нарисовал там натуральной величины дверь. Краски были яркие, насыщенные, светотени положены так умело, что дверь на первый взгляд казалась совсем настоящей. Только хорошо поморгав, можно было всё вернуть на своё место, а дверь становилась тем, чем и была на самом деле — плоской фреской.

Очень реалистичная, старинная, солидная — такая могла быть в спальне состоятельного деревенского дома прошлого века. Но эта дверь никуда не вела. За приоткрытой створкой таились седые тени. Только из-за дверной рамы выглядывала красная кошачья морда с рисовавшимся на ней психodelическим выражением не то угрозы, не то насмешки. Моника вздрогнула. И подумала, что кот — просто настоящий Бегемот, цвет только другой.

— Барышням это мешает? — забеспокоился мужчина.— Если б вы решили тут стены перекрасить, то я бы цену опустил...

— Нет-нет,— быстро заверила его Моника.— Сойдёт.

— Невероятно,— сообщила Каська восхищённо.— Так сколько?

* * *

Вокруг были разбросаны коробки и сумки, некоторые уже пустые, другие опорожнены только наполовину, а некоторые и вообще ещё не распакованные. Каська понеслась за бумажными полотенцами. А Моника, вместо того чтобы сражаться с переселенческим хаосом, сидела на кровати, вглядываясь в картину. Эта дверь обладала странной притягательностью. Так и хотелось подойти и толкнуть ее, попробовав распахнуть пошире. Единственный глаз кота, выглядывавшего из-за рамы, иронично смотрел прямо на девушку. Не задумываясь, Моника вынула из косметички зелёный карандаш для глаз, встала на колени прямо на жёсткий паркет и начала рисовать в пространстве между створкой и рамой. Из-под её руки вырастали стебли травы. Кот зажмурился и замурлыкал.

Моника монотонно напевала, вторя ему.
Завтра она купит краски.

Олег Шелонин, Виктор Баженов
"По образу и подобию"

— Зарежут, вот помяни моё слово, зарежут.— Заместитель начальника нервно расхаживал по лаборатории, не находя себе места.— Шефу её не отстоять.

Сотрудники сочувственно смотрели на коллегу.

— Да не переживай ты так, Лю. Руководство сменилось, может, ещё твою тему и утвердят.

— Мне надо было идти, мне! В конце концов, я автор идеи. Весь проект основан на моей диссертации, Почему автору запрещено отстаивать перед руководством её базовые положения?

— Потому,— дружелюбно хлопнул его по плечу один из младших научных сотрудников,— что авторы идей, как правило, не дипломаты. Ты же в момент с начальством перегрызёшься. А шеф наш хоть звёзд с неба и не хватает, зато знает, с какого боку к начальству подойти. И у отдела каждый месяц премия...

— Да сдалась мне эта премия! Мне за науку обидно! Сколько лет уже топчемся на одном месте из-за этих ретроградов! Этические нормы, мораль, создание искусственного интеллекта запрещено законом, клонирование под строжайшим запретом! А уж о том, чтобы над человеком эксперименты проводить, даже не заикайся! Я ж свою кандидатуру предлагал! Ни в какую не соглашаются, пацифисты долбаные!

Лю сел на краешек своего письменного стола, достал из кармана замызганного лабораторного халата трубку и дрожащими руками начал набивать её табаком.

Табачная труха сыпалась на пол меж тонких, холёных пальцев. Щёлкнула зажигалка, и удушливые клубы дыма поплыли по лаборатории. Лаборантки, морщась, начали махать ладошками перед носиками, бросая неодобрительные взгляды на доцента.

В этот момент распахнулась дверь, и в лабораторию вошёл их любимый пухленький шеф с не менее пухлой папкой, которую он нежно прижал к груди. Лю торопливо затушил пальцем трубку.

— Ну? — жадно подался он вперёд.

Лицо Богдана озарилось счастливой улыбкой.

— Утвердили.

— Ура-а-а!!!

— Качать шефа!!!

Энтузиазм сотрудников лаборатории был понятен. Утверждение темы «Гомо сапиенс» клало конец бесконечным теоретическим исследованиям и пустопорожним спорам и дискуссиям. Пришло время практических действий.

— Богдан, Богдан,— суётися Лю около сотрудников, подбрасывавших шефа под потолок,— надеюсь, утвердили в полном объёме? Без всяких ограничений?

— Да ты больной на всю голову, Лю! — орал из-под потолка сияющий шеф.— Разумеется, нет! Один экземпляр, да и тот в микромире.

— Что?!!

Сотрудники тут же прекратили качать шефа и бросились утешать его зама. Начальник лаборатории приземлился на кафельный пол самостоятельно.

— У, ё-моё,— схватился он за пострадавшее место чуток пониже спины.— А ну быстро по местам! Избаловал я вас.

Всех уволю!

Сотрудники молниеносно рассосались по рабочим местам и приникли к своим микроскопам.

— Устроили в лаборатории бардак,— недовольно бурчал Богдан, пытаясь подняться с

пола. Его зам поспешил на помощь профессору.— Распустились тут, понимаете ли!

Надыимили...

— Шеф,— поспешила отвлечь раздосадованного начальника одна из лаборанток,— у меня есть захват! Очень симпатичный атом. То, что нам нужно. Без осложнений, и стабилизация полная.

— Ну-ка, ну-ка,— обрадовался Богдан,— дай картинку.

На огромном экране во всю стену лаборатории появилось изображение ядра атома водорода. Ядро мерцало мириадами разноцветных точек, каждая из которых была своя собственная, отдельная вселенная.

— Отличная аппаратура,— восхитился Богдан,— не подкачали физики. Стоит как пришитый. Так, дамы и господа, начинаем поиск. Параметры звёздной системы и планеты должны на 99,99 процента соответствовать нашему миру.

— Шеф, но это нереально! — осторожно кашлянул Гавриил.

— Реально,— успокоил его шеф и подсел к лаборантке, первой осуществившей захват.— Дай-ка, милая, я попробую.

Девушка с готовностью уступила место профессору.

— Для чистоты эксперимента,— пояснил Лю,— нам нужны именно такие параметры.

— Да нам и миллиона лет не хватит, чтобы подобрать мир, соответствующий нашему с такой точностью.— Гавриил озадаченно почесал затылок.

— Не хватило бы, если б я не добился особых полномочий,— гордо сказал Богдан, извлекая из пухлых внутренностей папки какой-то хитроумный прибор.— Ну-ка, Лю, подключи.

— Шеф, ты гений!!! Дай я тебя расцелую! — завопил доцент.

— Ни в коем случае! Это исключительная привилегия наших лаборанток. Подключай давай!

Лю поспешил состыковать приставку с универсальными разъёмами микроскопа. Атом водорода стремительно завращался, а затем рванулся вперёд, распадаясь на вселенные, метагалактики, галактики, пылевые туманности, отдельные звёздные скопления...

«Поиск завершён»,— замерцала надпись на экране. Стрелка указала на третью планету, вращавшуюся вокруг жёлтого светила. По экрану побежали параметры найденного мира: гравитация, состав воздуха, температура у поверхности планеты...

— Прекрасно. А теперь сделаем дополнительное увеличение.— Пухлые пальчики шефа застучали по клaviатуре, и изображение сделало ещё один прыжок навстречу.

Стены лаборатории сотряс трубный вой. Картина на экране впечатляла. Из чащи, ломая мамонтовые деревья, выползла огромная рептилия, раскрыла зубастую пасть и зарычала на завизжавших от страха лаборанток.

— Да, не повезло,— вздохнул Гавриил.— Нам досталась девственная планета.

— И вряд ли хоть один гомо сапиенс на ней выживет среди этих монстров,— согласился с коллегами Лю.— Но вы недооцениваете нашего гениального шефа! Эта приставка — регулятор локального времени!

— В обмен на усечение программы её выбил,— вздохнул Богдан.— Ну да лиха беда начало.

Пухлые пальцы с неуловимой быстротой застучали по клaviатуре. На экране появились уточняющие данные по звёздной системе с перспективой на ближайшее будущее.

— Ну вот. Всё, как было когда-то и у нас. Обратите внимание, господа, на этот волчок.

Изображение вернулось обратно в космос и переместилось на пятую от звезды планету, которая действительно вращалась, как волчок, с недопустимой для такого массивного космического тела скоростью.

— Судя по прогнозам, скоро её разорвёт, господа, и один из осколков врежется в этот девственный мир, уничтожив всех этих монстров. Это произойдёт... — профессор всмотрелся в цифры на экране,— через сто миллионов лет. Прекрасно. Поймаем этот момент. Обожаю катаклизмы. Сейчас мы увидим, как гигантский астероид уничтожает почти

всё живое в этом диком мире.

Профессор запустил регулятор локального времени, настроил его на момент катастрофы, и картина резко изменилась. К планете приближалась комета.

Одна из лаборанток не смогла сдержать смешка.

— Перехвалил я смежников,— вынужден был признаться Богдан,— подкачали прогнозы. Это был не астероид, но тем не менее пока всё по графику. Так, давайте-ка ещё на пятьдесят миллионов лет вперёд нырнём и полюбуемся на приматов.

Регулятор локального времени опять заработал, и скоро на экране появилась группа человекообразных обезьян, ломящаяся через зелёную чащу.

— Прекрасно. Как ты думаешь, Лю, подходящий материал для эксперимента?

В этот момент один примат взметнулся на дерево и продолжил путь, прыгая с ветки на ветку, используя для этой цели не столько коротенькие ножки, сколько мощные мохнатые руки.

— Нет, шеф, надо бы ещё пять миллионов лет пропустить. Чтоб хоть не на четвереньках ходили.

— Как скажешь.

Богдан вновь перенастроил регулятор локального времени, и картина опять изменилась. Приматы уже не стояли на четвереньках. Они стояли на задних лапах, по колено в снегу, а передними крошили черепа друг другу с помощью дубинок.

Часть лаборанток упала в обморок, а когда победители устроили пир, используя в качестве лакомого блюда тела своих сородичей, упали в обморок и остальные. Один из МНС, не сдержав спазмы желудка, пулей выскоцил из лаборатории, зажимая руками рот.

— Мальчики встали и быстро привели девочку в чувство,— распорядился Богдан.

Мальчики начали хлопотать над девочками.

— Слушай, Лю, чего это наши приматы так зверствуют? Зачатки интеллекта вроде есть, вон уже орудия производства появились, и такое варварство!

— Зима, видать, холодная была. Пищи не хватило, ну и начался естественный отбор.

— Не нравится мне этот отбор. Начальство узнает, тут же эксперимент заморозит. Может, ещё на пару миллионов лет вперёд нырнём?

— Боюсь, дальше только хуже будет. Надо работать с этим материалом. Найдём самого миролюбивого и займёмся им по полной программе.

Самым миролюбивым оказался самый трусливый, а возможно, просто самый умный примат, который в естественном отборе не участвовал. Забившись в пещеру, он насыпался припрятанным от соплеменников куском мамон-тятиной, который хранил в импровизированном холодильнике, сооружённом из глыб льда и снега под землёй.

— Какая умница! — умилился Богдан.— Вот из него мы и будем делать нашего идеального человека.

— Только давай ему среду обитания сделаем помягче. В места потеплее перебазируем.

— Не возражаю. И атавизмы всякие уберём. Девочки, девочки, взяли себя в руки. Дела не ждут. Надо поработать над генной структурой вот этого аборигена. Всё теперь зависит только от вас. Делайте всё по образу и подобию. Мне нужен идеальный человек. Умненький, красивенький, стерильненький. Покажите, на что вы способны.

Работа закипела. Параметры идеального человека были продуманы уже давно, а потому дело спорилось, несмотря на то что девочки до сих пор были в полуобморочном состоянии. Пока они трудились над приматом, младшие научные сотрудники готовили для него среду обитания. Тёплое местечко в междуречье неподалёку от экватора планеты для него нашлось быстро, но в нём было столько далеко не миролюбивых животных, что стало ясно: их идеального человека сожрут в пять секунд.

— Может, сделаем из этих тварей вегетарианцев? — неуверенно спросил Богдан, глядя на пожирающего лань тигра.

— Нельзя,— мрачно буркнул Лю,— баланс нарушится. Размножатся, всю траву, на хрен, сожрут, а потом подохнут с голода вместе с нашим идеальным человеком.

— Что же делать? — запаниковал начальник лаборатории.

— Спокойно, есть идея. Я никому не дам сгубить эксперимент.

— Излагай.

— Накроем этот кусок суши междуречья гипнотическим полем. Пусть наш Адам...

— Кто?

— Ну так я этого мохнатого придурука назвал, примата нашего.

— Ну не совсем теперь примата... — пробормотал Богдан, покосившись на экран, где объект уже почти лишился шерсти. — Эй, девочки, не увлекайтесь! Сверху чуток волос оставьте и снизу, чтобы срамоту прикрыть.

— Это ты не отвлекайся, шеф. Девочки и без нас разберутся. Так вот я и говорю: пусть наш Адам растёт под колпаком. Все животные внутри будут мирными, а если захотят подкормиться, пусть валят в джунгли и там друг друга жрут.

— Ты гений, Лю! Я этим займусь лично!

Итак, все проблемы были утрясены. Час дружной, слаженной работы, и идеальный человек под дружные вопли «ура!» всех участников эксперимента сделал первые шаги по райским кущам, которые в честь родной лаборатории решили назвать Эдемом. Лаборантки чуть не рыдали от умиления, глядя на плоды своих трудов.

— А что, девочки, посмотрим, что будет завтра? — радостно спросил Богдан.

— Посмотрим!!! — Девочки не возражали.

— А я пока за нектаром метнусь, — предложил Михаил.

— Надо же такое событие отметить! — поддержал его Гавриил.

— Валяйте, — бесшабашно махнул рукой босс, — сегодня можно. Ну-с, что там у нас будет завтра? — полез он перенастраивать время.

Назавтра практически ничего не изменилось. Картинка была по-прежнему пасторальная. Девочки просто угорали, глядя на то, как лань мирно паслась в двух шагах от тигра, которому Адам пытался в тот момент запихнуть в пасть букет цветов, желая накормить бедную зверушку. Тигр мотал мордой, отвергая подношение, и глядел голыми глазами на идеального человека, глотая обильную слону. При этом он так жалобно, так утробно рычал!

— А мурлыкает-то как ласково!

— Какая киса!

Пока девочки умилялись, мальчики накрыли праздничный стол. И скоро загудел великий пир, в котором участвовала вся лаборатория, кроме самого автора идеи эксперимента. Лю листал день за днём, наблюдая через монитор за своим подопечным.

— Шеф, — наконец не выдержал он, — по-моему, что-то идёт не так.

Богдан с бокалом нектара в руках подошёл к своему заместителю.

— Чего не так?

— Сам посмотри.

Адам сидел под яблоней на траве. В одной руке его была ромашка, другой рукой он с садистским наслаждением обрывал с неё лепестки. Робкая лань подошла к идеальному человеку и потянулась к цветочку, думая, что добрый дядя подготовил ей угощение, получила кулаком по морде и умчалась прочь.

— Бракоделы! — рассердился Богдан, покосившись на лаборанток. — Он же о добром думать должен! Откуда такие агрессивные настроения?

— Да скучно ему! Неужели непонятно? Шеф, ну-ка честно мне, ты точно только на один экземпляр разрешение получил? — испытующее спросил Лю.

— От тебя ничего не скроется, — хмыкнул Богдан. — В кризисной ситуации, если что пойдёт не так, разрешили ещё один экземпляр соорудить.

— У нас кризисная ситуация! Ему надо срочно сделать подругу!

— Сейчас не выйдет. Девчонки уже никакие. Давай завтра.

— Он до завтра не доживёт! Ты смотри, смотри, что делает!

— Венок... из ромашек.

— Какой венок! Глаза разуй!

То, что сооружал Адам из длинных стеблей ромашек и одуванчиков, действительно больше напоминало верёвку, чем венок. Вот идеальный человек сделал на её конце петлю и полез на яблоню.

— Куда! — всполошился Богдан.

— Это пока не страшно, но ты понял, что идеальный человек на грани суицида?

Травяная веревка не выдержала веса тела идеального человека, и он опять оказался под деревом с обрывком петли на шее.

— Так, сейчас всё исправим,— успокоил заместителя начальник лаборатории.— Это ж экспериментальный человек?

— Ну? — В глазах Лю зажёгся огонёк неподдельного интереса. Он почуял, куда клонит шеф.

— Да ещё и в микромире. Так что для экономии времени можно склонировать ему подругу прямо из него. Что бы нам такое от нашего Адама оттяпать? Что там у него лишнее?

— Только не это, шеф! — завопил Лю, увидев, на какую часть тела нацелился Богдан.— Давай я сам. Стручок у него один, а вот рёбер много, ты иди-иди к ребятам, к девочкам, а я всё сделаю.

— За это и люблю.— Богдан чмокнул зама в темечко.— За гений и за трудолюбие.

Начальник лаборатории добил содержимое своего бокала и нетвёрдой походкой направился к лабораторному столу, где пир набирал обороты.

Операция прошла успешно. Из погруженного в наркотический сон Адама Лю извлёк ребро и создал из костной ткани подругу идеальному человеку. Девочка получилась что надо! В её создание доцент вложил всю свою душу. Возможно, именно поэтому она и получилась столь похожей на вертихвостку Еву из соседнего отдела, к которой Лю давно безуспешно подбивал клинья.

— Вот так тебя и наречём: будешь у нас Ева!

Доцент опять начал листать дни, следя за развитием идеального человека и его подруги. И чем дальше он листал, тем больше хмурилось лицо.

— Ну что тут у нас? — Рядом на стул плюхнулся принявший очередную дозу нектара Богдан.

— Плохо,— сердито буркнул Лю.

— На тебя не угодишь,— хмыкнул начальник лаборатории, уставившись радостными глазами на экран.— Что теперь?

— А то ты сам не видишь! Разве это человек?

— Человеки. Их уже двое. А вон та милашка на Еву из соседнего отдела похожа.

— Шеф, не о том речь! Разве это люди? Ходят с блаженной улыбкой идиотов по райскому саду, тупо жуют травку...

— Таким составом на троих не сообразишь,— согласился Богдан.— Но, извини, квоты. Наши резервы исчерпаны. Руководство разрешило создать только двух. Пусть осваиваются. Так что что получилось, то получилось, и хватит тут кукситься в одиночку! Пошли за стол, девочки обижаются. Программу-минимум мы выполнили, эксперимент удался, квартальная премия обеспечена, пошли! А социоэксперименты над ними ставить будем завтра.

— Сейчас, шеф,— тяжко вздохнул Лю.— Ещё чуть-чуть поколдую. А вдруг что в голову придёт.

— Ну давай, только недолго. Мы тебя ждём!

— Квота, говоришь? — пробормотал себе под нос доцент.— Больше двух экземпляров создавать нельзя? Ну это нам нельзя, а им можно.

Лю был истинный учёный, а потому привык всё доводить до конца. Он с усмешкой посмотрел на Адама и Еву, мирно спящих рядышком под яблоней, не стесняясь наготы друг друга, и ввёл в корни дерева ген размножения. Жёлтые яблочки начали наливаться алым цветом. Для надёжности доцент сделал ментальный позыв, загипнотизировав спящую на ветвях среди алых плодов змею. Её время скоро придёт. Она расскажет им о древе познания.

Интересно, кто первый клюнет? Только не Адам. Этот рохля ни за что не решится сорвать запретный плод. А вот вертихвостка Ева...

Доцент устало потянулся и с чувством до конца выполненного перед наукой долга пошёл праздновать победу, не заметив, как рукавом замызганного лабораторного халата чуть-чуть сместили рычажок настройки генератора локального времени...

* * *

Доцент проснулся оттого, что кто-то грубо тряс его за плечо.

— А? Что? — встрепенулся Лю, потряс головой и понял, что заснул прямо на лабораторном столе среди кучи объедков и пустых бутылок из-под нектара.

Над ним стоял всклокоченный шеф, глядя злыми глазами на своего заместителя. Остальные члены вчерашней попойки жались по углам лаборатории, старательно делая вид, что их здесь нет, а если они и есть, то абсолютно ни при чём, что бы там ни случилось.

— Я тебе что вчера сказал, экспериментатор хренов,— прорычал Богдан, рывком поднимая зама из-за стола.— Не больше двух экземпляров идеальных людей!

— А-а-а... вот ты о чём.— Доцент протяжно зевнул.— Так больше двух людей мы и не сделали, а уж ежели они сами подсуетились, так я тут...

— Людей! — взревел Богдан.— А не богов!

Лицо шефа побагровело так, что Лю испугался, что его сейчас хватит удар.

— Да в чём проблема-то, шеф?

— Смотри!

Богдан включил экран.

На парапете фонтана, в котором плавали золотые рыбки, сидел мужчина средних лет, завёрнутый в римскую тогу, и, смеясь, крошил в воду хлеб, наблюдая, как рыбки только что не выпрыгивали из воды, ловя подкормку. Около особо крупных кусков в, воде кипела настоящая битва. Вода на поверхности бурлила.

— Ну и что? — пожал плечами доцент.

— Что? А вот послушай — что!

Изображение переместилось на двух рыбок, которые в общем пиршестве не участвовали. То ли они уже насытились, то ли им было просто не до того, так как они вели беседу. И не простую, а теологическую! Транслятор честно переводил.

— Так ты по-прежнему утверждаешь, что Бога нет? — воинственно вопрошала своего оппонента рыбка с фиолетовым хвостом.

— Нет,— решительно тряхнула оранжевым гребешком вдоль всего хребта вторая рыбка.

— А кто же нам тогда в воду манну небесную сыплет?

— Это что? — выпучил глаза доцент.— Что это значит?

— Это значит, что ты допрыгался.

— Но, Богдан, я же...

— Всё! Забудь про Богдана. Изволь обращаться официально. Перед тобой Бог!

За плечами начальника лаборатории развернулись белоснежные крылья, над головой засиял нимб. Сотрудники лаборатории тоже поспешили принять соответствующий протокол вид. Доцент с тяжёлым вздохом развернулся и свои крылья.

— А может, по собственному желанию? — робко спросил он.

Однако шеф был непреклонен. Развернув свиток, он зачитал приказ:

Дисциплинарная комиссия НИИ постановила: за многочисленные нарушения трудовой дисциплины, включая пьянство на рабочем месте, заместителя начальника лаборатории Люцифера приговорить к исправительно-трудовым работам в котельной, в должности начальника с окладом чернорабочего. На период исправительно-трудовых работ бывшему научному сотруднику доценту Люциферу запретить посещать лабораторный комплекс НИИ.

Взмахом руки Бог перекрасил белые крылья своего бывшего зама на чёрные.

— Охрана! В лабораторию вошёл архангел Пётр.

— Слушаю вас. Начальник лаборатории аккуратно свернул свиток с приказом.

— Проследите, чтобы Люцифер не смог переступить порог Эдема, пока не отбудет наказание.

— А может, всё-таки по собственному... — попытался было вякнуть опальный зам.

— Во-о-он!!! Люцифера как ветром сдуло за порог. Архангел Пётр встал у дверей, сочувственно похлопал по плечу доцента.

В коридор вышел архангел Гавриил, виновато посмотрел на своего бывшего коллегу.

— Слыши, Гаврюха, а сколько мне впаяли? — шёпотом спросил Люцифер.

— Немного. Потерпи, пока эта заваруха на Земле не уляжется.

— Какой ещё Земле?

— Той самой, где сейчас рыбки о Боге спорят. Да ты не расстраивайся. Пока ты дрых, дисциплинарная комиссия аналитиков подключила. Через пару тысяч лет они там андронный коллайдер начнут строить...

— Кто, рыбки?

— Не, потомки Адама и Евы, так что до Армагеддона рукой подать. Короче, через пару тысяч лет ждём тебя обратно!

— Спасибо, ребята!

Люцифер пожал руки бывшим коллегам, тряхнул чёрными крыльями и, довольный, что так легко отделался, пошёл осваивать новое рабочее место.

«Теперь я специалист по дерму и пару. А что, если для ассенизационных работ привлечь души грешников этой самой Земли? Забавный получится эксперимент. Надо поставить вопрос перед дирекцией об организации экспериментального участка при котельной нашего НИИ. Формирование штатов я беру на себя...»

— Ты знаешь, Петь, мне тут в голову одна мысль забавная пришла. — Гавриил задумчиво смотрел вслед Люциферу.

— Какая?

— А вдруг и мы так же по-дурацки в своё время на свет произошли? Промежуточного звена ведь от крылатой обезьяны до нас, ангелов, археологи так до сих пор и не нашли...

Андрей Белянин, Галина Чёрная "Как стырить алмаз у торина..."

...Мы вылетали на новое задание. Все сборы окончены, рабочая суэта позади, детали утрясены, костюмы подогнаны. Остался только один, последний момент — получить у гоблинов «переходник». Я хотела сбегать за ним, но кот остановил меня решительным движением лапы:

— Я сам, девочка моя! Ибо если пойдёшь ты, то, не дай бог, Рудика или Боббера по дороге встретишь, заболтаешься, позволишь угостить себя кофе, забежишь «на минуточку» глянуть новые фотки с дня рождения и... Короче, мы и до заката отсюда не вылетим.

— Нет здесь заката, — сердито пробурчала я, невольно замахиваясь, чтобы дать ему пощёчина, но под укоризненным взглядом Алекса сделала вид, будто просто хотела почесать у себя в затылке. В принципе упрёки Профессора имели под собой основу...

К тому же он, как обычно, не слушал то, что исходило не из его колбасолюбивых уст.

— Потерпи, малышка, я мигом сбегаю, мне ведь не приходится обмениваться сплетнями с каждым знакомым прохожим.

Уф... придушила бы, как резинового пупса! Но, к сожалению, шея у него слишком толстая для моих изящных пальчиков. Вот натренирую их, сжимая каждый вечер по два часа теннисный мячик, тогда держись...

А чем всё кончилось? Тем, что мы ждали его десять минут, потом пятнадцать, потом ещё двадцать. Наконец стало ясно, что что-то не так. Не в его характере подобные

проводочки. И мы с мужем, тихо сатанея, отправились на поиски. По пути встретили грифона Рудика (чего так боялся кот), подрабатывавшего на Базе инструктором танцев жизни. Командор уже открыл рот, чтобы спросить его, не видел ли он в той стороне нашего Профессора, но я его опередила:

— Привет, как делишки?

— Потихоньку...

— Я слышала, ты недавно в конкурсе тренеров восточных танцев участвовал. Ну и как там судьи, нормально судили?

— Мы ищем... — нетерпеливо перебил меня Алекс. Но я, не оборачиваясь, сделала упреждающий жест, прося дать мне услышать ответ Рудика, который сморщил морду и потёр клюв:

— Сносно. Но общий уровень мероприятия не ахти. Видела бы ты костюмы некоторых участников.— Он высунул чёрный язык и взял себя за горло, изображая рвоту.— У наших домовых портняжек и то в сто раз больше выдумки... А вы куда так торопитесь?

— Да в принципе никуда.— Я обозрела потолок и лениво зевнула, вспоминая, что ещё хотела сказать Рудику при встрече.— А-а, вот ещё! Я, возможно, пропущу следующее занятие, у нас тут сложное задание предстоит и, кстати, совершенно секретное, но это между нами...

Недоумевающее лицо командора выражало уже крайнюю степень внутреннего кипения.

— Кота, что ли, ищете? — уловив некое напряжение с его стороны, спросил догадливый грифон, почёсывая живот задней лапой.

— А ты его видел? — равнодушно откликнулась я, будто не замечая, что довожу мужа до белого каления. Просто это я так воспитываю в нем внутреннее спокойствие. А то слишком серьёзно он ко всему относится, сплошной комок нервов. Так и до раннего инфаркта себя довести можно. Спокойствие, только спокойствие...

— Лично его нет. Но тут недавно пробегала целая толпа хоббитов, и у них был слишком подозрительный вид.

Причём у дико хохочущего Фёдора в руках я заметил предмет, очень похожий на ваш «переходник». Я думал, вы его им в руки не даёте. Мало ли что, они ведь существа недалёкие...

Но договорить ему мы не дали, Алекс устремился вперёд, как живая иллюстрация к роману «Кролик, беги!». Я, естественно, припустила за ним, на ходу обернувшись и посылая воздушный поцелуй благородному Рудику. Через пару минут мы были уже вблизи лаборатории гоблинов. Небольшой технический отдел, где хранятся типовые «переходники», находится на их территории. И они же проверяют аппаратуру на техисправность до и после каждого нового задания. А из стоящей рядом большой чащебразной урны бессильно свисал знакомый полосатый хвост...

Мы в четыре руки извлекли связанного Профессора, из его пасти струйкой стекала кровь...

— Он умер! О, Аллах, прими его душу! — взывала я.

— Это свёкла.

— Его связали, убили и заткнули рот свёклой?! О, Аллах, прими его душу!

— Всё в порядке, он живой.

— Вэ? Ну-у... — Тогда хвала Аллаху, что он вызвался пойти сам и не я лежала в урне, связанная, носом вниз, с непропорциональным овощем в зубах...

— Фофойно, дефоффа, не раффофи фанифу,— постепенно выплёвывая изо рта разжёванную свёклу, выдохнул кот, сверля меня гневным взглядом.

Почему такой суперпрофессионал, как агент 013, не освободился раньше, можно было понять, только зная его кошачью природу.

— Фа, чтобы я, уфафаофий себя... кот, вынужден был есть свёклу?! Если Анхесенпа... и котята узнают, я... потеряю... авторитет в семье. Если бы это была хотя бы стерлядь или

скумбрия, даже тряпка со вкусом кильки... но свекла! — патетично ворчал он, выковыривая из зубов красные крошки.

— Но кто это сделал, дружище? — сдвинул брови командор.— Ты ведь вроде просто шёл за «переходником» и...

— Они забрали «переходник», маленькие волосатые мерзавцы... Я дрался, как лев!

— Да кто они?! — поддержала я вопрос мужа.

— Хоббиты! Хоббиты сбежали с Базы! — К нам пулей влетел лепрекун Ганс Стрела, курьер и по совместительству массажист шефа.

— Когда? Как?! Почему??!

— Неизвестно. Но похоже, что побег был тщательно спланирован. И у них был «переходник»! Начальник срочно требует вас...

Мы дружно уставились на кота. Суду всё ясно. Агент 013 сплюнул последние крошки свёклы, размазал остатки сока себе по мордашке (чтоб героичнее!) и первым дунул жаловаться к шефу.

— Чтобы хоббиты сбежали с Базы, где их холили и лелеяли, шеф будет в шоке, он с такой нежностью к ним относился... — вслух рассуждала я, когда мы подбегали к кабинету гнома. Казалось, он слышал мои слова ещё за дверями...

— Это я-то с нежностью?! Да пусть проваливают, неблагодарные недомерки! — стремительно расхаживая по рабочему столу, рычал шеф.— Сколько я для них делал! Сколько судов, комиссий, ревизий, врачей и психологов, а они... Вот как они мне за всё отплатили! Сколько волка ни корми, он всё о Красной Шапочке думает... О чём это я?!

— О неблагодарных хоббитах,— подхалимски напомнил лепрекун.— Вы совершенно правы. Может, и к лучшему, что они ушли, действительно, от них было одно беспокойство. Жаль ещё, что не всем кварталом улетели, а только пятнадцать штук, но раз прецедент есть... Главное теперь — «переходники» на видном месте им оставлять. Глядишь, постепенно, к Новому году, и вовсе освободят территорию. Только нужно им дорогу назад как-то перекрыть.

— Диссиденты! — важно поддержал кот. По роже было видно, что вопрос об изъятии у него «переходника» он намеренно замалчивает...

— Главное, что избавились от их главарей, Фёдора и Брандакрыса.— Шеф устало бухнулся в кресло.— Эти вечно ходили в зачинщиках всех гнусностей на Базе и других малоросликов подбивали. Жаль только, Боббера оставили...

— Его сейчас допрашивают, и пока он всё отрицаёт. Похоже, что действительно на этот раз ни при чём,— сверившись с блокнотом, подала голос секретарша-троллиха.

— Ни за что не поверю, что он не в курсе,— сказал Алекс. Я согласно кивнула.

— Живо за ними, и вернуть, пока они чего не натворили,— внезапно переменил отношение к событию шеф.— Вы отследили их перемещение? Куда, мать их Грендель раздери, этих мелких гадёнышей нелёгкая забросила?

— В Средиземье, на Пеленорское поле, в день великой битвы за Гондор,— встревоженно откликнулся гоблин-связной, оторвавшись от экрана компьютера, на котором фиксировались все передвижения агентов с «переходниками», которые удавалось засечь. Связь была прерывиста, но тем не менее позволяла иногда прийти на помощь нашим агентам. Что здорово выручало, если, конечно, помощь успевала вовремя...

Повисла нехорошая тишина, которая через мгновение взорвалась рёвом гнома:

— А-а-а, чтобы мне всю жизнь бриться тупым топором Балина!

— Их не нелёгкая забросила,— уверенно добил связной.— Вне всякого сомнения, побег был спланирован заранее. Похоже, что они намеренно отправились на Пеленорское поле, чтобы принять участие в битве.

— Тоже мне герои нашлись, возомнили себя суперагентами и решили, что без их участия средиземцам не победить? — вмешалась я.— Нужно вернуть хоббитов, пока их не перебили, как щенят. Жаль, что мы на задании...

— Ваше задание подождёт!

— Но... э-э... мы же должны лететь на Карибы, там акула-призрак вконец затерроризировала бедных серфингистов и... — Я поняла, что обновить купальный сезон не удастся. Ну мелкорослики, вы у меня за всё заплатите...

— А может, они всё-таки случайно... Не верю я в этот массовый хоббичий героизм,— пожимая плечиками, засомневался кот. Будто не на него они напали всей массой...

— К сожалению, нет. Мелкотравчатые дезертиры не могли попасть в Средиземье, прародину всех хоббитов, просто понатыкав случайную комбинацию кнопок. Такой случайности даже вчера вылупившийся стрижонок не поверил бы,— вздохнул гоблин, наступивая чёрным когтем по клaviатуре. На экране всплыли личные дела и фотографии пятнадцати беглецов...

— Командор Орлов! Приказываю вам и вашей команде «оборотней» срочно переориентироваться на операцию «Вернуть дезертиров»! — Шеф поочерёдно пронзил нас троих пылающим взглядом.— И никаких отговорок, я отправляюсь с вами!

Да чтобы наш красноколпачник лично принял участие в задании?! Это было беспрецедентно! На секунду даже показалось, что у меня слуховые галлюцинации. Я быстро поковыряла в ухе и окинула пытливым взглядом лица моих напарников и шефа. Похоже, что со слухом у меня пока что всё в норме. Шеф сказал то, что сказал, и не отступит.

— Хозяин — барин, как говорится, но зачем? — скромно вздохнула я.— Миру не грозит погибель, к чему вам-то себя так затруднять...

— Сбежавших от харчей и привольной жизни с полным обеспечением хоббитов вернуть будет непросто. Вам понадобится помочь. На недавней ревизии мы с таким трудом доказали, что их надо беречь, а они устроили массовый побег. Если информация просочится, к нам такую ревизию могут заслать! Да нас тут вообще прикроют...

— Вы темните? — мигом догадалась я.— У меня муж врёт так же неумело...

— Кто, я?! Да как вы смеете, да я... Ладно... признаюсь, всё равно не поверите. Это моя детская мечта — принять участие в Пеленнорской битве,— опуская глаза, признался шеф.— А тут такая возможность... когда ещё выпадет шанс...

И он туда же. Ведь шеф уже как-то говорил, что хоббиты напоминают ему его в детстве. Так вот, похоже, что наш босс уже начал в него впадать.

— А на какой стороне будете драться? — не выдержав, съязвила я. Но моё тщательно спроектированное невинное выражение личика никого не обмануло. Кот испепелил меня лютым взором, Алекс тоже смотрел укоряюще. Типа не ребёнок уже так глупо шутить. К тому же с начальством.

— Конечно, на нашей! — спокойно ответил шеф, глядя мне прямо в глаза взглядом, говорящим, что такими наивными подколками его с намеченного пути не собьёшь. Ну разве я всерьёз собиралась? Не знаю, что ли, какой он упрямый?

— В общем, хватит терять время! Нужно поймать их по горячим следам, иначе последствия могут оказаться более чем трудноисправимыми.

— Есть, патрон! Через час все у гоблинов, в полной боевой готовности!

И мы пошли собираться. По дороге я продолжала донимать ребят своими вопросами:

— Но разве на «переходнике» можно задать координаты «мир Средиземья» или «вселенная Властелина Колец»? Как это хоббитам удалось и как нам удастся?

— А то нам в первый раз в сказку отправляться,— фыркнул, потягиваясь на ходу, Профессор. Он как кот может позволить себе потягиваться везде, даже в кабинете у шефа. Не то что я: я раз там потянулась, так меня секретарша заревновала. Но речь не об этом...

— Эх, знала бы раньше, давно бы смоталась сама с Гимли познакомиться и на Лодыриен заодно посмотреть. Кстати, правда, что там одни лодыри живут? — Я сделала глубокомысленную паузу, но мне никто не ответил.— Неужели мы вот так в любую книгу попасть можем?! Я бы тогда не прочь заглянуть и в «Гарри Поттера», посмотреть, из какого конструктора они там свои палочки собирали...

— Алиночка, перестань нести чушь! От этого у кого угодно произойдёт размягчение мозгов. И как я столько продержался?

Так хотелось ему ответить: «А почему тогда ты так уверен, что у тебя его нет?» — но стерпела. У меня новая методика диспута с котом, я просто игнорирую его язвительные замечания с лёгкой улыбкой, отчего его нервы страдают ещё сильнее. Пусик покосился на меня раз, другой, сбился в шаге и затрясся мелкой дрожью. Говорю же, метод действует. И почему раньше мне на эту тактику терпения не хватало?

За него заступился Алекс, он у нас спец по технике, постоянно читает журнал «Мир переходников», поэтому пустился доступно объяснять:

— Дело в том, что это не совсем «мир Толкиена», а один из уже существующих параллельных миров, который он описал. Ему просто надиктовали. Сверху. У хороших писателей такое часто бывает, это научно доказано.

— А, ясно! Йиеху-у-у!! Мы летим в один из параллельных миров, описанный Толкиеном! — счастливо сообщила я всему коридору, пускаясь вскачь.

— Удачи тебе, Эовин, сестра моя,— хлопнул меня по подставленной ладони проходящий мимо Рудик. Приятно, когда твои друзья понимают твои увлечения.

Новые сборы не отняли много времени. Особо долго притворяться там кем-то другим мы не собирались, отловим этих пронырливых беглецов, и домой, вкушать заслуженную двойную порцию десерта от Синелицего. Только череп орка где-нибудь прихвачу, буду пугать Бэса, он ужасно суеверным стал после принятия сана православного священника. Думаю, это будет забавно. А нет, так я эту черепушку в оранжерею у шурала закопаю, а хоббитам записку напишу, типа там клад! Если, конечно, мы вернём хоббитов....

Меня приодели, как рохансскую деву на выданье. Командор выглядел как вояка-викинг, в принципе прокатит. В таких вещах только больные толкиенисты разбираются, а всем прочим оно без надобности. Кот, перемерив с десяток кольчуг, остановился на тонком бронежилете, сером в полоску, под цвет шерсти. Видимо, делался по специальному заказу.

Наш шеф уже ждал в фойе, разодетый в лучших традициях гномов Кхазад-дума. Топор, плащ, шлем с кельтскими узорами и горящие безумным блеском глаза отпетого головореза. Перемещались легко, новый «переходник» гоблины принесли лично, под охраной двух бдительных биороботов. Мало ли...

...На Пеленаторской равнине в день битвы с тёмными силами, как водится, было хмуро и мрачно. Солнечное затмение, усугубленное густыми тучами, не способствовало созданию оптимистичного настроя у участников предстоящей баталии, собирающихся биться на стороне Света и Добра.

Вот орки, назгулы и остальная нечисть помельче, те ликовали, устраивая пляски у костров под хлопки и удары в страшно уродливые барабаны, обтянутые кожей редких существ из Красной книги Средиземья. Они не настолько сильно отличались от экранных образов Питера Джексона, чтобы останавливаться на подробном описании. Оставил этот хлеб эпическим авторам. Скажу только, что орки были ещё более тупорылые и узколобые, а назгулы, говоря народным татарским языком, имели «лицо топором, лоб толкачом», а морда каждого громко просила кирпича! К их фигурам я не приглядывалась, видимо, они были не так выразительны, как лица.

За холмистой местностью белело нечто похожее на Вавилонскую башню, видимо, это и есть легендарный Минас-Тирит, последний оплот Средиземья.

— И чего он с нами попёрся? — возмущённо прошептала я Алексу, кивая на шефа.— Я не могу в его присутствии расслабиться. Не хочу, чтоб меня каждую минуту контролировали...

— Войди в его положение. Мы всё время на свежем воздухе. А он целыми днями в кабинете. Ему надоела бумажная работа, он решил вспомнить молодость, доказать, что и сейчас его дух ничем не слабее, чем тогда, когда он по шотландским лесам со своей бандой набеги на шерифов устраивал. И вообще, он босс, ему особенно не откажешь, хотя я и сам уже слегка напряжён. Работать под бдительным оком начальства не фунт изюма...

— Ну что, идем искать наших беглецов! Уверен, они рядом,— подбодрил нас шеф, неправильно истолковав наши хмурые лица.

О том, что происходило с хоббитами, пока мы их не поймали, я списала с записи на «переходнике» (они имеют функции диктофона и с момента начала задания ведут непрерывную запись, как «чёрный ящик» в самолёте, чтобы в случае гибели агентов Базе не пришлось особо тратиться на расследование причин). Дело было примерно так...

Как только эти умники перенеслись в нужное место, они пошли заниматься в сборную армию Гондора. Но их встретили в палатке предводителя совсем не так, как они ждали. Мягко говоря, это было не то обращение, к которому они привыкли на Базе...

То есть беглецов не приласкали, не накормили, не утишили. Арагорн, к которому их привели дозорные, сразу начал подозревать, что они прибыли, чтобы устроить на него покушение. Годы бродяжничества и изгойства сделали его мнительным.

— Отряд невысокликов! Кто прислал вас? Отвечайте!

— Мы сами-с.

— Сами? Ха-а! И ради чего такая толпа мелких проходимцев сорвалась из своих уютных норок?! Вы же домоседы и терпеть не можете битвы, походы, приключения! А ну говорите правду! — Наследник Исилдура вперился подозрительным взглядом в льстиво щерящегося Брандакрыса.

— Мы хотим биться с врагом-с!

— Биться?! — Вот тут уже неприлично заржали все люди, которые находились в доходном шатре.— Ладно, идите готовьте кроликов. Моим воинам нужна горячая еда.

— Готовить-с? — вежливо удивился Брандакрыс, не стирая с лица гнусного оскала.

— Да, что здесь удивительного? Ведь ни для чего другого ваша братия не приспособлена. И добавляй «государь», когда говоришь с истинным повелителем Гондора!

Растерянные хоббиты промолчали. Оружия им не дали, об этом и речи быть не могло, но по шее тоже не надавали, а могли бы запросто. Отвернувшись, Арагорн мрачно буркнул:

— Мы победим благодаря призракам, с которыми я вчера договорился. А с этих... не спускайте глаз!

После этой фразы наши «добровольцы» сочли за лучшее не спорить, а, пока целы, поскорее покинуть палатку, от такого полководца всего можно ожидать...

Кот обнаружил их после недолгих поисков по лагерю и, разумеется, сразу вызвал нас. Ни я, ни Алекс, ни шеф вопросов ни у кого не вызывали, спокойно шлялись, где хотели, и, будь мы шпионами, то... Ладно, мы не шпионы. Могли бы, но...

А вот у беглых хоббитов вид был очень жалкий и голодный. Они ждали начала битвы, сгрудившись в сторонке, под кустом чертополоха, и точили пластмассовые ножи из столовки, и это была лишь половина сбежавших. Остальные разбрелись по полю, надеясь поживиться едой и вооружиться хотя бы выкопанным булыжником.

Увидев нас, они сразу сдались, причём отовсюду набежали остальные, избавив нас от головной боли по их сбору. Пришлось отдать им половину наших съестных припасов. Вернее, половину удалось отстоять, так как они, не спрашивая, с ходу вырывали у меня сумку с едой. И только потом поздоровались...

Шеф не стал их отчитывать. Просто потому что не успел. Чей-то рог затрубил, за ним другой, все повскакали с мест и начали строиться, я поняла, что начинается... Нечисть не стала ждать, на нас пошли в атаку!

Ох, как мне захотелось дать подзатыльник ближайшему довольно (или противно) чавкающему хоббиту за то, что они втравили нас в эту историю. Выберемся ли мы отсюда живыми? Вэк, не хочу я попасть в лапы орка! Хорошо помню, что они хотели сделать с Мерри и Пиппином, и сделали бы, причём не раз, если б Древень их не спас. Хорошие стишкы, хотя и двусмысленные...

Я быстро пересчитала хоббитов по головам, тринадцать штук, не хватает двоих. Ладно, могло быть и хуже. А теперь-то что делать? Нас убью-у-ут...

— Уводите их скорей, я вас прикрою! — проревел шеф, отбиваясь от трёх орков сразу.— Быстрей! И не держите меня! О, как я мечтал об этой минуте...

Волна нападающих едва не захлестнула нас, но ливень стрел с фланга остановил их, а

потом меня оттеснили подоспевшие воины Гондора. Профессор сошёл с ума, потому что подхватил чей-то брошенный кинжал и с гуронским воем прыгнул прямо на голову ближайшего монстра. Командор вращал двумя мечами, стараясь уходить от прямой атаки вражеских копий, а хоббиты с испугу всей толпой завалили одного тщедушного орка. Нет, не убили, разумеется, куда им... Но раздели и отпинали, это они умеют!

(В общем, в тот день и наши хоббиты внесли свой вклад в общую победу Добра в Средиземье. Хотя о них и не сложили легенд и песен, но их подвиг не менее велик, чем у многих бившихся на этом поле, ведь «добровольцы», может быть, впервые сражались не для личной выгоды. А для того, чтобы другие могли жить под мирным небом. Вот пишу это и слезу то и дело смахиваю — до того трогательно...)

— Но как мне увести их одним «переходнико-о-ом»?! Ещё два прибора были у Алекса и шефа, но их оттёрли

так далеко, что я даже не была уверена, что кто-то из них меня услышал. И тут один хоббит ласково похлопал меня по колену, одновременно успокаивая и привлекая внимание.

— Я могу встать тебе на плечи, тётя Алина!

— Зачем это? — не сразу въехала я. — Тебе что, снизу плохо видно?!

Даже на миг подумала, что этот малыш совсем обнаглел, в такой трагический момент затеяв какую-то дурацкую игру, но его товарищи уже показывали «зачем», быстро строя пирамиду. Так вот как они ухитрились перенестись с Базы всего одним «переходником»! Хоббиты ловко вставали друг другу на плечи, на меня забрались аж трое, двое взгромоздились на плечи, а третий на плечи этих двоих над моей головой и так далее, пока все тринадцать не замерли в сложносоставной акробатической фигуре. Да, у ребятишек чувствовалась подготовка. Я уже не сопротивлялась. Нужная координата на «переходнике» была задана заранее. Оставалось только нажать на кнопку.

Я ещё успела подумать, до чего воняют ноги у этих хоббитов и какие они всё-таки грязные, как нашего гнома захлестнула толпа орков. Это было последнее, что я видела...

...Дальше всё просто. Переместиться в фойе Базы, стряхнуть с себя этих циркачей — пусть ушибаются, как хотят, — передохнуть пять минут, собраться с мыслями и начать набирать на «переходнике» обратный адрес, потому что я волнуюсь за мужа! Ну и за котика, хотя он женат и за него и без меня есть кому поволноваться.

Однако уже вскоре командор вернулся сам, с котом и гномом под мышками. Уфф! Какое облегчение! Ещё пара секунд, и я воротилась бы на Пеленорскую битву, чтобы самой искать их изрубленные трупы. Шеф был ранен, Алекс и кот, хвала Аллаху, отделались царапинами и синяками.

— Знаете, кто пропал? Брандакрыс и Фёдор! — с ходу оповестила я наших.

Гном застонал и ушёл в обморок. Видно, много крови потерял. И мы поскорей сдали беднягу на руки подоспевшим санитарам. Врачи у нас квалифицированные, аппаратура новейшая, секретарша-троллиха с радостью поработает ночной сиделкой, а нам придётся ещё и разруливать эту ситуацию до конца...

— В каком смысле пропали, милочка?

— В худшем, — пояснила я. — Когда мы перемещались, их в пирамиде уже не было. Они куда-то удрали с украденным «переходником». И вряд ли на битву...

— Так, надо запросить у операторов координаты их перемещения, — согласился мой муж. — Умоемся, переоденемся, выпьем кофе — и в погоню!

...Таким образом, на поиски Фёдора и Брандакрыса мы отправились примерно часа через полтора. Точных координат обнаружить не удалось, трудно отследить «переходник» в фэнтезийном мире, зато за это время вскрылись новые факты их бегства. Оказалось, что в последнее время Брандакрыс с Фёдором штудировали в библиотеке классического «Хоббита» и ряд серьёзных технических книг про огранку, вес и определение ценности драгоценных камней. Я перестала что-либо понимать...

— Это может означать только одно — они хотят вскрыть могилу Торина под Одинокой горой и украсть алмаз Аркенстон, Сердце Горы! — уверенно определил Профессор,

демонстративно держа на перевязи правую переднюю лапку. Не думаю, что она у него так уж пострадала, но ему казалось значимым изображать хоть для самого себя раненого, но не сломленного героя.

Командор лишь пожал плечами: значит, отправляемся прямо сейчас...

— Я с вами! Подождите меня! — раздался голос шефа. Он успел застать нас буквально в последний момент.

Вот же неугомонный! Весь в бинтах, с гипсом на левой ноге, но глаза горят, на перевязанной голове помятый шлем, а руки уверенно сжимают боевой топор с пятнами оркской крови. В общем, сбежать от начальства мы не успели. Хотя я и хотела нажать на кнопку и сорвать боссу по возвращении, что мы его не услышали или что палец соскользнул, но секунду промедлила, а потом было поздно...

— Вы же серьёзно ранены! Вы уже навоевались сегодня и заслужили отдых. Эй, санитары-ы...

— Глупости, я сбежал от них! И я своими ушами только что слышал, как вы упомянули Аркенстон. Вот, значит, куда отправились эти вечные зачинщики и бунтовщики... Короче, я с вами! И попробуйте хоть слово сказать против, всех уволю! Я всегда хотел увидеть этот камешек, ведь это Кааба для каждого гнома. Это — сердце нашего народа!

— Жми кнопку, Алиночка,— покачал головой агент 013.— Мы от него не избавимся...

Нашу четвёрку перенесло в какую-то дубраву. В просвете между деревьями там и сям виднелись развалины замков, коих здесь, похоже, было на квадратный километр больше, чем грибов в том же лесу, потому и развалили. Слева текла река, порожистая, бурная. Значит, гора где-то неподалёку. Наверно, за дубравой.

— Эх, не совсем точно попали, и холодно здесь,— посетовал гном, который уже начинал капризничать, как всякий больной. Жаль, санитары не догадались привязать его к койке.

— А теперь расскажите мне, что это за легендарный алмаз, я «Хоббита» давно читала и мало что уже помню,— попросила я, пока шеф и мой муж спорили, в какую сторону двигаться. Выбрали направо и по тропинке вниз, а там уже в гору и в гору...

Кот спокойненько достал из нагрудного кармана бронежилетам свой КПК, потыкал там стилом и прочитал:

— «Аркенстон, или Завет-камень, также прозвываемый в народе Сердце Горы,— очень крупный алмаз, найденный в Эреборе. Позже его захватил дракон Смог Золотой вместе с прочими драгоценностями из королевской сокровищницы. Годы спустя на этот камень, обшаривая логово Смога, наткнулся хоббит Бильбо Бэггинс. Он сохранил алмаз у себя, а позднее отдал его Барду Лучнику, который пытался с его помощью шантажировать гномов, вытрясая из них законную часть сокровищ дракона. После Битвы Пяти Воинств, в которой пал Торин Дубовый Щит, Аркенстон похоронили вместе с ним, ибо это была семейная реликвия рода Торина».

— А напомни, кто это Торин?

— Король Под Горой. Сын Траина Второго и внук Трора, который был королем здешних мест до тех пор, пока не прилетел Смог и не разорил подземный дворец Трора, уничтожив большую часть гномов, а остальные были вынуждены уйти в изгнание. Но Торин вернулся и...

— Ладно-ладно, я же не просила тебя всю его биографию рассказывать. Трор, Траин, Торин... я уже запуталась, кто там кому и кем приходится. Можно покороче?

Профессор надулся и взъерошил усы.

— А покороче: Торин погиб, не успев восстановить Подгорное королевство, о чём так мечтал,— с трудом заставляя себя не сделать мне замечание, продолжил он,— и был похоронен под горой вместе с алмазом. Камень этот никого не оставлял равнодушным, а теперь вот привлёк и наших Фёдора с Брандакрысом, этих криволапых бандитов, вечно создающих нам проблемы.

Значит, и он их всегда ругал про себя! Я посмотрела на Пушки с теплотой: приятно, что

у нас с ним бывают и общие мысли...

— Прошу извинить мою горячность, шеф,— тут же изменил тон наш подпевала.— Конечно, их нельзя всерьёз винить, они же как дети...

Вэк?! Вот так всегда, а я ему только что поверила... Подхалим, что тут скажешь! Мы обогнули дубраву и увидели гору.

— Одинокая гора,— торжественно возгласил агент 013,— а вон у неё сбоку Враний пик, голый как колено. Там должны быть сторожевые вороны, о них писал Толкиен...

Мы задрали головы, но посыпался шорох, и вместо ворон к нам из леса вдруг вышел недурственной внешности голубоглазый парень. Длинные золотые волосы в венке из листвьев, вплетённые в кудри цветы, перламутровое ожерелье на груди, короткая туника, ремешок с зелёными камнями и арфа под мышкой.

Хочу такой же ремень на джинсы! Быть может, только поэтому я не сразу заметила его заострённые уши. Эльф?! Первый раз вижу живого эльфа. Знала, что они с виду женственны, но настолько-о! Этот, кажется, и губную помаду использовал, в тон розовым аппликациям на груди, вороте и коротких рукавах. Парень оказался очень контактным, даже приставучим. С ходу заявил, что зовут его Лазурондом, и полез навязываться в друзья:

— О, люди, гном и разумное животное! Возьмите меня, я с вами. Наш владыка хотел женить меня на своей старой дочери. Фи-и! Я этого не вынес. Сбежал буквально из-под венца. И теперь я изгой среди своих, а ведь там остался мой возлюбленный Гомовин... Ах, но жизнь ведь не заканчивается.— Он окунул недвусмысленным взглядом Алекса и незаметно подмигнул ему.

Приятно, мой любимый даже эльфу нравится, это хороший показатель. Я ещё пуще им загордилась. И, притушив вспыхнувшую ревность, решила эльфа пока не трогать, всё-таки это первый увиденный мной в жизни эльф. Пусть живёт. Пока не хватает моего мужа за коленки, а там... Секир-башка! У нас, татар, с этим быстро...

И вообще, у нас уже какое-то Братство Кольца получается: гном, эльф, двое людей — Алекс и я, кот, сейчас до Брандаракрыса с Фёдором доберёмся, если их волки не съели, у нас и хоббиты будут, а если ещё колдуна где-нибудь подхватим, то полная колода наберётся. Только кот всё равно лишний. Ладно, пока нет своего колдуна, может, привязать ему бороду и называть Гэндалльфом? Не согласится, агент 013 у нас жутко самолюбивый...

Меж тем тропинка быстро вывела нас к подножию горы. Дальше следовало изображать альпинистов или искать обходные пути. Или спросить кого-нибудь...

— Ты случайно не знаешь, где вход в Одиночную гору? — прямо спросил Профессор, тоже не до конца уверенный в нужности нам этого голубоватого эльфа. Лазуронд почти не удивился говорящему коту, ведь говорить с животными для эльфов дело привычное.

— Конечно, знаю. Обычно последний луч солнца указывает на замочную скважину.

— Но ту дверь ещё Смог разрушил в припадке ярости!

— Я же говорю: «обычно». Это традиция для тайных входов, если вы не в курсе (в ваших краях, может, по-другому), не разрушать в припадке ярости, конечно, а терпеливо ждать последнего луча солнца, протирая в двери эту скважину взглядом. Так вероятней всего её там обнаружить. Где, как вы предполагаете, эта дверь находится?

— Мы ничего не предполагаем,— устало вздохнула я, ибо эльф показал себя полным дебилом.— Тема закрыта. Спасибо за участие.

— Значит, поищем расщелину в поросшей травой лощине, это тоже традиционное место для тайных дверей,— не обращая на меня никакого внимания, весело откликнулся остроухий тип нетрадиционной ориентации.— Я знаю здесь одно прелестное местечко!

Он кокетливо улыбнулся Алексу, как вдруг за его спиной на тропинку выпрыгнул медведь! Мы предупреждающие заорали, командор с шефом выхватили меч и топор, а кот отважно взлетел мне на загривок, шипя, как проткнутая шина.

Эльф оглянулся, увидел почему-то притормозившего мишку, дико завизжал, манерно замахал ладошками, чуть не уронив арфу, и одним изящным прыжком спрятался за моего мужа. Напуганный его визгом медведь развернулся, чтобы убежать, но тут выскочили его

товарищи, перекрыв ему отступление, ещё штук пять таких же медведей, только ещё выше и свирепее! Они были чёрные с белой манишкой, вроде гималайских, но широкомордые и громадные, как бурые аляскинские медведи. Мы обречены!

— А-а... кто-нибудь догадался захватить с собой мёд? — хрюплю прошептала я.— Нет?! Жаль... Тогда, может, нам прикинуться продюсерами китайского цирка и предложить им всем выступление на арене в трусах на мотоциклах?

Но тут произошло чудо. Один из них, полуседой, был ростом значительно меньше остальных. Движения его казались замедленными, он сильно сутулился и то и дело кашлял. И этот старый медведь вдруг сделал лапой знак, и остальные немедленно остановились. А сам он, шатаясь, подошёл к нам, раскрыл пасть и заговорил на человеческом языке, что никого, кроме меня, не удивило, но имя у него оказалось знакомое.

— Я Беорн, приставленный с моей дружиной охранять вход в эту гору. Так что лучше вам будет сейчас же уйти отсюда подобру-поздорову, пока все косточки целы.

Голос у него был грубый, хрюплый и сиплый.

— Мы ищем двоих хоббитов,— твёрдо ответил Алекс.

— Все в последнее время ищут двоих хоббитов.

— Это да, но мы не тех хоббитов ищем. Это совсем другие, они... — и я, поколебавшись, соврала,— безобидные. Бедняжки потерялись в лесу, и мы очень за них волнуемся. Потому что они у нас... немного... умственно отсталые.

Медведь смерил нас по очереди проницательным взглядом.

— А вы сами-то кто такие?

— Мы? Их дальние родственники и по совместительству их же лечащие врачи. Такие вот, не дай бог... э-э... не дай Иллуватор, в семье рождаются, так никому жизнь пряником не покажется!

Суровый взгляд медведя чуточку смягчился. Кажется, он стал склоняться к тому, что верит нам или, по крайней мере, тому, что, возможно, мы всё-таки не воры, хоть и очень на них похожи. А собственно, кто во всем Средиземье не похож на вора? Все похожи!

— Ваши друзья у нас, шныряли здесь, выглядели подозрительно, за полдня слопали все наши запасы мёда и ягод, забирайте их. И уходите.

— Ура,— тихо возликовала я. Мой муж нежно обнял меня за плечи, и даже ворчливый Пусик что-то буркнул по поводу неплохо проведённых переговоров...

Нас вывели из леса, и мы довольно долго поднимались вверх по узким горным тропинкам. В расщелине у ската горы стояли двое медведей, так, будто охраняли что-то, они выглядели именно как охрана по обеим сторонам двери. Значит, невидимая дверь здесь?

Наша внимательность не ускользнула от Беорна:

— Если вы искали вход в пещеру, то зря, внутри живёт дракон, и уж он вас живыми не выпустит. А ваши сумасшедшие дружки сидят вон там... опс...

В пещере, куда мы пришли, было пусто, на земляном . полу валялись обрывки верёвок да кучка пустых горшков из-под мёда. Беорн отругал косолапых стражников, прозевавших побег пленников. Те ему явно что-то объясняли, с оправдывающимися интонациями в рыке.

Да-а... остановить хоббитов, имеющих на руках «переходник», не может никто. Эти хитрецы позволили провести себя через лес, сожрали всё, до чего смогли добраться, и, бессовестно обманув стражу, нагло скрылись с помощью новейшего оборудования Базы! Ну попадутся они мне, я так вздую эту паскудливую шантрапу! Дайте только остаться с ними наедине, чтобы никто не смог нас разнять...

— Если они пробрались в гору, то сами виноваты,—обернулся к нам Беорн.— Там их ждёт только страшная гибель. Мы сделали всё, чтобы их остановить.

Похоже, что гималайские мишки тут вроде милиции, оберегающей порядок и отслеживающей правонарушителей.

Под их охраной мы вновь спустились к лесу. На удивление мирные и цивилизованные звери оказались, даже ни разу не попытались задрать ну хоть кота...

— Есть ещё один вход,— сказал шеф, когда медведи, отдав нам лапами честь, ушли.—

Пещера, из которой вытекает эта речка, Бегущая. В «Хоббите» она не охранялась, потому что вода была слишком холодная. Но не говорилось, что прохода через пещеру нет.

— Возможно, что рано или поздно потолок там опускается до воды, и мы только зря потеряем время,— засомневался мой муж. И правильно, лично я в ледяную воду по-любому не полезу. А кот тем более!

— Но мы должны проверить, вдруг хоббиты пошли этим путём. Они ведь и плавать не умеют,— стоял на своём шеф.

— Друзья мои, если вам так уж надо к этому противному дракону, я могу провести вас обходным путём,— подал голос говорчий эльф.

И мы где-то час спустя (пришлось делать большой крут, чтобы опять не попасться на глаза медведям), идя вдоль берега реки, дотопали до нужного места. Большая пещера, заросшая по краям деревьями, кустами и мхом, внизу вырывалась бурным потоком река Бегущая, но узкая дорожка внутрь всё-таки была, хотя и идти пришлось буквально по стенке.

В шуме потока ничего не было слышно, а вот когда мы выбрались в боковой тоннель и Алекс включил фонарик, вдруг раздался ужасающий вой! Я даже подумала, что шеф случайно наступил Профессору на хвост, но... Мгновением спустя на нас без предупреждения обрушился призрак бородатого коротышки в капюшоне с мерцающим в полумраке мечом и свирепым взглядом. Гном? Откуда здесь призрак гнома, если только... неужели сам...

— Ах, ах, это же Торин, а в руках у него Оркрист, легендарный эльфийский меч! Но почему он сияет так, словно мы — враги?! — мягко удивился отступающий Лазуронд.

— Потому что это не сам меч, а лишь его призрак,— сдержанно процедил кот.— Призраки всегда светятся, ибо чем ещё они могут напугать живых?

Меж тем гном перепрыгнул через него и кинулся прямо на меня. Я и не трепыхнулась и даже не подумала сдвинуться с места, Пусик же сказал, что призрак всё равно никакого вреда причинить не может, но этот призрачный меч проткнул мне плечо! Я упала на колени, едва не взвыв от дикой боли, словно в нерв укололи толстенной иглой, крови не было, но синяк наверняка будет!

— Уй-й-й, шайтан небритый! Чтоб тебя... вентилятором развеяло...— прошипела я, скимая плечо и повисая на подхватившем меня агенте 013. Он, как настоящий друг, стонал, но держал...

Алекс мстительно выхватил бластер и с криком «Убью!» собрался разметать призрак в клочья, но шеф вцепился в его руку:

— Не сметь, агент Орлов! Это раритет! Это краса и гордость всего гномьего мира! Его нельзя просто уничтожить, ведь он в своём праве, это мы нарушили его покой!

— Он поднял руку на мою жену, и я его сейчас так глубоко закопаю, что впредь он не...

— Не ссорьтесь.— Эльф мягко разнял их, не сводя взгляда с призрака.— Вы оба... такие смелые... И так прекрасны в порыве своей ярости, но, быть может, неупокоенной душе просто не хватает ласки и понимания?

И этот ходячий позор эльфийского рода плавной призывной походкой двинулся на призрак, качая бедрами, которые были на уровне головы Торина, и делал ими ТАКИЕ движения, что бедный призрак засмутился, покраснел сквозь туманные щёки, возмущённо выругался, сплюнул, утёрся бородой и... исчез. Абсолютно. Навсегда!

— Да, красота страшная сила,— слегка в ступоре от увиденного, завистливо протянула я.— Даже боль прошла, хотя и ноет ещё чуточку...

— Проход открыт, милые мои! Ну как я? — начал красоваться эльф, явно дожидаясь ещё от одного определённого человека восторга и благодарностей.

— Э-э, это было... впечатляюще,— с трудом выдавил из себя мой муж, поскольку именно на него «работал» в нашей компании эльф-оригинал.

— Интересно, какой там дракон, большой? — отдохнувшись, встярал котик.— Если как покойный Смог, то шансов у нас нет.

— Не-э,— нежно взмахнул рукой беспечный Лазуронд.— Средних лет дракон-недорослик. Не сравнится с драконами былых времен. По крайней мере, так говорят...

Его слова меня не успокоили. У них тут свои стандарты драконьих размеров. Они могут флегматично смотреть, как стометровый дракон на их глазах уничтожает целое королевство. Типа маленький ещё, балуется...

Алекс, видя моё волнение, ободряюще сжал мне руку и, вновь включив фонарик, поиском света исчезнувшего Профессора. Оказывается, агент 013, забежав вперёд, уже исследовал тоннель.

— Всё чисто, напарник. Только очень мокро.— Он отряхнул лапки и прыгнул командору на плечи.— Мы идём вниз, под гору, так что будет холодно, если, конечно, дракон не успеет нас подогреть.

— Какой чудный зверёк, очаровательно,— вкрадчиво просююкал Лазуронд, протягивая к Профессору руку. Кот мгновенно выпустил когти и сделал режущий взмах лапой у эльфа перед носом:

— Держи свои шаловливые ручки подальше, друг любезный, я женат!

Остроухий обиженно надул губки и, достав зеркальце тонкой эльфийской работы, почмокал губами, проверяя помаду. В принципе зря мы на него наезжаем, не такой уж он скользкий и помогает нам вполне искренне. Надо будет подарить ему пилочку для ногтей, просто так, на память, от девочки девочке, всё равно валяется в кармашке...

Мы шли по крайне высокому прямому тоннелю с гладким полом. Река текла где-то неподалёку, напоминая о себе мелкими ручейками сбоку. Потолок пока не опускался, проход даже становился шире, значит, впереди ещё большее пространство. Вот только следов наших хоббитов нигде заметно не было...

— Брандакрыс! Фёдор! — тихо позвала я. Их имена тут же отзывались гулким эхом, которое минуту спустя дополнилось каким-то странным брячащим звуком.

— Лапуля, ну и зачем ты разбудила дракона? — устало мотнул головой эльф, закатывая глаза. Я мстительно поджала губы, на пилочку может не рассчитывать.

Под ногами раз или два пробегали крысы. Сразу ясно, что гномы здесь больше не живут. У них бы крысы водились только на крысофермах, как бройлеры.

— Кстати, а куда опять делись все гномы? Дайн же вроде возродил здесь королевство,— наконец и я, неожиданно для себя, что-то вспомнила из «Хоббита».

— Они ушли в Морию, там воздух чище,— кашляя, пояснил наш шеф.— А здесь вдруг месторождения какого-то газа открылись... взрывоопасные.

— Ещё одна потрясная новость на сегодня,— вздохнула я.— Дракона хотя бы предупредили? Ведь пыхнёт пламенем разок не в ту сторону, и тут так метаном шарахнет!

Все на секундочку задумались о бренности бытия, потом вздохнули и продолжили путь. Наконец впереди замаячил оранжевый от свет. Туннель выводил нас в подземную залу с высоким сводом в виде полусфера, а на полу, мирно свернувшись калачиком (если такое выражение применимо к крупным рептилиям), лежал дракон. Он был синий с зелёными чешуйками, изящный, размером с «кукурузник»²⁴. А изумрудно-золотистые крыльышки просвечивали. Наверняка совсем ещё младенец, никаких «средних лет», и красивый, как на картинках! Он тихо дремал и поднял на нас сонный взгляд: вдруг мы ему снимся...

— Ой, всегда хотел посмотреть на такую прелесть,— восхищённо пропел Лазуронд, возбуждённо хлопая в ладоши, оптимист несчастный. Я же нервно забрала у мужа бластер и сняла с предохранителя. Знаем мы таких тихонь...

Опыт сражения с драконообразным у нас уже был, ведь мы завалили робоящера Симплициссимуса на Аробике, а он был раз в пять больше этого товарища...

Поняв, что мы всё-таки не сон, хозяин пещеры удивлённо потряс головой и оскалил приличные зубы. Золота нигде не было и в помине, но неподвижные жёлтые глаза без век

²⁴ Небольшой самолёт применяемый на сельхоз работах.

смотрели на нас с плотоядным любопытством. Получается, что ничего он здесь не охраняет, а просто живёт?

— Ух...одите... п...ока не позд...но,— посоветовал динозаврик прерывистым шипящим шёпотом. Но шёпот этот был равен по громкости пронзительному гудку паровоза, так что меня, по крайней мере, просто оглушил.

— И этот говорит по-человечьи! Есть тут у вас нормальные бессловесные животные?

Мы начали отступать...

— А п...оздно! — радостно зашипел он, метнувшись к выходу и загораживая путь отхода в тоннель. Ну прям супер, тонкий юмор! Хотя что с него взять, мозги, как у любой змеюки, меньше кулака. Надеюсь, хоть от того, чтобы загадки загадывать, удержится?

Удержанялся. Вместо этого он ударом хвоста выбил из рук Алекса фонарики, в пещере резко потемнело, вторым ударом он прицельно сбил в угол пещеры кота, третьим... Шеф размахнулся топором и отбил третий удар! Однако крепость драконьей брони была такова, что топор отскочил, как будто от металла, и чуть не ударили нашего начальника в лоб. Манерный эльф, отбросив свою любимую арфу, кинулся отклеивать от стены влипшего в неё вверх хвостом Профессора. Я выстрелил просто не рискнула, отрикошетит же...

Гном грязно выругался на древнешотландском. В современном переводе это значило примерно: «Твоя мать лягушка, и я мог бы быть твоим папой, но не хотел стоять в очереди!» Честно, честно, мне его секретарша рассказывала, уж она-то знает... .

— Бесполезно, у них только на брюхе уязвимое место размером с пятак,— сочувственно напомнила я.— Переверните его на спину и подержите пару минут, пока я пристреляюсь, а?

Шеф забыл о больной ноге, кивнул моему мужу, и они с двух сторон напали на непробиваемого дракона. Толку от этого было немного, разве что мы хоть как-то пробились к выходу. Юный зверёк царапнул по гипсу зубами, но гном вовремя успел отпрыгнуть, пока челюсти рептилии не сомкнулись. (После этого он уже по праву, а не для своего прикрытия, как в «Бей, Хоббитания!», целый месяц разъезжал по Базе в инвалидном кресле.) Командор скомандовал общее отступление, и мы в беспорядке дёрнули по тоннелю, подгоняемые огнём полыхнувшего вслед дракона и его адским хохотом. Действительно, чего мы туда попёрлись, раз там ни золота, ни хоббитов нет? Теперь беги ещё отсюда неизвестно куда...

Туннель раздавался, по-моему, я свернула в правильном направлении. Но в результате заблудилась. Вернее, меня все потеряли...

— Алекс! Агент 013! Лазуронд! Шеф! Вы здесь? Отзовитесь хоть кто-нибудь-удь! — напрасно взвывала я в темноту, мне отвечало лишь неровное эхо. Зубы начали постукивать от страха, к тому же я замёрзла и проголодалась. Гибнуть во цвете лет в холодных пещерах Одиночкой горы не было ни малейшего желания. Я почти приготовилась удариться в неконтролируемую панику, как где-то далеко забрезжил луч света!

Спрыгнув с потолка, я побежала к нему, хотя надо было двигаться осторожно, здесь много провалов, где-то новый дракон постарался, а что-то гномы ещё с прошлого раза не доделали. Свет сиял всё ярче, ярче, наверняка это кто-то из наших, но кто? Сейчас, сейчас, сейчас...

Свет так резко потух, словно его обрезали. И в тот же миг на уровне моего живота я почувствовала чьё-то жаркое прерывистое дыхание.

— Кто тут?! — дрожа, спросила я, но сама себя не услышала, голос пропал... меня осенила страшная догадка: орки...

И тут передо мной возникло освещаемое направленным светом круглое лицо со щербатой улыбкой до ушей:

— За нами-с пришли-с?

Я с перепугу крутанулась на пятке и левой ногой нанесла гнусной твари точный удар в подбородок. Судя по долгому воплю, гадкое существо отлетело от меня метра на четыре. В момент удара его фонарик упал мне под ноги, но не разбился. Я быстро подняла и дрожащей рукой направила свет на «коварного орка». Но это был не орк... Брандаакрыс!

— О, прости, я думала, это... А это ты. Тогда можно не извиняться. Ну знаешь,

Брандакрыс, добавили вы нам хлопот. Где Фёдор?

— Больно-с...

— Действительно, плевать на Фёдора! Скажи лучше, ты случайно не видел Алекса?! — умоляюще спросила я.

— Там-с кто-то-с прошёл-с— Он махнул ручкой, показывая направление, и, постанивая, вернулся к ощупыванию быстрорастущей шишкы на голове. Но я рывком подняла его за шкирку и, подталкивая вперёд (глаз с него больше не спущу), устремилась в указанном направлении.

Мы шли по каким-то галереям со стрельчатыми сводами, проходили под арками, выходили к подземным озёрам и водопадам. Нас атаковали летучие мыши, штук пять я настреляла, но наконец мы увидели в конце очередного тоннеля со сталактитами мелькание второго фонарика.

— Эй! Любимый! Это ты? Я здесь!!!

Через минуту он был рядом! Мой Алекс! Он тащил за собой связанного Фёдора в качестве охотниччьего трофея. Я хвастливо кивнула на свой — Брандакрыс!

— Наткнулась на этого оболтуса по дороге.

— Молодец. А я нашёл своего у озера, он там пытался выкопать ямку. И вот что у него было.— С ещё более победоносным видом командор достал из-за пазухи огромный кристалл.

— Аркенстон,— ахнула я, при свете фонаря рассматривая камень. Красота-а-а, он был ромбэдрической формы, отливал жёлтым и лучился всеми гранями.— Ты тоже потерял остальных?

— Нет, я оставил их в усыпальнице Торина и отправился на твои поиски,— сказал он, пряча алмаз обратно, уж слишком жадно на него смотрели хоббиты.— У шефа было два фонарика в вещмешке, мы включили их практически сразу, но ты уже пропала. Это я виноват, надо было прицепить тебе сигнальный маячок к поясу.

Я уже знала от Брандакрыса — у меня было достаточно времени, чтобы его допросить, пока мы плутали,— что они с Фёдором добрались-таки до алмаза. Но воспользоваться добычей на паях не сумели. Обладающий тонкой психикой Фёдор впал в безумие, схватил камень и, крича, что Брандакрыс хочет его убить, чтобы завладеть алмазом, сбежал в неизвестном направлении. Преступный синдикат двух заговорщиков был очень недолгим...

— Я запомнил дорогу,— улыбнулся Алекс— Надо спешить, у могилы Торина наш шеф стал... неадекватным.

— Рехнулся? — более прямолинейно предположила я.

— Возможно. Он остался на попечении эльфа и агента 013, но, боюсь, долго сдерживать его они не смогут. Тем более что эльфу я вполне не доверяю.

— Какая муха кусает всех у этой усыпальницы?!

— Жадность. Туда-то мы добрались довольно быстро и без проблем.

Хоббиты даже радостно бежали впереди нас, надеясь вновь увидеть алмаз Торина, когда мы вернём его в саркофаг.

— Я думала, на Аркенстон и гробницу наложены кучи заклятий?

— Судя по тому, как легко наши мелкорослики его выудили, всё это придумано лишь для отпугивания впечатлительных кладоискателей. Хотя опасность всё-таки есть — в горе живёт дракон, и медведи тоже стараются не подпускать сюда чужаков...

— А как же призрак? Он же может в любой момент появиться и наказать нас. Сам Торин при жизни за такое осквернение и убить мог, а сейчас уж тем более, ему терять нечего.

— Не знаю, любимая, пока его не видно. Может, из-за эльфа?

Но на самом деле, по-настоящему серьёзная проблема была не в призраке, не в грабителях-хоббитах, не в драконе и даже не в алмазе. Проблема оказалась в нашем шефе!

Бывший главарь банды гномов-красноколпачников ни в какую не хотел оставлять мертвому драгоценный камень. Его за уши было не оттащить от Аркенстона. Мы делали это

втроём — я, Алекс и кот. Двоих хоббитов и мешали, и помогали одновременно. Фёдор укусил гнома за правую руку, не давая возможности использовать топор, а Брандакрыс всё время подкатывался ему под ноги, стараясь завалить главу Базы. Лазуронд с кривой улыбкой наблюдал за нами со стороны и заодно стоял на стрёме у входа, чтобы предупредить, если появится дракон.

— Шеф, опомнитесь, вы же из боевых, а не из скряжистых гномов! — кричала я.— Вы не накопитель ценных драгметаллов и пошлых камешков. Вы были моим героем!

— Правильно говорил Толкиен: «Гномы вовсе не герои, ими движет жадность и расчёт»,— сокрушённо бормотал кот, пытаясь провести удушающий приём, но шеф не сдавался:

— Отставить, полковник! Вы нарушаете субординацию, я забираю этот алмаз не для себя. Он сделает нашу Базу процветающим оазисом!

— С нас достаточно цветов в оранжерее, оставьте камень Торину. Он защищает эту гору от вторжения всякой нечисти.

— Но гора необитаема!

— А дракон, вдруг без алмаза ему будет скучно?

— Он чуть не откусил мне ногу, и я после этого ещё должен о нём думать?! — возмутился шеф, снова пытаясь выкрутить алмаз из рук моего мужа.— Да чтобы он сдох, этот чахлый динозавр с крыльышками цветочной феи!

— Дракон! — вскрикнул Лазуронд. Ага, хозяин горы всё-таки до нас добрался. От его тяжёлых шагов с потолка сыпалась каменная крошка. Мы бросились бежать. Алекс успел положить алмаз внутрь и зацвинуть крышку склепа на место. Гнома он потащил на себе, тот окончательно обессилел от ран и пал духом от потери камня. Я же под дулом бластера гнала впереди себя заваривших всю эту кашу хоббитов...

Мы удирали со всех ног, сзади ревело пламя, но впереди брезжил свет, и я почти поверила в спасение, но... Узкий проход загораживали массивные фигуры разъярённых медведей! Не осталось ни следа от их цивилизованности и общительности. И нам просто не позволили выйти, мы показали себя обманщиками и лицемерами, и доказывай теперь, что это специфика нашей работы «оборотнями»...

— Вы обманули нас!

— Мы искали наших хоббитов, вот они оба! Дяденьки, отпустите нас домой, потому что сзади догоняет дракон!

— А с чего бы он к вам привязался? — подозрительно рычал полуседой медведь.— Знаем мы таких проныр, наверняка пытались вскрыть гробницу самого Торина?!

— Мы? Да ни в одном глазу! — продолжала отмазываться я, потому что все остальные дружно делегировали мне роль главной врунни.— Это хоббиты пытались спрятать какой-то там алмазишко... Но мы их наказали, поругали, драгоценность положили на место, а призраку великого гнома даже показали эльфийский любовный танец в исполнении нашего стройного друга. Какие претензии лично к нам, что мы не...

— Вы не послушались нас! Никто безнаказанно не обманет Беорна и его отряд Свирапых Чёрных Медведей. А тот, кто приходит на гору с ложью, остаётся в ней навечно!

Как мы ни уверяли их, что алмаз оставил на месте, они хотели нас лично выпотрошить, чтобы проверить не только карманы, которые мы охотно демонстрировали, но и желудки. Хотя кто сумел бы проглотить алмаз величиной с кулак моего мужа?! Думаю, даже тот же дракон наверняка бы поперхнулся...

— Чтоделать чтоделать чтоделать?! — в панике заметалась я по пещере, в порыве ярости тряся за воротники бледных хоббитов. Алекс с трудом оттащил меня от них и прижал к груди. Медведи теснили нас обратно к дракону, медленно, наслаждаясь своей властью. Самые мстительные глаза были у Беорна, недаром Гэндалльф советовал не сердить его...

— Выход один, любимая.— Командор указал взглядом на бурную реку. Профессор всё понял, застонал и твёрдо сказал:

— Нет! Алиночка, лучше убей меня здесь же из бластера, но в реку я добровольно не...

— Ах, всем купаться! — неожиданно восторженно воскликнул голубой эльф и первым прыгнул в реку, держа нашего котика перед собой. Мы все последовали его примеру. Последнее, что я видела перед прыжком, так это раздражённая морда обиженного дракона, в сердцах плюющего пламенем куда-то в сторону. А потом грохнулся ВЗРЫВ!

Уже в реке, несомая бурным потоком, я радостно вопила вслед удирающим медведям. Нас несло к свободе! А перед нами, на собственной тяге, врастопырку летел выброшенный метаном дракон. Вид у него был напуганный, но ничего, обвыкнется в воздухе, научится летать, потом нам же ещё спасибо скажет...

Выбравшись из воды на ближайшей излучине, мы разожгли костёр и кое-как обсохли. Больше всех пострадал агент 013, он отобрал у шефа плащ, завернулся в него и категорически отказывался с кем-либо разговаривать.

Причём основная причина его обид была даже не в том, что его заставили купаться! Профессор был дико обижен на нашу непроходимую тупость в том плане, что никому не пришло в голову банально воспользоваться «переходником»! Тот, украденный, хоббиты успешно заблокировали, нажав не на ту комбинацию кнопок, но ведь были ещё два — у Алекса и начальника Базы! Ну-у... сглутили, забегались, с кем не бывает... На самом-то деле Пусик и сам вспомнил о «переходниках» только что...

...Задерживаться мы не собирались: шеф ранен, все голодны, так что пришло время возвращаться на Базу. Мы поблагодарили эльфа за товарищескую помощь и сказали, что нам пора. Он сделал плаксивое лицо, но с нами не попросился. Хвала Аллаху!

— Прощайте, друзья мои,— вздохнул он, моргая и пытаясь прижаться к командору.— Мне жаль, что мы расстаёмся, но у вас свой путь и своя судьба. Опять я остаюсь один...

— Ты не один! — Из леса неожиданно вышел ещё один эльф, такой же манерный и стройный, только брюнет. Он смотрел на Лазуронда, и глаза его светились нежностью. Похоже, что это и есть тот самый Гомовин. Вот какая она, оказывается, эльфийская любовь... я всхлипнула от умиления. Вообще в последнее время такая сентиментальная стала, сама себя стесняюсь, хоть из дому не выходи.

— Возвращайся, дорогой, без тебя так плохо,— застенчиво сказал он.

Лазуронд восторженно взвизгнул и, долетев до любимого в три прыжка, бросился ему на шею.

— А проблемы с дочерью правителя? Что, уже исчерпаны? — бес tactно поинтересовался кот. Ага, значит, может говорить, когда хочет...

— Она... случайно отравилась грибами,— опустив глаза, пояснил Гомовин и многозначительно погладил друга по коленке.

— Ах, ты прелесть,— проворковал Лазуронд, их пальцы встретились...

Алекс торопливо набирал нужную комбинацию на «переходнике». Кажется, мы здесь уже лишние...

Прошла неделя... Суд над двумя главными заговорщиками прошёл в строгой торжественной обстановке, но закончился полным пшиком. Оказывается, скучающий Фёдор как-то набрёл в библиотеке на хрестоматийного «Хоббита» и в разговоре с друзьями упомянул Аркенстон. Коварный Брандакрыс сразу запал на эту идею, первым смекнув, что самый большой в мире алмаз так и лежит в могиле гномьего героя. Удрать вдвоём авантюристы не решились, прекрасно понимая, что по «переходнику» мы вычислим их в пять минут. Поэтому они избрали весьма хитрый план, убедив хоббитов помоложе принять участие в знаменитой битве. Пока мы спасали бы их, оба дружка спокойно успели бы украсть алмаз и скрыться с «переходником».

Впоследствии они хотели переждать «бурю» у моих родителей, а там продать алмаз в комиссионку и жить припеваючи, построив себе маленькую конфетную фабрику. Бред невероятный, кто бы мог купиться на такое, кроме...

В результате Брандакрыс получил три недели домашнего ареста, но самое ужасное, что этот мерзавец из-за специфического взгляда хоббитов на события и вещи опять стал популярен. Всю неудачу похода мохноногие возложили на инфантильного, снова впавшего в

грусть и апатию Фёдора. Имидж героя интроспективного типа погубил его. Видя, что он вновь ходит испуганный и печальный, хоббиты сочли, что он самый виноватый и есть!

Но ёщё месяц у этих недомерков находили и изымали всякое оружие, которое они каким-то чудом прихватили с поля битвы. У них куча потайных кармашков, и кто-то, а уж они умеют припрятывать сворованное. Но чтобы умудриться протащить на Базу топоры, алебарды и луки? О ножах, кинжалах, кошельках, украшениях уже и не говорю...

P. S. Нас вызвали к шефу. Гном стоял на пороге, сияющий, как медная посуда у Синелицего. Он уже вполне оправился после ранений, но впервые после возвращения так сиял. Мы тоже невольно улыбнулись. Видимо, какая-то удача привалила нашей Базе, если патрон такой довольный. Этот взгляд я видела у него лишь раз, такими глазами он глядел на Аркенстон... нет... не может быть... надеюсь, это не то, о чём я подумала.

— Гномы сбежали! Наверняка рассказы хоббитов зажгли их сердца на организованный побег. И они захотели посетить свою прародину, познакомиться с сородичами, обменяться опытом, посмотреть, как они живут...

— Вэк... — дружно выдохнули мы, все трое.

— А что вы так заволновались? У меня для вас хорошие новости. Нам удалось их отследить. Они как раз сейчас подходят к... Одинокой горе!

Да, ничего не скажешь, хорошая новость. А главное, неожиданная.

— Но мы-то тут при чём? Мы же не отряд по возвращению политэмигрантов...

— Как это при чём?! Наш с вами прошлый поход был полон приключений, и я надеюсь, что и в этот раз их будет не меньше. Нужно защитить алмаз, уж я-то знаю, какое он несёт искушение для гнома, у меня есть бесценный опыт по его преодолению, и моя помощь там будет просто неоценимой! Поэтому, как бы я ни был занят, я готов к отправлению.

Кот откинулся в обморок. Алекс схватил меня за плечи, чтоб я не дала волю рукам. Мне оставалось лишь скрипнуть зубом. О, Толкиен, прости нас, грешных...